

Он учил её
доверять небу.

Айлин Грин
дилогия

ПОДАРИ
мне
НЕБО

Она научила его
не бояться земли.

Айлин Грин

Подари мне небо. Диалогия

<https://litres.ru/72738454>

SelfPub; 2026

Аннотация

История невероятной любви и силы духа. Две книги под одной обложкой.

Марк - лучший пилот авиакомпании, Кейт - девушка, которая боится летать. Их случайная встреча становится началом истории, полной любви, боли и надежды. Одна ошибка. Одна трагедия...

Смогут ли они вновь обрести друг друга, несмотря на страх, вину и разлуку? Или останутся навсегда разделёнными небом и землёй?

Эта диалогия о том, как любовь может стать опорой, когда земля уходит из-под ног, и о том, что даже после падения можно подняться - если рядом будет тот, кто верит в тебя больше, чем ты сам.

Содержание

ПОДАРИ МНЕ НЕБО	5
Пролог	5
Часть 1. 2002 год. Глава 1. Кейт	10
Глава 2. Марк	15
Глава 3. Кейт	19
Глава 4. Марк	24
Глава 5. Кейт	29
Глава 6. Марк	35
Глава 7. Кейт	39
Глава 8. Марк	44
Глава 9. Кейт	53
Глава 10. Марк	59
Глава 11. Кейт	67
Глава 12. Марк	77
Глава 13. Кейт	85
Глава 14. Марк	93
Глава 15. Кейт	102
Глава 16. Марк	110
Глава 17. Кейт	122
Глава 18. Марк	131
Глава 19. Кейт	141
Глава 20. Марк	149
Глава 21. Кейт	158

Глава 22. Марк	166
Глава 23. Кейт	174
Глава 24. Марк	182
Глава 25. Кейт	190
Конец ознакомительного фрагмента.	196

Айлин Грин

Подари мне небо. Диалогия

ПОДАРИ МНЕ НЕБО

Пролог

12 сентября 2002 года

Резкий порыв ветра с грохотом распахнул окно в гостиной, заставив меня резко повернуться и невольно вдохнуть аромат осенней прохлады. На город обрушился шторм. Уже не первый за этот месяц. Шум стоял такой, что я не слышал даже своих мыслей. И это было прекрасно. Думать не хотелось. Чувствовать тоже. Не хотелось, в принципе, ничего.

Поднимая глаза в это осеннее чёрное небо, я задавался лишь одним вопросом – почему? И если не небо, то кто ответит на этот вопрос мне? Мне. Пилоту с десятилетним стажем. Тому, кто посвятил небу всю свою сознательную жизнь.

В дверь громко постучали и, не дождавшись моего разрешения, так же громко её открыли.

– Кажется, я не приглашал вас, – заметил я, внимательно изучая вошедшую.

– Я без приглашения, – отмахнулась девушка, которую я видел первый раз в жизни, – меня зовут София, я из центра психологической помощи. Мне нужно...

– Можете сразу уходить, – я устало закатил глаза, – выход там же, где и вход, – я кивнул на дверь, – общаться с кем-либо из вашего центра я не намерен. На столе лежит папка зелёного цвета. В ней документы из медицинского центра, в которых есть заключения врачей. Психиатр написал, что я здоров, а значит... что? – я усмехнулся. – Я здоров. Оставьте уже меня в покое, у меня нет никаких проблем, кроме физических.

София вздохнула, но, к моему удивлению, не стала настаивать на разговоре, выйдя за дверь. Я уже догадался, что за этим последует. Дверь распахнулась повторно, даже не успев закрыться.

– Ты понимаешь, что мы хотим помочь? – затараторила Лея. – Ты сидишь здесь уже больше месяца!

– Тридцать семь дней. Я умею считать, спасибо.

Точнее умел. Должен был уметь, но теперь я сомневаюсь, что я вообще что-то умел, ведь всё пошло не так, всё сбилось. Жизнь потеряла направление и смысл. Математика подвела. Я снова погружался в пучину отчаяния и ужаса, из которого мне было так трудно выбраться. Почти невозможно...

– Ты опять? – сестра сбила меня с размышлений, вернув в холодную реальность. – Сколько можно вот так сидеть и

жалеть себя?

– Ты в своем уме? – я даже охрип от возмущения. – Я не жалею себя, я жалею их! Всех тех, кто..., – шумно выдохнул, – кому... – и замолчал, не в силах продолжать.

– Брат... неужели ты не хочешь узнать...?

– Нет, – я резко перебил сестру, не желая снова начинать этот разговор. Я слышал её речи уже более десяти раз. Я не готов. Не был готов тогда. Не готов и сейчас.

– Послушай, я просто хочу...

– А я не хочу, – отрезал я, – уходи. Пожалуйста, Лея, уходи, – добавил я уже спокойнее.

– Ты даже не слушаешь! – сестра заводилась, и это раздражало ещё больше, чем её желание помочь.

– Лея! – я снова повысил на неё голос. – Я наслушался уже. Слушаю тебя больше недели. Я не хочу больше слушать, я не хочу слышать и не хочу говорить. Я просто хочу тишины, я хочу простой тишины!!! – на крик я всё-таки сорвался. – Уходи! Пожалуйста, дай мне побыть одному... И перестань приводить мне людей из различных центров любой помощи. Я в ней не нуждаюсь.

Сестра взглянула на меня с сочувствием и покачала головой.

– Ты бы сначала выслушал. София – мастер своего дела. Когда-то она тоже пережила похожую трагедию.

– Неужели? За минуту убила сто двадцать семь человек? Чёрт возьми, пусть вернётся, я передумал. Пожалуй, пожму

ей руку, – сарказм был неуместен, но сил на более адекватный ответ я не нашёл.

Лея грустно улыбнулась:

– Ты не вернёшь этих людей тем, что сидишь здесь и с отчаянием смотришь в небо. Не вернёшь. Оттуда не возвращаются. Но твоя жизнь продолжается. И ты должен взять себя в руки и продолжать жить. Жить! И хотя бы попытаться разобраться во всём. Не ради них. А ради тех, кто всё ещё с тобой. Ради себя самого. Ведь ты же выжил ради чего-то? Или ради кого-то? Значит, так было нужно. Значит, это судьба. Просто дай тем, кто тебя любит, возможность тебе помочь, быть может, тебе станет легче?

Она тихо вышла за дверь, оставив меня одного. В тишине. В моей тишине. Вокруг было громко, шумно – снова дождь, снова гром. Но я был в вакууме. Своём вакууме. Я смог отключиться от внешних звуков, смог снова погрузиться в себя.

Я пилот, мне тридцать два года, и ровно тридцать семь дней назад мой самолёт разбился. И среди ста двадцати пассажиров и восьми членов экипажа выжил только я один. Почему? На этот вопрос нет ответа, ведь небо не умеет разговаривать. Оно может только давать надежду. Или отбирать её в самый неподходящий момент.

Я слегка покачал головой, чтобы выкинуть из неё непрошенные мысли, и развернул инвалидное кресло спиной к окну. Взгляд натолкнулся на лежащую на столе папку. Надпись:

«Личное». Я глубоко втянул воздух, прикрыл глаза. Вот теперь пора. Аккуратно раскрыв папку, я начал читать.

Часть 1. 2002 год. Глава 1. Кейт

– Кейт! – услышала я голос отца с первого этажа. – Спустись, пожалуйста, вниз!

– Уже иду! – откликнулась я, ещё раз взглянув на себя в зеркало. Бессонная ночь дала о себе знать – даже макияж не скрыл синяков под глазами. Каждый день обещаю себе лечь спать пораньше, но как только на улице темнеет – сон исчезает как по волшебству. Грандиозные планы на будущее, тоска о прошлой жизни, нестабильное настоящее – всё это накрывает с головой, наводит на размышления. В голове постоянно крутится сотня вопросов – а что, если бы...? Почему всё произошло именно так? Кто виноват?

– Кейт! – голос отца звучит уже громче. – Ты заблудилась на втором этаже?

Я усмехнулась и, не дожидаясь ещё одного «Кейт!», спустилась вниз.

– Доброе утро, папочка, – я поцеловала отца в щёку и взяла кружку, чтобы заварить себе кофе, – о чём ты хотел поговорить?

– С чего ты взяла, что я хочу о чём-то с тобой поговорить? – отец удивлённо посмотрел на меня, наливая в кружку кипяток.

– Ты звал меня два раза, приготовил мне завтрак, помыл

зеркало в ванной. Нужно дальше перечислять? – я слегка подняла уголки губ.

Отец вздохнул и как-то слишком серьёзно посмотрел на меня. По спине пробежал холодок. Давно я не видела его таким серьёзным. Последний раз это было три года назад – как раз тогда, когда...

– Не переживай, Кейт, – отец сбил меня с размышлений, – все живы, всё хорошо, но ты права, разговор есть.

– Ну, выкладывай, – я закинула ногу на ногу и отпила кофе, – только недолго, сегодня на работе важный день, не хочу опаздывать.

Опаздывать сегодня было точно нельзя – Стив планировал какое-то совещание, перестановку кадров, новую схему работы и передать нам важную информацию, которая перевернёт нашу жизнь с ног на голову. Ну, это с его слов. Хотя, по моему мнению, наша жизнь и так давно стояла на голове.

– Дорогая Кейт, – папа вернул меня в реальность, – я бы хотел поздравить тебя с Днём Рождения и вручить тебе подарок.

День Рождения! Точно! С этим переездом я совсем забыла о том, что я сегодня стала ещё на один год ближе к старости.

– Пап, да не стоило заморачиваться, – я пожала плечами, допивая кофе, – я не люблю этот день, и дни рождения не отмечаю уже лет пять.

– Значит, пора вернуться в нормальную жизнь, устраивать

праздники на всю катушку, а не сидеть дома и считать, сколько лет тебе осталось до пенсии, – отец протянул мне большой белый конверт, – с тех пор как твоя сестра...

– Стоп, – я поморщилась, – можно не сегодня? – осторожно взяв тонкий конверт в руки, я посмотрела на отца. – Не хочу опять возвращаться в то время. Что в конверте?

– Думаю, будет неплохо, если ты откроешь и согласишься сама, – отец развернулся к холодильнику, – ещё раз с Днём Рождения, дорогая. Рад, что ты снова дома.

Дома... Не дом, а клетка воспоминаний, откуда нет выхода. Каждый сантиметр кричал о прошлом, каждый вздох в этом доме напоминал о том, что случилось тогда. Вернувшись сюда в очередной раз, я будто снова окунулась в те времена, когда... Стоп! Я мотнула головой, выкинув негативные мысли из головы, и разорвала конверт. Руки от волнения задрожали, и содержимое конверта упало на пол. Чёрт возьми! Что это? Почему сейчас? В конверте лежал подарочный сертификат на авиатренажёр. Десять посещений. Отец решил не только вернуть меня в этот дом, он решил вернуть меня в ту жизнь, от которой я так старательно убегала последние несколько лет. Может, это к лучшему? Если запереть котёнка в маленькой клетке с его страхами, то для того, чтобы избавиться от страхов, ему придется сломать эту клетку. Быть может, пора и мне сломать эту клетку?

Поблагодарив отца за подарок, я наспех надела кроссовки, взяла сумку и выбежала из дома. Мне срочно был нужен

глоток свежего воздуха. И сигарета. Поискав по карманам, последнего я не нашла, а, значит, по пути в офис придётся заскочить в табачный магазин. Бросив быстрый взгляд на часы, я запрыгнула в машину. Ещё немного, и я все-таки опоздаю.

Добравшись до офиса, я с удивлением обнаружила табличку «Закрыто на инвентаризацию». Чёрт возьми, какая инвентаризация? Я достала телефон, чтобы позвонить Стиву, своему боссу, и уточнить, что он решил инвентаризовать в нашем полупустом офисе, и какое это имеет отношение к тому важнейшему собранию, которое было запланировано на сегодня? Гудки в трубке нервировали, но Стив не торопился ответить на звонок.

– Кейт, милая! Доброе утро! – раздалось из трубки за секунду до того, как я планировала отключиться. – Я забыл тебя предупредить! Мы сегодня закрыты, собрание переносится, завтра я всё объясню, а сегодня можешь отдохнуть, встретиться с друзьями, или провести романтический вечер, пока! – он отключился быстрее, чем я успела его хотя бы о чём-то спросить. Друзья, романтика... Легко сказать. Друзья, безусловно, у меня были, но основная их часть осталась там, откуда я вернулась домой. А вот романтика – это пока не ко мне. Мой партнёр – моя работа, и сейчас я всецело посвятила себя ей. Я вспомнила про сертификат, который подарил мне отец сегодня утром, и который тяжелым грузом лежал в моей сумке. А почему бы и нет? Сама судьба устро-

ила мне выходной. Может, это мой шанс? Возможно, я всё-таки смогу сломать клетку, и моя жизнь изменится? Я снова села в машину, включила радио и отправилась туда, откуда надеялась вернуться другой.

Глава 2. Марк

– Вы в своём уме? – я положил план полётов на стол. – Вы хотите, чтобы эти рейсы стали последними?

– Для кого?

– Да в первую очередь для пассажиров, потому что их пилот уснёт во время полёта, направив самолёт на верную гибель.

– Что не так, Марк? – Алекс подвинул план полётов к себе, внимательно изучая, что же могло меня так возмутить. – Все полёты составлены в соответствии с требованиями нашей компании, и они...

– ...и они должны пересмотреть свои требования, потому что они неадекватны, – я оставался невозмутимым, отчётливо понимая, что я прав. И только самоубийца согласится на такой график полётов.

– Я, конечно, попробую поговорить с Томом, но не знаю, как он отреагирует, – Алекс устало потёр переносицу, – что именно ты хочешь поменять?

– Глобально? Хочу большой дом на берегу океана, красивую жену, троих детей, яхту, большой автомобиль, личный самолет, – я начал перечислять свои желания, откровенно издеваясь над своим напарником, – ещё можно...

– В полётах, Марк. Что бы ты хотел поменять в полётах?

– Алекс был явно не настроен шутить. – Твои личные предпочтения вряд ли по достоинству оценит Том.

– А ты попробуй с ним договориться, – я взял рюкзак со стула, – жду информации по смене графика, а пока отчаливаю, – я махнул ему рукой и вышел за дверь, пока он не завёл свою пластинку о том, как я должен ценить руководителя, любить его, носить на руках и выполнять все его поручения, даже если они откровенно граничат с маразмом.

Выйдя из здания, я достал из пачки сигарету и закурил. Эта нервотрёпка с новым графиком полётов меня откровенно достала. Которую неделю пытаюсь избавиться от вредной привычки, но, судя по всему, в ближайшее время мои лёгкие отдыхать не будут.

Складывалось ощущение, что новый руководитель, мягко говоря, не от мира сего. Иначе объяснить, почему человек, управляющий авиакомпанией, пусть и небольшой, не понимает, почему между двумя перелётами должно пройти никак не пятнадцать минут, я не могу. Да я даже из самолёта выйти не успею! Чёрт возьми! Надеюсь, Алексу удастся с ним договориться, и мы вернёмся к адекватному графику. Иначе пусть ищут другого пилота, а я устроюсь уборщиком самолётов. Ответственность меньше, нагрузка легче, а зарплата вполне себе неплохая. В кармане завибрировал телефон. «Том» – высветилось на экране, и я закатил глаза, нажимая на зеленую трубку:

– Слушаю, босс, – ответил я сдержанно.

– Марк, совершенно забыл тебе сказать, с сегодняшнего дня ты записан на курс полётов на авиатренажёре.

Я едва не проглотил сигарету, поперхнувшись. Курс чего? Я летаю уже восемь лет, какой авиатренажёр? Почему бы тогда не отправить меня на курс основ аэродинамики? А ещё лучше на алгебру и геометрию в старшие классы.

– Том, – осторожно начал я, – для чего мне авиатренажёр? Я летаю уже восемь лет, у меня нет аэрофобии, я не закрываю глаза на посадке, не пью вино перед...

– Твои заслуги мне известны, Алекс в красках расписал все твои достоинства, вот только наш авиапарк пополняется, и вместо привычного аэробуса, ты скоро сядешь на боинг.

– На что? – мне показалось, что я ослышался. Я так привык к аэробусам, ну какой боинг? Зачем? Пусть Алекс летает на боинге, у него за плечами богатый опыт, выходы из сложных ситуаций, и у него...

– На боинг, Марк, – перебил мои мысли Том, – а там достаточно много тонкостей, например, более низкий уровень автоматике, а потому двигатели запускаются чуть дольше, чем у ...

– Чуть дольше? – возмущённо перебил я. – Да на аэробусе долететь до места назначения успеешь, пока боинг двигателя запустит! – сказать, что я был в гневе – не сказать ничего. И дело было вовсе не в том, что нужно пересесть на новый самолет. Разница между ними, конечно, была, но не такая критичная, чтобы бросить карьеру пилота. Однако этот но-

вый подход руководства меня просто убивал. Не успев вступить в должность, Том решил перевернуть всё вверх дном.

– В общем, пока ты проклинаешь меня в своих мыслях, садись в машину и езжай тренироваться. Времени у нас в обрез, запасного пилота нет, а равных тебе я всё равно так быстро не найду. Позвонишь мне вечером, расскажешь свои впечатления.

Том отключился, не дав мне выплеснуть весь негатив на него. «*Равных тебе я не найду*». Ну, хотя бы это он понимает. В любом случае, всё это сводилось лишь к одному – мои желания и планы отходили на второй план, а на первый выходил авиатренажёр. Ну не только же небо покорять пилотам? Покорю и боинг. Точнее авиатренажёр.

Глава 3. Кейт

Остановив машину у авиатренажёрного центра, я заглушила двигатель и откинулась на спинку автомобильного кресла. Запал, с которым я сюда ехала, начал пропадать. Чего отцу взбрело в голову? Зачем он пытается вернуть меня в то время, из которого я с трудом вырвала своё сознание. И я неплохо, в общем-то, жила эти годы. Пока не вернулась домой. *«Дома и стены лечат»* – так обычно говорят? В моём случае эти стены не лечат, а калечат.

На душе стало как-то беспокойно, вся моя уверенность в себе куда-то улетучилась. Сейчас я почувствовала себя маленькой девочкой, которой надо прочитать стихотворение, стоя на высоком стуле в окружении любимых и нелюбимых родственников.

С другой стороны, ну чего я боюсь? Авиатренажёр – это не самолёт, он не разобьётся, не разгерметизируется, не загорится, в конце концов! А, может, выкинуть этот сертификат и пойти прогуляться по центру города? Отцу скажу, что посещаю этот пыточный тренажёр. В конце концов, откуда он узнает, была я там или нет? К сожалению, эту мысль пришлось быстро откинуть, потому что я слишком хорошо знала своего отца. Уж он-то точно узнает, была я там или нет.

Выйдя из машины, я направилась в сторону близлежащего

кафе. От волнения я жутко проголодалась, а начинать новую жизнь на пустой желудок была не готова.

В кафе было немногочленно – разгар рабочего дня – завтрак уже закончился, а до обеда ещё оставалось пару часов. Доброжелательные официанты сразу же предложили мне свободный столик у окна, из которого открывался потрясающий вид на город. Этот город – город моего сердца. Впервые я оказалась в Мюнхене, когда моего отца отправили в командировку. Мне тогда было шестнадцать лет, и я очень не хотела ни в Мюнхен, ни куда бы то ни было – меня забирали от друзей, от привычного жизненного уклада. Но как только я сошла с самолёта, меня посетило странное чувство, как будто я вернулась в то место, где уже бывала ранее. И лишь за пару недель, пока мой отец занимался работой, а я бродила по улочкам Мюнхена, я влюбилась. Влюбилась окончательно и бесповоротно в этот город. Город, где современная немецкая архитектура так уютно сочеталась со старыми постройками. Город, где педантичные немцы никуда не спешат, а после окончания рабочего дня собираются на ступеньках у кафе, ресторанов, площадей – пьют пиво, обсуждают бытовые проблемы и просто наслаждаются жизнью. Город, где в воскресенье не работают магазины, и у тебя есть этот день для того, чтобы отдохнуть, погулять и ни о чём не думать.

Официант принёс мне кофе и знаменитые вайсшурсты (*вайсшурсты* – белые мюнхенские колбаски, в переводе с

немецкого weiss— белый, *wurst*— колбаса. (прим.автора) – в животе приятно заурчало. А запах пряностей! Он был невероятен. Я не ела их больше трёх лет!

– Кейт? – внезапно раздался низкий мягкий голос у меня за спиной.

Я обернулась и обомлела.

– Том? – я несколько раз моргнула, думая, что он мне привиделся. – Не может быть!

– Может, – рассмеялся он, раскрывая объятия, – иди сюда, дорогая, я не видел тебя сотню лет!

– Всего-навсего три года, – улыбнулась я, осторожно принимая его объятия. За сегодня я настолько окунулась в прошлую жизнь, что испугалась захлебнуться воспоминаниями или утонуть в них. – Ты здесь какими судьбами?

– Меня пригласили на должность руководителя авиакомпания, – он внимательно посмотрел на меня, ожидая моей реакции, но я упорно молчала, не зная, как правильно отреагировать на эту новость, – и мы с женой переехали сюда.

– С женой? Ты женился? – удивленно спросила я.

– Да, год назад, – он как будто виновато потупил взгляд. Хотя к чему эта реакция? Жизнь продолжается, и я была рада тому, что хотя бы кто-то не заиклился на прошлом, а смог двигаться дальше.

– А дети...? – Я тут же прикусила язык, коря себя за бестактность.

– Пока нет, – он покачал головой, – но мы над этим рабо-

таем. После того, как твоя...

– Давай не сегодня? – слишком резко перебила я его. – На сегодня достаточно воспоминаний, я не хочу пока об этом говорить. Ты присядешь?

– К моему большому сожалению, не могу, у меня сегодня много работы, и, судя по всему, намечается конфликт с лучшим пилотом нашей авиакомпании, которому явно не нравлюсь я в роли руководителя.

– Уверена, что он изменит своё мнение, как только узнает тебя поближе, – усмехнулась я, – ты не можешь не влюблять в себя людей.

– Но ты же не влюбилась, – он подмигнул мне, – или у тебя иммунитет?

– На таких красавчиков? Да нет, скорее всего, я просто не разбираюсь в мужчинах. Беги уже по своим делам, влюбляй в себя в пилота. Буду рада пообщаться, когда станешь немного посвободнее и расскажешь про свою жизнь.

– Познакомлю тебя с Марией, моей супругой, думаю, вы найдёте общий язык, – он протянул мне визитку, – там мой номер телефона, позвони, как будешь готова окунуться в прошлое и вписать его в настоящее. – Том послал мне воздушный поцелуй, и вышел из кафе.

Я посмотрела на визитку. Такая типичная немецкая визитка – имя, фамилия, номер телефона, название авиакомпании и маленький самолётик в левом углу. Ничего лишнего, ничего яркого. Я снова посмотрела в окно. Прекрасный го-

род, вызывающие восторг краски и какой-то особенный аромат, которым пронизан весь воздух. Мучительные воспоминания о прошлом, которые не покидали меня с момента возвращения домой, немного затухли под тем впечатлением, которое на меня оказывал он. Мюнхен. Мой Мюнхен.

Доедая свой незапланированный обед, я дала себе твёрдое обещание, что снова полюблю этот город, не дав негативным воспоминаниям заполнить меня всю.

Глава 4. Марк

Раздраженно бросив сумку рядом с имитированной кабиной «Боинга-747» я протянул свою «корочку» инструктору, который активно жестикулировал передо мной, явно предлагая мне какие-то услуги.

– Мне не нужна консультация, – лениво вынув наушники, заметил я, – я из «Deutsche Airlines». Том Нойманн должен был вас предупредить о моём приходе.

– Благодарю за информацию, – активный жестикулятор поставил отметку в своём журнале, – можете проходить в кабину, там вас проинструктируют.

Я закатил глаза. Складывалось ощущение, что мне восемнадцать лет, и я впервые вижу авиатренажёр. Безусловно, я был всеми руками и ногами за то, чтобы узнавать новые самолёты, покорять новые высоты, но было бы здорово, если бы те, кто меня сюда направил, не считали меня за новичка, который не знает, где у самолёта штурвал. Радовало одно – имя руководителя авиакомпании было на слуху, и от меня быстро отстали со своими советами. Нойманн – фамилия нарицательная в немецком авиамире. Их семья – целое поколение авиарботников. Отец Тома – Генри – был пилотом, его мать – стюардессой. Сестра работала в таможенной службе аэропорта, а дядя был авиадиспетчером. Настоящая

династия любителей неба. Поэтому, когда я узнал, что руководить нашей компанией будет один из семьи Нойманн, я был впечатлён. Кто же мог подумать, что Том, как новая метла, начнёт мести по-новому, и что от отца ему досталась только фамилия.

Войдя в имитированную кабину «Боинга-747», я при-свистнул. Несмотря на то, что за спиной у меня было более четырёх тысяч часов налёта в качестве командира воздушного судна, опыта полётов на боинге у меня не было. До того, как в «Deutsche Airlines» начались перестановки, центральный офис компании располагался в Гамбурге, и для того, чтобы пересесть на новый самолёт, нужно было пройти обучение либо здесь, в Мюнхене, либо в Берлине. Времени мотаться между городами у меня не было, а получив звание лучшего пилота в авиакомпании и изучив каждый миллиметр аэробуса как внутри, так и снаружи, не было смысла что-то менять. Боинг – это любовь Алекса. Он даже в качестве пассажира предпочитал выбирать именно его. И, несмотря на свою любовь к аэробусу, я, кажется, стал понимать, почему Алекс остановил свой выбор именно на этом самолёте. Не зря 747 называют королём небес. Кабина, конечно, была маловата по сравнению с габаритами самого самолёта, но в ней был определённый шарм. Шарм! О Господи, я стал романтичным пилотом!

– Вы на тренировку? – раздался голос справа от меня.

– Нет, хочу слетать на Мальдивы. Вы второй пилот? – вни-

мательно изучая вошедшего, съязвил я.

– Я бы тоже не отказался, – усмехнулся он, совсем не оби-
девшись, – Макс, инструктор «Боинга-747», – он протянул
мне руку.

– Марк, – я пожал руку в ответ, – пилот из «Deutsche
Airlines».

– Пилот! Ну, Слава Богу! – Макс искренне улыбнулся. –
Наконец-то я буду работать с человеком, который реально
управляет самолётом, а не с вот этими всеми... – он обвел
пустоту руками вокруг, не закончив фразу.

– С вот этими всеми... кем? – я на всякий случай посмот-
рел вокруг себя, но кроме нас двоих в кабине никого не бы-
ло. Летать, пусть и виртуально, с человеком, который кого-то
видит, было слегка боязно.

– Да со всеми, – раздражённо продолжил инструктор. С
тех пор, как авиатренажёр превратили в коммерческую иг-
рушку и стали продавать сертификаты всем, кому ни попа-
дя, здесь стало невозможно работать. Приходят дети, кото-
рые вообще не понимают, что такое самолёт и зачем он ну-
жен. Приходят люди с аэрофобией, и, как только закрывает-
ся кабина, а мы приступаем к имитированному взлёту, они
теряют сознание, впадают в истерики... ну и прочие радости.

Живо представив картину с падениями в обморок, я улыб-
нулся Максу:

– Обещаю, в обморок падать не буду, кричать тоже. Мак-
симум, могу начать ругаться, если «горбатый» окажется не

таким ловким, как аэробус.

– Тогда, поехали! Точнее, полетели.

Макс вкратце рассказал мне об основных отличиях боинга от аэробуса. Кроме визуальных особенностей, которые заметны даже пассажирам, узкой кабины и узкого остекления, к которым было нетрудно привыкнуть, боинг, как и прежде, отличался более низким уровнем автоматике – двигатели запускались парами, но занимало это около десяти минут, вместо аэробусовских двух-трёх. Макс предупредил меня, что в кабине боинга довольно шумно, а потому говорить придётся громче, чем в аэробусе.

Но всё это меркло по сравнению с тем, каким самолётным... каким настоящим был этот боинг! Если в аэробусе ты чувствуешь себя компьютерным оператором – основную работу выполняет автомат, автопилот – то в боинге ты ощущаешь мощь самолёта, его грубость и чувствуешь себя настоящим пилотом. Штурвал, трос, гидроусилитель – огромные рычаги торчат со всех сторон. Управление максимально ручное, и в этом был определённый кайф. Тем, кто выбрал профессию пилота, управлять самолётом было намного интереснее, чем просто нажимать кнопки и ждать, когда самолёт сам сделает остальное.

Приступив к первому имитированному взлёту, я вспомнил все те навыки, которые слегка поугасли, пока я летал на аэробусе. Вручную управлять самолётом мне приходилось нечасто в своей практике – благо, с происшествиями я прак-

тически не сталкивался, а на всё остальное хватало автопилота и максимальной концентрации на словах диспетчера и погодных условиях. Реалистичность авиатренажёра меня тоже поразила. Конечно, сравнить полёт на нём с полётом на настоящем судне было нельзя, но ощутить турбулентность, качку, тяжесть подъёма этого гиганта в воздух – вполне.

Спустя час тренировки, трёх успешных взлётов и посадок, осознания, что, летая на боинге, моим пассажирам не о чем беспокоиться – Макс пожал мне руку и отпустил до завтрашнего дня. Он протянул мне стаканчик кофе, отсалютовал своей фуражкой (реалистичность тренажёра была не только в управлении, но и в антураже – инструктор играл роль второго пилота, был одет в специальную форму и носил фуражку для максимальной реалистичности), и я, поблагодарив его за тренировку и кофе, попрощался.

Открыв дверь имитированного самолёта, я вышел из боинга. Ощущения давно забытые – ты вроде как и взлетел, и самолёт успешно посадил, но место дислокации не изменилось. Отпив кофе, я посмотрел на часы – в учёбе был большой плюс – впереди ещё полдня, а я уже был свободен. Внезапно я почувствовал, как моя рубашка намокает, стакан с кофе приземляется на пол, обрызгав ботинки, а я рефлекторно хватаю того, кто влетел в меня и стал виновником пролитого кофе и мокрой рубашки. Опуская взгляд, понимаю, что с полом я ошибся. Виновник оказался виновницей, и вполне себе симпатичной.

Глава 5. Кейт

Чёрт возьми! Я настолько увлеклась изучением брошюры, которую мне всучил какой-то молодой человек на входе, что с размаху врезалась во что-то. Или в кого-то. С опасением поднимая взгляд, я убедилась в том, что препятствием оказался кто-то. И этим кем-то оказался красивый молодой мужчина – высокого роста брюнет с ярко-синими глазами. И сейчас эти глаза убыют меня, потому что их цвет ну никак не сочетался с тем пятном, что расплзлось у него на рубашке. Кажется, это было кофейное пятно. Опустив взгляд вниз, я увидела ещё и испачканные ботинки, и стаканчик из Starbucks. Точно, кофе...

– Я...вы...мы... – от неожиданности столкновения я позабыла все слова вежливости.

– Вы...я...мы... – передразнил меня синеглазый мужчина, – ещё местоимения знаете?

–Местои...что? – я немного опешила от того, что тот, на кого я только что вылила целый стакан с кофе, испортил его внешний вид, не начал орать на меня, проклиная на чём свет стоит. Хотя намокшая рубашка на нём смотрелась весьма привлекательно. Через мокрую ткань было видно, что мужчина подтянут и...Интересно, он знал, насколько он красив...? Господи, о чём я только думала!

– Местоимения, – продолжал издеваться он, заставив меня оторвать взгляд от его рубашки... или тела. Точнее пятна! – Я подумал, мы пытаемся вспомнить их все, – глаза его улыбались, и он, судя по всему, не злился. А я, кажется, начала терять нить разговора.

– Прошу прощения, – его доброжелательность вернула мне дар речи, – я не хотела, чтобы так вышло. Я просто зачиталась и...

Бросив взгляд на брошюру, я осознала, что зачиталась рекламой мужского клуба «для тех, кто любит погорячее». Кажется, я была не в себе, когда решила взять её у раздающего. И ещё больше я была не в себе, когда стала её рассматривать.

– Да ничего страшного, – усмехнулся он, – интересные у вас предпочтения, – он хмыкнул, взяв брошюру из моих рук и, выгнув бровь, начал изучать мужчин, комментируя каждую написанную фразу и внимательно изучая мою реакцию.

Я почувствовала, как начинаю краснеть. Ладно бы он просто смотрел на эти картинки! Так он бросал многозначительные взгляды на меня, читая каждую строчку, делая акцент на самых интересных фразах. Ну как теперь оправдаться, что брошюру я взяла из вежливости, а её содержание я даже не замечала, потому что снова думала о прошлом?

– Ещё раз прошу прощения, если хотите, я могу постирать вашу рубашку и вернуть её в первоизданном виде...

– У нас с вами ещё даже первого свидания не было, а вы

уже предлагаете мне раздеться, – он подмигнул мне, – давайте сначала, хотя бы для приличия, познакомимся? Я Марк, – он протянул мне руку.

– Кейт, – я расслабилась, принимая его рукопожатие, – приятно познакомиться, и ещё раз прошу прощения за то, что испортила вам рубашку.

Марк махнул рукой и, ничего не сказав, слегка нагнув голову, внимательно стал изучать меня. Тут же в голове закружились мысли о том, как я выгляжу, не испорчен ли макияж, не помялась ли одежда, сочетается ли цвет кроссовок с цветом ремня на джинсах. Джинсы! Ну почему я не выбрала что-то посимпатичнее? Что-то, что больше открывает достоинства, а не прячет их. Я мотнула головой. О чём я только думала? Какие достоинства? Будто я красивых мужчин не видела. Да у нас в офисе половина мужчин выглядели как фотомодели. Но Марк притягивал к себе взглядом, цвет его глаз... он был не просто синим, он был каким-то глубоким, у него были глаза цвета...

– Согласен, я потрясающе красив, – ухмыльнулся он, заметив, что я внимательно его изучаю. Так же, как и он меня.

– Не льсти себе, – *и давно ли мы перешли на «ты»?* – Я задумалась о том, какое средство лучше всего отстирает пятно на рубашке.

– Ты снова строишь планы, как поскорее меня раздеть? Боюсь, что таким горячим, как парни с твоей брошюры, мне пока не стать, – он засмеялся, потому что я опять начала

краснеть. – Забудь ты про эту рубашку, у меня в машине есть запасная. Лучше расскажи, что такая симпатичная девушка делает в этом специфическом месте?

К моему удивлению рядом с этим человеком я почувствовала себя расслабленно, и мне очень не хотелось, чтобы этот разговор заканчивался, а уж тем более не хотелось идти туда, куда бы нога моя не ступала. Говорить о том, зачем я тут, я не горела желанием. Показывать свой страх перед Марком – тем более. Решит, что я сумасшедшая. А я никак не могла выкинуть из головы его слова о том, что у нас пока не было первого свидания. *Пока...* Ключевое слово «пока». Несмотря на то, что своим партнёром я давно считала свою работу, сходить на свидание с таким красавцем я бы не отказалась. А уж, если без рубашки... Стоп! Я молча протянула ему сертификат, который подарил мне отец.

– Ух ты, – Марк удивленно взглянул на меня, – на работника авиакомпании ты не похожа, на студентку тоже, значит, ты пришла сюда, чтобы справиться с аэрофобией? Ты раньше летала на самолётах, но после того, как что-то случилось, перестала и теперь пытаешься избавиться от давнего страха?

Вот это да! Он ясновидящий? Мы были знакомы буквально десять минут, а он смог прочитать во мне то, что я так старательно зарывала внутри, и точно не была готова делиться этим с ним. Ну, по крайней мере, не сейчас, не здесь... не сегодня.

– Расслабься, – продолжил Марк, улыбаясь, – я только что

вышел из этого железного монстра, и инструктор рассказал мне о том, какие категории людей посещают авиатренажёры.

Я улыбнулась, судорожно соображая, как выйти из этой ситуации достойно – если признаюсь, что у меня аэрофобия, он может начать выяснять причины, а если соврать о чём-то, то придется врать долго и много...

– Да, ты отчасти прав. Я боюсь летать, потому что в полёте я ничего не контролирую, а доверяю свою жизнь пилотам, которые закрыты в своей этой железной кабине, и от них зависит жизнь сотни пассажиров...они своими руками вершат судьбы других людей, их ошибка может убить сразу двести, триста человек...

– А ещё они могут спасти эти триста человек так, что они даже об этом не узнают, – тихо добавил Марк, – потому что о плохом трубят все новости, а о том, как пилоты ежедневно по всему миру сажают самолёты то на одном двигателе, то с отказом какой-то электроники, они тактично умалчивают. А потому люди, которые заходят в самолёт в качестве пассажиров, панически молятся Богу, пьют алкогольные напитки, вжимаются в кресла, но никто из них даже не задумывается о том, насколько безопасно летать на самолётах. Гораздо безопаснее, чем ходить пешком. Ты, например, знала, что пару недель назад в центре Мюнхена убили двоих прохожих? И такую статистику я могу собрать по всему миру. Поверь мне, она неутешительна.

Я с удивлением смотрела на него. Он говорил так, что у

меня на какое-то мгновение отступил страх. Хотя делал он это не так, как обычно делают люди, которые пытаются избавиться тебя от твоих фобий. Он так странно смотрел, как будто сквозь меня, как будто за мной была некая бесконечность, которая затягивала его с головой. Я даже инстинктивно обернулась, но за моей спиной был только боинг. Точнее его кабина в облинии авиатренажёра.

– Ты...как-то связан с авиацией? – попробовала я догадаться.

– Напрямую, – кивнул Марк, – я пилот авиакомпании «Deutsche Airlines», и вся моя жизнь проходит в небе, я редко чувствую опору под ногами, – он подмигнул меня, – а теперь позволь мне извиниться и пойти переодеться, если интересно – пришлю потом селфи. Мой номер телефона есть на визитке. А она – в твоей брошюре. Если ты считаешь, что я всё-таки горячее тех, кто изображён на ней, то, я уверен, ты не пожалеешь, – он наклонился и оставил лёгкий поцелуй у меня на руке.

Визитку я сразу убрала в сумочку, а брошюру выкинула в мусорное ведро.

Не знаю, как редко он чувствовал опору под ногами, но, кажется, я её только что потеряла насовсем.

Глава 6. Марк

Выходя из центра авиаподготовки, я не мог сдержать улыбки. Начавшийся так нелепо, этот день стал намного лучше после встречи с той, кто испортил мне любимую рубашку. Трудно сказать, что меня в этой Кейт зацепило. Как пилота, который ежедневно наслаждается внешним видом идеально накрашенных стюардесс, с точёными фигурками, стройными ногами и прочими прелестями женской фигуры, меня удивить сложно.

Однако в небе моё внимание сконцентрировано полностью на полёте и на том, что происходит вокруг самолёта – облака, грозовые фронты, зоны турбулентности и прочие прелести жизни пилота. Крутить романы, не имея под ногами почвы, у меня не было ни желания, ни времени. А найти на земле женщину, с которой будешь видеться раз в неделю, и то на пятнадцать минут – не так легко, как кажется.

В кармане завибрировал телефон. Номер мне был неизвестен. Странное чувство тут же накрыло меня с головой. Кейт? Так быстро? Неужели, она почувствовала то же, что и я?

– Красавчик Марк у телефона, – решил пошутить я.

– Красавчик Марк? Ты что, напился? – раздался на том конце голос Алекса, – или авиатренажёр так странно на тебя действует?

– Ты почему не со своего номера? – сквозь смех спросил я.

– Да я телефон в офисе оставил, пришлось воспользоваться чужим, так с каких пор ты – красавчик Марк? Мне тоже тебя так называть?

– Было бы неплохо, но боюсь, что нас неправильно поймут, – хмыкнул я в трубку, – я ждал звонка от знакомой.

– Знакомой? Или...?

– Без «или», ты зачем звонишь? – осадил я его, пока его вопросы не стали провокационными.

Алекс звонил с прекрасными новостями – пока я начал осваивать боинг, он успел поговорить с Томом, и тот согласился на общее собрание сотрудников компании, чтобы обсудить ещё раз все нюансы, расписание полётов и прочие спорные моменты.

Поблагодарив Алекса за хорошие новости, я достал из багажника чистую рубашку, переделся и, убрав с телефона беззвучный режим, поехал домой. Периодически поглядывая на экран телефона, я подсознательно ждал звонка с неизвестного номера. Надо было взять у Кейт её номер, но почему-то я решил довериться её выбору. Телефон вновь зазвонил, но имя «Том», которое высветилось на экране, было не совсем тем именем, которого я ждал. Точнее, совсем не тем.

– Слушаю, босс.

– Марк, приветствую ещё раз! У меня есть для тебя информация. Завтра ты летишь в Стамбул.

– Завтра? В Стамбул? На чём? – я взмолился Богу, чтобы

Том не сошёл с ума окончательно, и не решил вместо учёбы на имитированном боинге, сразу же посадить меня на настоящий.

– На ковре-самолете, Марк – рассмеялся он, – конечно, на аэробусе. Я пока ещё в здравом уме.

– А как же учёба? У меня же договор, ты сам сказал, что...

– Да помню я, – резко перебил меня Том, – дело в том, что Аскольд заболел, и первого пилота на завтра у нас просто нет!

– Какой Аскольд? – я поперхнулся от смеха. – Ты про Арнольда?

– Да-да, про него, у него какая-то там лихорадка, которая сейчас бродит по всему миру, и лететь он не в состоянии. Хотел Алекса попросить, но на рейс ставят аэробус, а он с ним на «вы», поэтому кроме тебя – некому.

– Да не проблема, Том. Стамбул так Стамбул. Во сколько брифинг?

– Завтра в девять утра будь в аэропорту.

– Буду, – пообещал я и отключился.

Сердце сделало радостное сальто – полёты было гораздо приятнее, чем просиживание фирменных штанов в авиатренажёре. А Стамбул – это прекрасный город. Надеюсь, в этот раз у нас будет хотя бы пару часов, чтобы выйти из самолёта, вдохнуть турецкие ароматы, отведать их сладостей и просто насладиться турецким антуражем. Я был в Стамбуле не счесть сколько раз, но никогда не успевал даже пробежать

до дьюти-фри. Все пересадки, обратные рейсы были стык-стык, и возможности насладиться этим прекрасным городом у меня не было.

Было бы здорово, если бы позвонила Кейт! Я бы попробовал найти ей билет, а потом пригласил бы в кабину пилотов и... нет, никакой романтики! Разве что авиационной. Но это гораздо продуктивнее авиатренажёра. Когда ты видишь, как взлетает, как летит самолёт, как работают авиадиспетчеры, как сосредоточен второй пилот, экипаж... ты невольно перестаёшь бояться, потому что всё настолько под контролем, насколько это возможно.

Но Кейт не звонила. А я уже добрался до своего дома. Открывая дверь, у меня появилось ощущение, что с этого дня всё изменится. В какую сторону – я не знал, точнее не был уверен. Но перемены – всегда к лучшему.

– Привет дорогая, – поздоровался я, и тут же услышал телефонный звонок.

Глава 7. Кейт

Честно признаться, я даже не ожидала, что авиатренажёр окажется таким реалистичным. Эмоции били через край. Инструктор по имени Макс был весьма терпелив, но одновременно с этим, мне казалось, что он будто чем-то недоволен. Возможно, потому, что пару раз я зажмурилась тогда, когда должна была быть сосредоточена на взлёте, пару раз я отвлекалась в ответственные моменты турбулентности и миллион раз ахала и охала, когда самолёт попадал в воздушные ямы. Макс, надо отдать ему должное, терпеливо относился к моему поведению. А я, хоть и не избавилась от страха летать, но начала убеждать себя в том, что самолёт – это настолько сложнейшая машина, которой просто так не упасть с высоты сорок или более тысяч футов. Страх у меня, безусловно, не поубавилось, но появилось чувство защищённости и расчётливой вероятности. Я понимала, что кому суждено умереть в небе, никогда не утонет, и в этой жизни на всё воля Бога. Но, всё же, «приземлившись» на имитированном самолёте, ощутив под ногами землю, я стала намного спокойнее. Быть может, авиатранспорт – это просто не мой вариант?

Отца я обязательно поблагодарю за его нестандартный подарок и пройду все включённые десять тренировок. Я осо-

знавала, что моя основная задача – побороть старый страх. Но вот стюардессой или пилотом я точно не стану. Никогда.

Пилот...точно! Я вспомнила синеглазого мужчину, которого я любезно облила кофе, и достала из сумки визитку. Впервые в жизни я была готова позвонить кому-то, кого узнала пару часов назад. Собственно говоря, чего мне терять? Не ответит на звонок – значит, закрыли и забыли. А что, если это судьба? Я невольно вспомнила утренний разговор с отцом о переменах в жизни, вспомнила о его внезапном подарке, о незапланированном выходном...Честно говоря, я никогда не верила в совпадения или случайности, но сегодняшний день настойчиво меня убеждал в том, что они всё же существуют. Сначала сертификат на имитированные полеты, потом внезапно закрытый офис, встреча с Томом, а потом и с Марком. Да будь уже что будет! Я набрала номер и стала отсчитывать гудки.

Успела насчитать всего два, он, что...ждал моего звонка? А, может, не моего?

– Слушаю, – раздался уже знакомый, слегка хриловатый, но мягкий голос.

– Марк, – я нервно сглотнула, – это я, Кейт. Мы с тобой столкнулись сегодня, и я испортила твою рубашку.

Я даже не придумала повод, с которым ему звоню, бессвязно говоря какую-то ерунду. Представляю, как я сейчас выглядела в его глазах! Только получила телефон мужчины и сразу побежала ему звонить. Судорожно пытаюсь придумать

весомый повод для звонка, я пропустила его ответ.

– Кейт? Я чувствую себя как в каком-то фильме – вечерет, вокруг темно, а в трубке чьё-то рваное дыхание. Хотя ещё это напоминает мне...

– Лучше не продолжай, – я быстро его перебила, с трудом сдерживая смех, – я, в общем-то, позвонила, потому что...

– Потому что я тебе понравился, и ты всё-таки рассчитываешь на обещанное мною первое свидание? – откровенно дразня меня и явно улыбаясь, спросил он.

Как ему это удаётся? Вот так легко и ненавязчиво шутить с человеком, которого он знал всего-то полчаса!

– Учти, на первом свидании я буду в рубашке, поэтому, если ты всё-таки планируешь закончить начатое, то придется подождать до десятого свидания.

– До десятого? – удивленно и недовольно воскликнула я и тут же прикусила язык.

Марк рассмеялся. И я поняла, что попалась на крючок.

На том конце провода раздался какой-то шум, я услышала, как Марк с кем-то разговаривает. Попросив меня подождать пару минут, Марк, судя по звуку, куда-то отошёл. Снова какой-то шум. Видимо, он был не один... Может быть, он вообще женат? И дети есть? Тогда зачем он дал мне свой номер телефона? Для того, чтобы поиграть? Пофлиртовать?

– Нет, я не женат, – взяв трубку, ответил он, перебив мои размышления. В тот же момент я поняла, что размышляла вслух, – моя сестра оставила мне собаку, которая абсолютно

не приспособлена жить одна, поэтому приходится общаться с ней, как с любимым человеком. Как только я захожу домой, её радости нет предела – я едва могу устоять на ногах. Кстати, детей у меня тоже нет, хотя...я предполагаю, что могу о них не знать.

Я закатила глаза, начиная привыкать к его чувству юмора. Не женат, без детей. Пилот. Красив, подтянут, умён. Да ещё и с чувством юмора.

– Так что там насчёт первого свидания? Ты пригласишь меня или нет? – решила поддержать я его стиль общения. – Или мне придется искать другого пилота. Есть у тебя на примете?

– Такого, как я, нет, можешь не тратить зря время, – невозмутимо отозвался он. – Завтра у меня незапланированный рейс в Стамбул, и пока я даже не знаю, вернусь ли обратно завтра или придётся задержаться. Полетели завтра со мной? – внезапно предложил он.

Я даже растерялась от такой скорости развития отношений.

– Я не летаю на самолётах, предпочитаю свидания на земле. На небо попасть ещё успею, – угрюмо ответила я.

Марк замолчал, видимо обдумывая мой ответ и вспоминая свои же предположения о моей прошлой психологической травме.

– Эта ситуация поправима, но не так быстро, – он ненадолго замолчал, – тогда позвоню, как вернусь на баварскую

землю.

– И не забудь привезти магнитик, – попрощалась я и отключилась, пока разговор не перешёл в стадию заигрывания.

На удивление, несмотря на такое противоречивое начало, этот день получился настолько насыщенным, что настроение у меня взлетело вверх. Не знаю, как далеко заведёт меня это знакомство, но продолжения отчаянно хотелось. Страшно до дрожи в коленках было снова сталкиваться с небесной жизнью. Небо однажды смогло с невероятной жестокостью забрать у меня того, кого я любила. Того, кто был частью моей жизни. И с тех пор я ему не доверяла. Покрутив ещё раз визитку Марка в руках, я словно прозрела. Чёрт возьми! Я достала вторую визитку, которую тоже получила сегодня. Том и Марк. Один стиль, одна авиакомпания. Сопоставить факты не составило труда. Так вот о каком пилоте говорил мне Том! Может, конечно, и не о Марке, но появилось шестое чувство, что конфликт у Тома именно с ним. Интересно, чем Том не устраивал Марка? Я знала его уже давно, он, в общем-то, неконфликтный человек. С ним всегда можно было договориться. Да и Марк не производил негативного впечатления. Нет. Не сегодня. Не желаю омрачить этот день. Выбросив из головы обоих, я села в машину, включила радио и направилась домой.

Глава 8. Марк

Я приехал в аэропорт за час до начала брифинга (*предполётный брифинг – это предполётное собрание экипажа. Во время брифинга старший бортпроводник проверяет готовность экипажа к полёту: документы, допуски, медкнижки, внешний вид (прим. автора).* Том звонил ранним утром, сообщив, что тоже будет присутствовать на брифинге. Я даже не мог догадаться, зачем руководителю компании понадобилось участвовать в этом, в общем-то, стандартном мероприятии – хотел сказать что-то важное или соскучился по предполётной подготовке, но факт оставался фактом – что-то ему было нужно.

Первым делом, войдя в аэропорт, показав ID карту (*ID-карта – это карта, которая выдается сотруднику авиакомпании при устройстве на работу (прим.автора)* и зарегистрировавшись на рейс, я направился на медосмотр. Процедура была обычной для всех членов экипажа – измеряли пульс, давление, температуру. К сожалению, статистика авиапроисшествий за последние годы была неумолима – человеческий фактор был причиной авиакатастроф в семидесяти пяти процентах случаев (*усреднённая статистика по изучению сводок авиакатастроф и их причин (прим. автора).* А потому предполётные проверки ужесточили. Наша

компания Deutsche Airlines несколько месяцев назад стала тестировать перед полётом весь экипаж на алкоголь и наркотические вещества. Собственно, я ничего не имел против таких и любых других проверок, потому как сам лично сталкивался с тем, как второй пилот решил выпить вина за полчаса до взлёта. С рейса его, безусловно, сняли, а нас потом трясли так, что едва не вытрясли все мозги, всю душу и прочие составляющие части.

Зайдя в помещение с номером сто двадцать девять, я увидел, что Том уже здесь. Прибыл на брифинг и второй пилот – для меня новое лицо, с ним я ещё не летал.

– Приветствую вас, товарищ Нойманн – торжественно поздоровался я.

Том закатил глаза, пожал мне руку и представил второго пилота, с которым мне сегодня предстояло лететь в Стамбул.

– Лукас, – пожал он мне руку. С виду он был ненамного старше меня.

– Марк, – окликнул меня Том, – собственно, я тут по твою душу. Я не зря прибыл на брифинг, сегодняшней полёт – проверка нашей авиакомпания. За последние несколько месяцев международная ассоциация воздушного транспорта (*ИАТА – основной механизм для сотрудничества между авиакомпаниями в продвижении безопасных, надёжных и экономичных воздушных перевозок – в интересах потребителей в мире – прим.автора*) активно взялась за проверку всех небольших авиакомпаний, их задача – не допустить к

полётам тех, кто не подходит хотя бы по одному их критерию.

– И какие у них критерии? – нетерпеливо перебил я Тома. – Насколько мне известно, все процедуры предполётной подготовки мы всегда проходили без каких-либо проблем, авиакатастроф в истории нашей компании не было уже больше пяти лет, все самолёты обслужены, и...

– Марк, – Том не дал мне продолжить, – я это всё знаю. И, поверь мне, в моих интересах сохранить нашу компанию в неизменном виде, но проверка есть проверка, и мы должны быть начеку. Сегодня я лечу с вами в эконом-классе. Оценю работу бортпроводников, сам полёт и прочие удовольствия. Никакого особенного внимания мне не нужно! Я, как тайный покупатель в маркетинге, буду тайным пассажиром. О моём присутствии на борту знаете только вы двое, и, я надеюсь, вы не сделаете из этого шоу.

– Товарищ Нойманн...

– Перестань меня так называть! – Том поморщился.

– Договорились, – я кивнул, – каким образом будет проводиться проверка для нас, пилотов? Угробим мы пассажиров или нет?

– Ты в своём репертуаре. Делайте своё дело, в Стамбуле на послеполётном брифинге будут присутствовать члены ИАТА, от них мы всё и узнаем. Кстати, Марк, по возвращении домой я готов выслушать все твои предложения по графику полетов.

– Мы возвращаемся сегодня?

– Да, но ближе к вечеру. Сколько по времени займёт собрание с членами ИАТА, я не представляю.

Я кивнул, судорожно соображая, как сделать полёт идеальным. То, что зависело от пилотов – мы выполняли и так, без проверок и напоминаний. В конце концов, не только пассажиры на борту хотят жить! А то, что от пилотов не зависело, проконтролировать и учесть было невозможно. Пока я размышлял о том, к чему готовиться, изучал метеосводку, в брифинг-комнату подтянулся весь экипаж на сегодняшний рейс. Обведя взглядом собравшихся коллег – почти все те, с кем я летал ежедневно – я приступил к своей работе.

– Приветствую вас, коллеги, на очередном предполетном брифинге. Рад, что все в полном здравии и с улыбками на лицах. Наше настроение – залог прекрасного полёта. Точка назначения – Стамбул. Время в пути два часа сорок пять минут. На борту будет находиться двести сорок девять пассажиров. Бизнес-класс под завязку, а потому, Ханна, – обратился я к темноволосой бортпроводнице, – попрошу тебя сегодня перейти туда. Полёт на короткое расстояние, а потому собрались, настроились и полетели. Погода нам благоволит, ветер попутный, видимость отличная. Наш добродушный руководитель сказал, что в Стамбуле нас ждёт собрание, значит, возвратный рейс улетит без нас. Мы отправимся домой вечером. Надеюсь, что после собрания у нас у всех будет время, чтобы прогуляться по прекрасному городу. На этом

всё, желаю всем хорошего полёта и спокойных пассажиров!
Встретимся на борту.

Отправив бортпроводников готовиться к полёту, я пригласил второго пилота на проверку самолёта. Сегодня моим спутником в небе был аэробус А330-200. Я привык к его большому собрату А330-300, который был длиннее на десять рам фюзеляжа, но огромной разницы между этими самолётами для меня, как пилота, не было. Несмотря на то, что вчерашняя кабина тренажёра меня весьма впечатлила, боингу аэробус затмить пока не получилось. Да и сложно затмить того, кто сопровождал тебя все полёты.

Я внимательно осматривал самолёт снаружи, не пропуская ни одного сантиметра – это не только желание остаться на работе и не подвести Тома, это в первую очередь безопасность пассажиров и всего лётного экипажа. Да и собственная безопасность тоже. Убедившись, что внешне самолёт в идеальном состоянии, я ещё раз взглянул на него – витиеватые буквы D и A – заглавные буквы названия нашей авиакомпании, алый красный хвост, белоснежный борт, два турбовентиляторных двигателя – вот такой красавец сейчас будет поднят моими руками в воздух.

Поднявшись по трапу, я направился в свой «офис в небе» – кабину пилотов. Лукас уже приготовил документы, достал карты, и мы приступили к проверке внутренней части. Бортпроводники были уже на борту – занимались проверкой аптечек и аварийно-спасательного оборудования. Нашей же за-

дачей была проверка системы пожаротушения, навигации, гидравлики, электрики, топливных баков – нужно было убедиться, что всё в полном порядке – при любых сомнениях лучше вызвать техников, перепроверить, задержать полёт, но не поднимать в воздух борт, вызывающий хоть каплю сомнения.

Закончив все формальные обязательные манипуляции, я передал информацию о готовности принять на борт пассажиров и повернул голову к своему напарнику.

– Ты, как я понял, в Стамбул не летал ни разу?

Он удивленно на меня посмотрел:

– Как ты это понял?

– По тому, как внимательно ты изучаешь карты, – я улыбнулся, – я сам такой же. Когда лечу в незнакомое место, предпочитаю изучить маршрут вдоль и поперёк, чтобы знать, к чему быть готовым в случае чего. Сейчас многие молодые пилоты забывают о том, что надеяться лишь на одну электронику просто глупо.

Пока мы обсуждали путь до Стамбула, в кабину заглянул старший бортпроводник:

– Двести сорок пять пассажиров на борту, багаж и питание загружены.

– Было двести сорок девять пассажиров по информации на брифинге. Почему не пустили ещё четверых? – рассмеялся я. – Понял тебя, Гарри, благодарю за информацию. Отправляйся в салон, готовь пассажиров к взлёту.

– Дамы и господа, – я взял СГУ (*СГУ – самолётное громкоговорящее устройство, предназначено для двусторонней связи между пилотами и экипажем, пилотами и пассажирами – прим. автора*), – вас приветствует капитан воздушного судна Марк Вольфманн. От лица всей авиакомпании я рад приветствовать вас на борту аэробуса А330-200, принадлежащего авиакомпании Deutsche Airlines. Наш самолёт следует по маршруту Мюнхен-Стамбул. Время в пути составит два часа сорок пять минут. Высота полета – тридцать семь тысяч футов (*примерно одиннадцать с половиной тысяч метров. – прим.автора*). Разница во времени между городами составляет один час в пользу Стамбула. Желаю всем приятного полёта и убедительно прошу соблюдать все требования нашего экипажа. Экипажу приготовиться к взлёту.

Ещё раз убедившись в исправности самолёта, я вышел на связь с диспетчером аэропорта.

– Доброго вам дня, борт семь-пять-девять, разрешите исполнительный взлёт.

– Приветствую, Марк, – отозвался диспетчер, голос которого я сразу узнал – Фред отправлял меня в рейсы уже столько раз, что у нас установилась ментальная связь, – исполнительный разрешаю.

Вырулив на ВПП (*ВПП – взлетно-посадочная полоса – прим. автора*), я ждал дальнейшей команды от диспетчера. Параллельно прислушивался к двигателям – работа в норме, закрылки выпущены. Фары, большой свет – включены.

– Борт семь-пять-девять, говорит Фред, как слышите меня?

– Борт семь-пять-девять, слышимость отличная, видимость тоже. Можем взлетать?

– Взлёт разрешаю.

– Дамы и господа, – вновь обратился я к пассажирам, – наш самолёт готов к взлёту. Просьба занять свои места, пристегнуть ремни безопасности, перевести спинки кресел в вертикальное положение. Во время набора высоты и вплоть до того, как погаснет табло «пристегнуть ремни», просьба оставаться на своих местах в целях вашей же безопасности. Экипаж, к взлёту готовы.

Переведя РУДы (*рычаг управления двигателем (РУД) – орган управления тягой двигателя летательного аппарата – прим. автора*) в режим «взлётный», я отпустил тормоза, и аэробус начал набирать скорость. Сто, сто двадцать, сто шестьдесят...

– Точка принятия решения (*это то место и та скорость самолёта, при которых пилот должен принять решение о том, продолжать набор скорости или прекратить полёт – прим. автора*), – раздася голос второго пилота справа от меня, – взлетаем.

Нос нашего двухсотого задрался наверх, и я почувствовал, как меня вжало в спинку кресла. Я крепко держал РУДы, чтобы избежать излишней вибрации.

– Отрыв! – сказал Лукас, и мы оба сосредоточили своё

внимание на приборах.

– Борт семь-пять-девять, отличный взлёт, набирайте высоту и занимайте эшелон двадцать один, приятного вам полёта, – вышел на связь диспетчер Мюнхена.

– Борт семь-пять-девять, вас понял! Высоту набираем, занимаем эшелон двадцать один.

– Шасси убрать, – отдал я команду Лукасу.

– Шасси убраны, створки закрыты.

Спустя двадцать минут от начала взлета и набора максимально возможной высоты, я перевёл самолёт в режим автopilотирования, поблагодарил Лукаса за работу, и вызвал старшего бортпроводника – нужно было убедиться, что в салоне всё в порядке. Нам принесли кофе и чай – на выбор. Как обычно, я выбрал чай, а Лукас взял кофе – у нас в авиакомпании не только обед у пилотов был разный, мы предпочитали и разные напитки во избежание неожиданных проблем.

Пока экипаж был занят напитками, обслуживанием пассажиров, а Лукас вдумчиво изучал карты и приборы, я обдумывал предстоящее собрание. Было слегка волнительно – зачем ИАТА понадобилось собирать нас так резко, да ещё и в Стамбуле? Я очень надеялся на квалификацию Тома в переговорах и на его умение убеждать. В тот момент я ещё не знал, что впереди меня ждут не только большие перемены, но и существенные проблемы. В тот момент я наслаждался полётом и своей работой.

Глава 9. Кейт

Впервые в жизни я проспала! Увидев, сколько времени, я быстро вскочила с кровати и судорожно стала собираться. Наспех сходя в душ, одевшись, я схватила косметичку и, ничего не сказав отцу, выбежала из дома. Вчерашний день был перенасыщен событиями, видимо, поэтому моя бессонница, сопровождающая меня уже много месяцев, решила отступить – я отключилась и уснула так крепко, что не услышала ни одного из своих будильников. Чёрт! Сегодня же обещанное важное собрание! Стив убьёт меня за опоздание. Вжав педаль газа, я рванула с места. До начала рабочего дня оставалось десять минут. А ехать было почти тридцать. Одной рукой набирая номер Стива, второй держа руль, я молилась, чтобы Стив был в добром расположении духа.

– Кейт? – раздался голос в трубке, – Опаздываешь?

Вокруг меня собрались ясновидящие? Вчера Марк, сегодня Стив.

– Стив, мчу как ракета, опоздаю минут на пятнадцать.

– Да не проблема, ещё не все подтянулись, а те, кто на месте, кажется, даже не проснулись.

Отлично. Босс не злился, и это успокаивало.

Припарковав машину, я быстренько привела себя в порядок, посмотрелась в зеркало – отражение в нём меня порадовало. Всё-таки здоровый сон благоприятно влияет на внешний вид. А хороший макияж тем более. Улыбнувшись своему отражению, я закрыла машину и направилась в офис.

– Всем доброе утро! – положив сумку на свой стол, поздоровалась я. – Прошу прощения за опоздание, непредвиденные обстоятельства – судя по всему, ждали только меня, значит, можем начинать, – выпалила я на одном дыхании. Я кивнула Стиву, и села за свой стол.

– Ну, тогда я приветствую всех собравшихся, дорогие коллеги! – с улыбкой приступил к своей речи Стив, обводя взглядом наш коллектив. Сегодня в офисе собрались все, приехал даже коммерческий партнёр Стива, имя которого я забыла. Судя по всему, перемен не избежать. В общем-то, это было логично. Нашей компании, насколько мне было известно, недавно исполнилось десять лет. Я пришла в неё четыре года назад, и сразу завоевала доверие начальства. Стив был, так сказать, первооткрывателем, они с другом решили организовать логистический бизнес. Ни один из них не был уверен, что у них что-то получится, но молодые умы сумели привлечь к своим идеям партнёров, а за ними подтянулись и клиенты. Компания «Gross Cargo» на начальном этапе предлагала своим клиентам услуги по переезду, перевозкам личных вещей и прочие маршруты, не требующие боль-

ших затрат. Семимильными шагами дело двигалось вперёд, и на сегодняшний момент нашу компанию знали, любили и доверяли ей свои грузы. Я занимала должность руководителя по маркетингу – на мне держалась не только реклама, но и постоянный мониторинг социальных сетей, отзывов, постоянный анализ конкурентов, их цен, нововведений. Пару раз меня использовали в качестве тайного покупателя, чтобы аккуратно выяснить, как работают конкуренты, и нужно ли нам что-то менять в своей политике, исходя из этой информации.

– Итак, коллеги, в связи с тем, что спрос на услуги перевозок растёт, конкуренты не дремлют, а мы по-прежнему хотим быть лучшими, – Стив сделал паузу, – ну или одними из лучших – пришло время перемен. Вчера вы все получили незапланированный выходной по причине того, что я был на встрече с руководителями крупных транспортных компаний. Были руководители компаний из Италии, Испании, Франции, России и прилетели даже представители из Китая. Того объёма, который покрываем мы в настоящее время, недостаточно для современных реалий. Вывозить компанию только за счёт автомобилей становится всё труднее. Компании открывают филиалы, переезжают, меняют условия работы – нам пора подключать авиаперевозки, морские перевозки, осваивать железные дороги. Иначе мы останемся позади. В связи с этим мы приняли решение об открытии филиала нашей компании в Берлине – помещение уже найдено, дого-

вора подписаны, ждём ответа от берлинских коллег о готовности открывать офис.

Я заметила, как вокруг зашептались сотрудники. Новый офис? И кого туда отправят? Мы настолько привыкли работать друг с другом, понимая с полуслова, а порой и без слов желания каждого. Неужели кто-то уедет в другой город? А на его место возьмут новеньких?

– Сотрудников мы уже нашли в Берлине, – я услышала облегчённый выдох коллег, – а вот руководителем нового офиса предлагаю назначить Себастьяна, если есть возражения, то готов их выслушать, – Стив внимательно посмотрел на нас.

Возражений не было, да и откуда им взяться? Переезжать в Берлин, пусть и на должность руководителя, был готов не каждый. Да и брать на себя ответственность за работоспособность нового филиала тоже не всем под силу.

– Возражений нет, это прекрасно. Двигаемся дальше. Для того, чтобы новый офис заработал быстро и качественно, нам необходимо дать хорошую рекламу. Вчера генеральный директор компании «Logistik International» Марк Гройсс предложил нам...

Вот тут-то я и отвлеклась. Потому что услышала знакомое имя. То же имя, о владельце которого я так внезапно забыла. Марк! Точно, он же сегодня летит в Стамбул. Вчерашнее знакомство с пилотом было как будто во сне – до сих пор не верилось, что вот так просто можно встретить человека, ко-

торый меня заинтересует. Да, кажется, и я ему понравилась. Интересно, это была мимолетная симпатия, или он действительно готов пригласить меня на свидание? А соглашаться ли? Связывать жизнь с пилотом я до чёртиков боялась – небо и земля в моем представлении не дружили, а лишь конкурировали и спорили, кто из них сильнее. И в моей жизни небо однажды проиграло. Телефон пропищал, уведомляя меня о новом сообщении. «Про магнитик помню, прилетаю поздно вечером, выбирай место первого свидания». Я усмехнулась. Нет, всё же Марк мне не приснился, и симпатия из «вчера» перешла в «сегодня».

– Кейт, ты согласна? – услышала я своё имя.

Что? На что? Я полностью погрузилась в свои мысли и мечты, и совершенно отвлеклась от темы собрания, пропустив, кажется, что-то важное.

– Я бы хотела обдумать это предложение, – попробовала я выкрутиться, – у меня есть время?

Я скрестила пальцы на руках – надеясь после собрания расспросить коллег о том, что я пропустила.

– Да что тут думать! – взмахнул руками Стив. – Тебя уже все знают, ты отлично разбираешься в рекламе, а дать интервью в Берлине – это же отличная возможность как для компании в целом, так и для тебя лично.

Интервью в Берлине? Кажется, это действительно неплохая идея. До Берлина всего несколько часов езды.

– Почему бы и нет? – пожала я плечами. – Я, правда, ни-

когда ещё не...

– Отлично, – не дослушал меня Стив, – тогда забронирую тебе билет на самолёт на субботу, в аэропорту тебя встретит Себастьян, и вы с ним поедете в офис.

– Билет на самолёт? – осторожно поинтересовалась я, очень надеясь на то, что мне послышалось.

– Ты предпочитаешь ходить пешком?

Пешком, ползком, вплавь, как угодно – только не самолёт. Но как объяснить это начальнику? Да как вообще я могу кому-то что-то объяснить, если свою прошлую жизнь я закопала так глубоко, что даже сама боюсь её раскапывать.

– Я предпочитаю другой вид транспорта, который не рухнет с высоты сорок тысяч футов на землю.

– У тебя проблемы с самолётами?

У меня проблемы с воспоминаниями, но об этом я тактично умолчу.

– Если я скажу, что у меня аэрофобия, ты поменяешь самолёт на машину? – с надеждой в голосе спросила я.

– Да не вопрос, – Стив пожал плечами, – хочешь ехать пять часов вместо часа, – езжай на машине, главное будь там вовремя.

Я удовлетворенно кивнула. Пять часов или двадцать – главное, быть поближе к земле.

Глава 10. Марк

Посадка в Стамбуле, как, собственно, и весь полёт, прошли без происшествий. Слава Богу (или мне?), двигатели не отказали, электроника не сбоила, ветер дул туда, куда надо, никаких вторых кругов и прочих трудностей мы не встретили. Том в качестве тайного пассажира остался доволен работой моего экипажа. Пока пассажиры покидали самолёт, я впустил Тома в кабину, чтобы до послеполётного брифинга обсудить пару вопросов.

– Марк, ты небесный мастер, – первым начал Том, – не зря тебя считают лучшим пилотом наших авиалиний.

– Что значит «считают»? – притворно возмутился я. – Я и есть лучший пилот!

– И, главное, скромный, – хмыкнул Нойманн.

– У меня много достоинств, но не переоценивай мои таланты. Сегодня небо было к нам благосклонно, но это не значит, что в следующем рейсе шасси выпустятся вовремя, а ветер не будет сносить нас с ВПП. Том, к чему готовится на брифинге?

– Да не знаю я, – вздохнул он, – никакой конкретной информации у меня нет. Полагаю, они хотят ужесточать требования к экипажу и самим полётам. Потерпи немного, и всё узнаем. В любом случае, несмотря на то, что мы с тобой ещё

не нашли общий язык и не согласовали графики, знай, что я с вами в одной лодке. Точнее в одном самолёте. Выкручиваться будем вместе.

Послеполётный брифинг проходил не в аэропорту, а в другом здании, до которого нужно было ещё доехать. Запланированный мною заплыв в Мраморном море мог не состояться. После того, как я объявил экипажу о том, что на послеполётном брифинге будем присутствовать не только мы, все заметно встревожились.

Когда мы добрались до брифинг-зала, члены ИАТА были уже на месте. Нас знатно задержали на выходе из аэропорта имени Ататюрка, и накалённые до предела нервы вот-вот готовились лопнуть.

Я кивнул своему экипажу, чтобы они занимали свободные места, а сам сел в центре зала рядом с Томом.

– Добрый день, уважаемые коллеги! – обратился к нам высокий мужчина в очках. – Добро пожаловать в Стамбул, меня зовут Андреас, я руководитель европейского представительства ИАТА. Сегодняшнее собрание посвящено исключительно вашей авиакомпании, и я очень надеюсь, что каждый присутствующий здесь осознаёт серьёзность ситуации и прислушается к моим рекомендациям.

Напряжение молча повисло в воздухе, никто не решался

задавать вопросы. Какая серьёзность ситуации?

– Несмотря на то, что ваша авиакомпания занимает весьма престижное место среди немецких авиакомпаний, она не дотягивает до международных стандартов. Предлагаю начать с самого простого. Бортпроводники и бортпроводницы.

Краем глаза я заметил, как напряглись мои коллеги, заёрзали на стульях – кто-то украдкой стал поправлять причёску, кто-то разглаживал несуществующие складки на одежде.

– Их форма одежды, внешний вид – это не международный стандарт, – продолжил Андреас, – необходимо срочно вносить изменения. Пассажиры, заходя на борт, должны видеть красоту и сияние.

– По-моему, на борту главное безопасность, а не длина ресниц у стюардесс, – резко возмутился Лукас.

Я мысленно поаплодировал ему. Не испугавшись вызвать гнев у руководителя собрания, он одной фразой выразил всё то, о чём думали собравшиеся в этом зале. Да и мне казалось, что проблема кем-то надумана. Все девушки, работающие у нас на борту, были идеальными. Рост от пяти с половиной футов и выше (*примерно от ста семидесяти сантиметров – прим. автора*). Макияж – идеален, маникюр – тоже. Волосы всегда убраны в высокие причёски. Что ещё нужно?

– Я согласен, что безопасность на борту – приоритет для всех, – продолжал невозмутимо Андреас, – но я хочу отметить, что настроение и настрой пассажиров – это немаловажная составляющая для репутации авиакомпании. Дослушай-

те, пожалуйста, до конца, – Андреас явно заметил попытки его перебить, – я предлагаю ввести единые цвета для макияжа, одежды и маникюра. Форма стюардесс зелёного цвета, а, значит, ногти должны быть в цвет формы, а макияж...

– Я не буду красить губы зелёным цветом! – возмутилась Ханна, – пусть он хоть сто раз подходит к одежде.

– Делайте акцент на глазах, цветовая гамма должна быть единой, – отрезал Андреас.

Девушки закатили глаза. Но тактично промолчали. Остаться работать в авиакомпании было делом чести для многих, цвет подводки можно пережить.

– Отлично, все согласны, – Андреас удовлетворительно отметил у себя в тетради что-то, – продолжаем дальше. Безопасность полётов. В первую очередь, я считаю необходимым провести D-check (*D-Check – самый сложный и дорогостоящий ремонт самолёта, проводится раз в 6-12 лет, в его ходе самолёт разбирают буквально до винтика: порой даже смывается краска, чтобы проинспектировать заклёпки и возможные микротрещины в металле – прим. автора.*) тех самолетов, которые имеют налёт более восьми лет.

В этот момент у меня проснулась толика уважения к Андреасу (я ещё не знал, что дальше будет хуже). Я давно предлагал руководству отправлять самолёты на тяжёлую проверку. По одному, конечно, не сразу. Так мы избежим многих проблем по технической части, потому что тех проверок, которые проводились в аэропорту, не всегда было достаточно,

чтобы выявить проблемы на ранней стадии.

– Возражений нет?

– Полностью поддерживаю инициативу, – ответил Том.

– И ещё один важный пункт – это пилоты.

Я почувствовал холодок, пробежавший по спине. Что они приготовили для нас? Тоже макияж? Косички? Татуировки на лбу с надписью «я люблю летать»?

– Итак, я обратил внимание на то, что за последние четырнадцать лет в авиакомпании были зарегистрированы случаи, которые ставят под вопрос квалификацию кадров. А потому вам необходимо убедить всех членов ИАТА в своём профессионализме, нестандартном подходе и умении выходить из трудных, внештатных ситуаций.

– И что вы предлагаете? – всё-таки не выдержал я, не обращая внимания на предупреждающие сигналы Тома. – Полететь хвостом вперёд? Сделать сальто при взлёте? Пустить салют из двигателей? Совершить посадку на воде?

Я услышал, как судорожно вздохнул Том.

– Не знаю, как, – продолжил Андреас, – но вам стоит пересмотреть свой подход к полётам.

– Вам не кажется, что это вам нужно пересмотреть свой подход к требованиям? – жёстко спросил я. – Когда пассажир...любой пассажир! поднимается по трапу самолёта, садится в кресло, пристёгивает ремни безопасности, единственное, о чём он думает – это выжить. Ему всё равно, какого цвета ногти у стюардессы, есть ли у стюардов татуиров-

ки, и умеет ли пилот делать сальто в воздухе. Мало кто из пассажиров не боится летать. А если говорят, что не боятся – врут! Даже пилоты боятся летать. Потому, что они не знают, что приготовило им небо. Поднимая в воздух эту многотонную машину с живыми людьми на борту, мы несём ответственность не только за свою жизнь, но и за жизнь всех тех, кто так отчаянно молится Богу при взлёте и так радостно хлопает в ладоши при посадке. Они не видят разницы между аэробусом и боингом, им всё равно как зовут пилота и сколько у самолёта двигателей. Им важно, чтобы пилот не уснул во время полёта, а двигатели не отказали. Всё!

Я понимал, что перехожу границы, нагло грубя тому, от кого, возможно, зависела моя судьба. Но я искренне не понимал, какое отношение к международным стандартам безопасности имел цвет подводки у стюардесс и скрытые таланты пилота. А если я умею рисовать потрясающие картины одной рукой с закрытыми глазами? Это как-то поможет пассажирам самолёта, если в него попадёт молния?

– Марк, – осторожно обратился ко мне Том, – я полагаю, что нам необходимо обсудить все нововведения, попробовать внедрить их в нашу авиажизнь, и...

– А я полагаю, что членам ИАТА стоит прислушаться к тем, кто поднимает самолёты в воздух и успешно сажает их в разных аэропортах мира. И при разных внешних условиях, прошу заметить. Насколько мне известно, члены ИАТА сидят на земле и не рискуют ни своей жизнью, ни жизнями

всех остальных.

– Марк, верно? – обратился ко мне один из комиссии. – Я понимаю ваше возмущение и, в какой-то мере, поддерживаю ваше негодование. Но тот факт, что мы сидим на земле, не отменяет того, что нам необходимо придерживаться международных требований, и, если им важно, чтобы стюардессы красили ногти в зелёный цвет, значит, нам придется подчиниться. В противном случае придется искать новую работу. И вряд ли она будет связана с небом.

А вот это уже ощутимый удар под дых. Я мысленно досчитал до десяти, чтобы успокоить свои нервы. Том умоляюще смотрел на меня, понимая, что, если он лишится лучшего пилота, то может лишиться и авиакомпании в целом.

– Я понял ваши требования, уважаемые коллеги. В ближайшее время мы обсудим график полётов и предложенные нововведения и постараемся безболезненно внедрить их в нашу жизнь, – ответил Том.

– Очень надеюсь, что наше с вами сотрудничество будет плодотворным. И необходимо учесть ещё один нюанс. Насколько мне известно, пилоты вашей авиакомпании имеют некое разделение – часть летает на аэробусах, часть на боингах. Это нужно исправлять. Пилот, как и автомеханик, должен разбираться не только в одной модели. Ситуации бывают разные, командир воздушного судна должен уметь летать на всём.

– Даже на метле, – буркнул я под нос.

– Прошу прощения, я вас не расслышал?

– Говорю, что согласен с вами, что летать нужно уметь на всём, чтобы безопасно оказаться на земле.

Том вновь закатил глаза, поблагодарил всех за собрание и отпустил нас на три часа. До обратного вылета было время подышать турецким воздухом, прогуляться по улочкам, успокоиться после бредовых идей ИАТА и купить подарки близким. Точно! Я вспомнил про Кейт. У меня появилась отличная идея.

Глава 11. Кейт

Рабочая неделя пролетела как один миг. Стив нагрузил нас таким количеством заданий, что времени больше ни на что не оставалось. Впрочем, несмотря на безудержную усталость, я нашла в себе силы на ещё одно посещение авиатренажёра, на котором успела узнать, что такое аварийная посадка. После этого я в очередной раз убедилась в том, что самолёт – это отличный вид транспорта, но для меня он не подходит.

Кстати о самолётах – прошло три дня с того момента, как Марк обещал привезти мне стамбульский магнетик, но от него не было ни звонков, ни сообщений. Я, признаться честно, очень ждала, что он со мной свяжется, что мне всё это не привиделось. Но пережить его молчание было легче, чем пережить свою панику. Вместо того, чтобы просто не думать об этом пилоте, я постоянно читала новости, отслеживая, не упал ли где-то самолёт, не совершил ли где-нибудь аварийную посадку, не пропал ли с радаров. Понимая, что так жить нельзя, я пробовала отвлекаться работой и иногда это у меня отлично получалось. Но мысли, как пчелиный рой, резко врывались в сознание и жужжали где-то на подкорках. Вместе с тем близилась суббота, поездка в Берлин, запланированное интервью – мне было о чём подумать. У меня ранее

не было опыта, в котором приходилось бы отвечать на вопросы журналистов, а потому было немного волнительно – общаться я, конечно, умела, но каверзных и глубоких вопросов опасалась.

В пятницу вечером я попросила отца купить мне небольшой чемодан – мой был слишком старым, а двери в новую жизнь со старым чемоданом не откроешь. Собрав все необходимые вещи и, прихватив парочку лишних на всякий случай, я окинула взглядом комнату, после чего спустилась на ужин к отцу.

– Готова? – поинтересовался отец, услышав мои шаги.

– Физически вроде да, а вот морально немного нервничаю. Когда прилетает мама?

– Завтра утром, но, боюсь, вы с ней разминётесь.

– Жаль, её поддержка была бы очень кстати.

– Да не переживай ты так! На интервью едешь, а не на экзамен. Всё пройдет замечательно. Будь собой, не болтай лишнего и...

– Пап, это интервью! Молчать будет сложно, – рассмеялась я. В кармане зазвонил телефон. «Марк» – прочитала я и чуть не выронила телефон из рук. Как же он вовремя!

– Тот самый таинственный пилот? – подмигнул мне отец.
– Не буду мешать вашей беседе, пожалуй, поднимусь к себе.

Я молча поблагодарила его и нажала кнопку «ответить».

– Ну и где ты пропадал? – возмущенно ответила я так, будто была знакома с Марком целую вечность. Хотя поче-

му-то именно так и казалось.

– Расскажу при удобном случае, – хмыкнул он, – и тебе привет, Кейт. Судя по твоему возмущению, ты соскучилась и готова к первому свиданию?

Ещё как готова!

– Да как сказать, – медленно протянула я, намеренно растягивая слова, – я о нём даже и не думала.

– Тогда я могу перезвонить ещё через неделю, будет время подумать, – по голосу было слышно, что он улыбается.

– Неделя не прошла, прошло целых четыре дня, – рассмеялась я и тут же прикусила язык.

– Я даже не сомневался, что ты считала. У меня завтра свободный день, как насчет ужина в центре Мюнхена?

– Боюсь, если только в центре Берлина, мне нужно дать интервью в связи с открытием нового офиса, а ехать туда около пяти часов, значит...

– ...значит, я заеду за тобой утром, – не дал он мне договорить. – В Берлине как раз сейчас моя сестра. Будет, чем заняться, пока ты будешь рассказывать о том, сколько раз ты была замужем, и который из них...

– Лучше не продолжай, – остановила я его мысль со смехом, – такие цифры пугают даже меня, – с притворным ужасом продолжила я.

– Ух ты! Она больше десяти?

– Больше ста. Сбилась со счёту, – продолжала дразнить я Марка, – попробуем за всю дорогу посчитать.

– Ты сведёшь меня с ума, – мягко сказал он, – девушка-загадка.

– Очень на это надеюсь, – честно ответила я, – выезжаем в восемь.

– Пиши адрес, буду вовремя. Спокойной ночи.

Он отключился быстрее, чем я успела ему ответить.

Ночью я практически не спала, прокручивая все варианты возможного свидания. За три года, которые я провела в тоске по прошлой жизни, я так отвыкла от симпатии и близости, что скорость развития отношений с Марком меня слегка пугала. Никогда ещё я не была готова прыгать в омут с головой ради человека, про которого я знала только то, что он... А что я вообще знала про него? Ну, кроме того, что он пилот. И что Том – один из тех, кто как раз и был в той прошлой жизни – его руководитель. Кто бы мог подумать, что всё так тесно перемешается.

– Кейт! – крикнул отец. – Кажется, твой лётчик приехал.

– Пилот! – автоматом поправила я, взяла чемодан и спустилась вниз.

Поцеловав отца на прощание, я попросила его передать огромный привет маме и вышла из дома навстречу своему потенциальному роману.

– Доброе утро, – поздоровалась я с улыбкой, которую бы-

ло невозможно удержать.

Марк, как и при первой встрече, выглядел потрясающе. Черная рубашка, рукава которой были слегка закатаны, а верхние пуговицы расстёгнуты, идеально выглаженные синие брюки, на левой руке часы, а в правой – солнечные очки. В принцев я с детства не верила, но сейчас мне показалось, что зря. У них там что, в авиакомпании берут только людей с модельной внешностью?

– И тебе доброе утро, – он галантно открыл мне дверь со стороны пассажирского сидения, потом так же, как и в первую встречу, поцеловал руку – боже, он, как из Средневековья! – и, убрав мой чемодан в багажник, сел рядом со мной.

– Мы с тобой как инь и янь, – заметил он, с нескрываемым удовольствием разглядывая мой внешний вид.

Действительно, его тёмные волосы против моих светлых, его слегка смуглая кожа против моей, едва ли тронутой лёгким загаром. И даже глаза у меня были светло-голубыми. В противовес его ярко-синим глазам, которые в этот раз отлично сочетались с цветом его брюк. Надеюсь, что я больше ничего никуда не пролью...

– Я никогда не ездил в Берлин на машине, – прервал мои мысли Марк, – самолёт летит немного быстрее, и мне так жаль терять эти драгоценные часы. Кстати, когда ты мне расскажешь, почему ты боишься летать?

– После десятого свидания, – вернула я ему его же шутку,

– когда снимешь рубашку.

– Готов снять сейчас за рассказ о твоей жизни, – он поднёс руки к пуговицам.

– Предлагаю всё же оставаться одетыми, иначе разговор не получится, – сказала я, неохотно отводя взгляд от тех пуговиц, которые вот-вот могли расстегнуться, – а мне бы хотелось всё-таки попасть на своё первое интервью.

– Тогда начнём с простых вопросов. Их можно задавать в одежде, – подмигнул мне Марк, – ты, как я понял, всё-таки не замужем, раз села в машину ко мне ещё до первого свидания. Детей нет?

– Детей нет, – подтвердила я, – не замужем, живу с родителями. Кстати!

– Меня пугают такие «кстати». Обычно, после них люди признаются в чём-то таком, о чём было бы невозможно догадаться. С учётом того, что мы с тобой ещё...

Я уже не слушала, что он говорит, потому что не могла найти в сумке то, что так настойчиво искала. Нашла! Выудив со дна сумки обе визитки, я показала их Марку.

– Откуда у тебя визитка моего руководителя? У тебя и с ним свидание? Имей в виду, он женат, к браку относится весьма серьёзно, а как человек он не очень...

– Значит, я не ошиблась, – я вздохнула. – Марк, Том – мой давний друг. Я знаю его больше десяти лет, он долгое время состоял в отношениях с моей сестрой.

Чёрт! Вот кто тянул меня за язык?

– У тебя есть сестра?

– Была, – я нервно сглотнула и отвела взгляд. Марк откашлялся и не стал расспрашивать. За это я была весьма ему благодарна. Хотя теперь я понимала, что этот разговор надолго не отложить. Раз уж Том и Марк работают вместе, то скрывать свою прошлую жизнь будет нереально, если Марк войдёт в моё настоящее и будущее. Хотя об этом даже думать рано.

– Моя сестра работает журналистом, – вернул меня в реальность Марк, – и она как неуловимый мститель. Ей не сидится на месте, она постоянно куда-то ездит, летает, берёт интервью у всех, у кого считает нужным – и ей удивительно везёт! То она в кафе встретит какого-нибудь политика, то летит в самолёте с какой-нибудь звездой, то столкнется с кем-то в метро. Иногда я даже завидую её невероятному таланту заводить друзей. Но, в то же время, я жутко её боюсь. Своими вопросами она иногда так мастерски выуживает информацию, что узнаёт о человеке то, что он сам не знал. Точнее знал, но тщательно скрывал даже от самого себя.

– Работа у них такая, информацию добывать, – немного нервно сказала я, – как зовут твою сестру?

– Лея.

– Это в честь принцессы Леи из Звёздных войн?

– Ты смотрела Звёздные войны? – удивлённо воскликнул Марк.

– А что в этом удивительного? – пожала я плечами.

– Хотя бы то, что обычно Звездные войны смотрят мужчины.

– Вот уж неправда! С чего такая дискриминация? – возмутилась я. – Раз я не мужчина, я должна смотреть только любовные романы?

Так за беседой о любимых фильмах, музыке и книгах, пролетело больше трёх часов. Выяснилось, что, несмотря на разный образ жизни – моя проходила на земле, его – в небе, я предпочитала строить карьеру и не думала о семье, а он мечтал о большой семье, – у нас было много общего. Разговор с ним был таким легким – как будто мы знали друг друга очень давно. Не было смущения, неловкости. Была только тайна, которая не давала мне полностью расслабиться и открыться человеку, который так неожиданно увлёк меня.

– Кейт, – услышала я сквозь сон голос Марка, – мы приехали.

Я с удивлением поняла, что за приятной беседой и мягкой дорогой я всё-таки уснула.

– Где у тебя встреча?

– В кафе Berlstein, – потянулась я.

– Пойдем, я тебя провожу, а потом позвоню сестре. Когда закончишь, напишешь мне, и мы начнём отсчёт наших свиданий.

Выйдя из машины, я слегка поёжилась. В Берлине было ветрено. Зайдя в кафе, я набрала номер Стива. Тот мгновенно поднял трубку.

– Стив, я на месте, кафе Berlstein, как мне найти интервьюера?

– Сейчас скину тебе её номер.

– Отлично, жду, – я отключилась и повернулась к Марку, чтобы сказать ему, что он может звонить сестре, как вдруг сзади меня раздался женский голос:

– Марк! – к нам подбежала красивая брюнетка в ярко-красном костюме. Она обняла его, и он, к моему удивлению, обнял её в ответ.

– Кейт, познакомься, это моя сестра Лея.

– Кейт, очень приятно, – я выдохнула, напряжение как рукой сняло.

– Ты тут на работе или охотишься за мужчинами? – поинтересовался Марк.

– С мужчинами я на сегодня завязала, – отмахнулась Лея, – мне нужно взять интервью у сотрудницы транспортной компании в связи с открытием нового офиса. Как же её зовут... – она начала рыться в сумочке.

– Её зовут Кейт, – тихо подсказала я, связав воедино интервью и сестру Марка.

Сначала Том – руководитель Марка. Теперь Лея – тот самый журналист. Совпадения случайны, или кто-то там на небесах сталкивает нас с Марком намеренно? Марк высоко

летает, возможно, он договорился?

Глава 12. Марк

Такого неожиданного поворота не ожидал даже я. Тот факт, что моя сестра журналист, был мне известен. Тот факт, что Кейт едет давать интервью в Берлин, тоже. Но связать эти два факта воедино... Да ещё и Том! Я терпеть не мог все эти взаимосвязи одних с другими. И я был не уверен, что готов работать под руководством человека, который знает мою девушку уже много лет. Нет, Кейт пока не была моей девушкой, но потенциально могла бы ей стать. Могла бы... Я начал сомневаться в том, что это хорошая идея. У неё была какая-то тайна, связанная с сестрой. Той самой сестрой, которую знал Том. А Том был счастливо женат на Марии и никогда не рассказывал про то, что у него была... Кстати, а как зовут сестру Кейт? Да и с чего бы Том мне что-то рассказывал, если мы толком не общались.

Голова шла кругом.

– Принесите, пожалуйста, кофе. С собой, – попросил я официанта.

– Брат! – возмущенно раздался рядом родной голос. – Посиди с нами, у нас ведь интервью, а не интимная беседа. Это не займёт много времени, а я не видела тебя уже сотню лет!

– Неделю, – напомнил я, – и я не хочу быть третьим лишним, – я подмигнул Кейт. Несмотря на то, что во мне посе-

лились сомнения, выбросить так быстро её из головы я не мог. Лучше б я сегодня полетел в Лондон. Но Том любезно дал мне выходной, потому что всю неделю выжимал меня как лимон – с самолёта – на тренажёр, с тренажёра – на самолёт. «На тренажёрах налёта никакого», – сказал он мне после рейса в Стамбул и, тем не менее, каждый день звонил с вопросом – «ну как – освоил боинг?».

– Третий лишний тут я, судя по тому, какие вы взгляды бросаете друг на друга, – Лея ухмыльнулась, – и какое у вас по счету свидание?

– Ты уже испортила первое, – я потрепал её по голове.

– Первое? – Лея обернулась к Кейт. – Так у тебя ещё всё впереди? Желаю удачи, – она улыбнулась, – пойдёмте за столик, пора начинать.

Я украдкой посмотрел на Кейт – она была задумчивой, бросала то на меня, то на мою сестру косые взгляды. Судя по всему, она задумалась о том, что у неё впереди. И, как любая женщина, придумала себе уже несколько страшных историй о том, что у меня три ноги, какой-нибудь шрам на полспины, или что там ещё придумывают женщины, не попытавшись сначала задать прямой вопрос?

– Итак, – Лея достала свой ноутбук, – приступим? Марк, ты молча слушаешь и перебиваешь только в крайне необхо-

димом случае. Крайне необходимый случай не наступит, поэтому просто молчишь.

Я с усмешкой кивнул. Сестра в своём репертуаре. А вот у меня появился шанс узнать Кейт поближе, не задавая ей неудобных вопросов.

– Начнём, – Лея открыла документ, – Кейт, назови свой возраст, должность и как долго ты работаешь в этой компании.

– Мне двадцать семь лет, я руководитель по маркетингу. Работаю уже четыре года.

В течение десяти минут Лея опрашивала Кейт об особенностях работы в логистическом бизнесе и о том, сколько человек работает в компании, каких успехов они успели достичь и прочее-прочее-прочее. Не стану скрывать – эта информация была очень скучной. Точнее, она была очень интересной, но я бы хотел послушать о чём-то другом. Правда, я и сам не знал, о чём именно.

– Перейдём к семейной теме, – Лея сделала какие-то пометки, – ты замужем? Дети?

– Нет, мужа нет, детей тоже.

– Семья полная? Мать, отец?

– Да, мать и отец, они в браке. Живут вместе. Ну и я с ними.

– Братья, сестры?

Я поднял на Кейт взгляд. Она уже говорила мне, что у неё была сестра, но я не стал спрашивать, почему «была» и где

она сейчас. Не сводя с неё глаз, я ждал ответа.

– У меня была старшая сестра.

Этот факт мне был известен. Это всё?

– Была? – Лея безэмоционально и сухо продолжала беседу. Журналисты! Бездушные люди на работе. Я вообще не понимал, как моя сестра могла выбрать эту профессию.

– Да, к сожалению, она погибла три года назад, – спустя несколько секунд заминки ответила Кейт.

– Мне очень жаль, – сказала Лея тоном, в котором не было даже намёка на сожаление, и я закатил глаза от этого равнодушия в голосе сестры, – при каких обстоятельствах?

Мне хотелось стукнуть Лею по голове – какое отношение открытие филиала логистической компании имело к сестре Кейт? Зачем ей эта информация?

– Она, – я увидел, как Кейт нервно накручивает волосы на палец, как бегают её глаза и как тщательно она обдумывает ответ, – она сгорела в самолёте.

Чёрт возьми! Я едва не подавился кофе. Вот, откуда у неё эта фобия – летать.

– Мне очень жаль, – снова повторила Лея. Ни одна эмоция не тронула лицо сестры. Как врач, оперирующий человека, не впадает в истерику при виде крови, так и журналист, узнавая страшную тайну, не подаёт виду, что его это трогает.

– Как ты справилась с этой травмой? Ушла с головой в работу? Что изменилось в твоей жизни после этой трагедии?

– А кто сказал, что я справилась? – нервно пожалала Кейт

плечами. – Я перестала летать на самолётах, все командировки проходят мимо меня, я отказалась от трех должностей, которые предполагали постоянные разлёты по городам. А на мои двадцать семь лет отец подарил мне сертификат на авиатренажёр, чтобы избавить меня от этой фобии.

Кейт отвечала сухо, глаза её не выражали никаких эмоций, но я чувствовал, как от неё исходит вибрация, чувствовал её нервозность. Я очень хорошо знал Лею, она может вытянуть любую информацию из человека. Она постоянно сотрудничает с психологами, анализирует жесты и мимику людей. В общем, она замечательный журналист, но я бы ни за что не стал отвечать ей на вопросы. Даже безобидные.

Я услышал, как Лея ушла от темы родственных связей, вернулась к командировкам, обязанностям и прочим рутинным скучным подробностям.

Кейт слегка расслабилась, в каких-то вопросах она задумывалась, порой даже смеялась. Я узнал, что она жила какое-то время в Австрии после того, как случилась трагедия, подробности которой Кейт так и не раскрыла. Потом она вновь вернулась в дом к отцу и матери, работала вне офиса долгое время, чем заслужила уважение руководства – все проекты закрывались в нужный срок, переработки были для неё не проблемой.

Смотря сейчас на Кейт под другим углом, со слегка обнажённой душой, она казалась мне сейчас маленькой девочкой, которая боится рассказать правду, чтобы не разрушить

этой правдой саму себя. Если честно, то очень хотелось закончить интервью, забрать её подальше отсюда и не возвращаться ни к каким вопросам.

– Итак, Кейт, напоследок мы снова затронем личную жизнь, – Лея внимательно посмотрела на неё, – тебе двадцать семь лет, вся твоя жизнь впереди. Ты выйдешь замуж, родишь детей – что будет с карьерой? Какие твои личные ожидания?

Я заинтересовано посмотрел на ту, которая вот-вот должна ответить. Не то, чтобы я уже запланировал жениться и заводить детей, но в виду особенностей своей работы мне была интересна её точка зрения. Я карьеру не строил, небо было частью моей жизни, но заводить семью нужно на земле, а я очень редко на ней бывал.

– В настоящий момент я об этом не думаю, – честно ответила Кейт, – но, если судьба будет ко мне благосклонна, и я выйду замуж, то постараюсь успешно совмещать и карьеру, и личную жизнь. В конце концов, мне по-прежнему доступна возможность дистанционной работы.

– Спасибо за интервью, – Лея улыбнулась, – и за откровения. Бонусом могу раскрыть тебе страшные тайны Марка.

– А их много? – поинтересовалась Кейт.

– Не счесть, сколько, – перебил я сестру, которая уже открыла рот, чтобы что-нибудь сказать, – Лея, мы свободны?

– Кейт – да, а ты не мог бы задержаться на одну минутку?

Я кивнул и обернулся к Кейт, чтобы извиниться и попро-

сидеть её подождать в машине.

– Хорошо, – согласилась она, – жду тебя там, заодно пока посмотрю, какое кафе можно выбрать для вкусного ужина, – она натянуто улыбнулась, попрощалась с моей сестрой и вышла.

Лея сверлила меня взглядом. Чёртов психолог! Я уже чувствовал, как она сейчас включит свою терапию.

– Марк, ты сошёл с ума? У этой девушки трагедия, она потеряла сестру в самолёте, она никогда не свяжет свою жизнь с ним!

– А с ним и не надо, – передразнил я её, – может, лучше со мной?

– Ты прекрасно понял, о чём я говорю! Как ты представляешь вашу жизнь? Если она никогда не сядет в самолёт, то ваше общее время сократится до минимума. Ты же постоянно в разлётах! Что она будет делать на земле? Ты слышал её ответ – она постарается совмещать семью и карьеру – а это нереально при твоём графике. У вас будут дети, с которыми нужно проводить время обоим, и...

– Лея! – слегка повысил я голос. – Какие дети? У нас даже первого свидания не было, – мне даже смешно стало, – куда ты забегаешь? О чём ты думаешь вообще?

– Я думаю о том, что тебе пора жениться, спуститься с небес на землю хотя бы ненадолго, а она – не та, с кем ты сможешь жить. С её-то страхами. Ты и сам прекрасно это понял, – жестко сказала сестра.

Я закатил глаза.

– По твоему мнению все пилоты женятся на стюардессах? Или на женщинах-пилотах? Или живут всю жизнь в одиночестве? Спешу тебя огорчить – всё не так просто, и между небом и землёй тоже можно установить стабильный контакт. Лея, – попросил я мягче, – не забегай вперёд. Я просто наслаждаюсь жизнью. А с её фобией я попробую справиться. Я каждый день сталкиваюсь с пассажирами, которые, заходя в самолёт, прощаются с близкими навсегда.

– Ты взрослый мальчик, сам разберешься, – примирительно пожала она плечами, – я просто дала совет. И не благодарю, часть вопросов я задавала ради тебя. Ты смог узнать о ней немного больше, не подставляя себя. Я побежала дальше работать – звони! – сестра чмокнула меня в щёку и убежала.

Я вышел из кафе, подошёл к машине, но с удивлением обнаружил, что Кейт внутри нет. Не было её и рядом с машиной. Я набрал её номер, но ответа не последовало.

Глава 13. Кейт

Странное чувство охватило меня с ног до головы после этого интервью. Основная часть вопросов была связана с особенностями моей работы, моим опытом, но так или иначе по касательной затрагивала и личную жизнь. Почему нельзя было вычеркнуть негативные воспоминания раз и навсегда? Я задумалась о том, что, возможно, мне стоит поделиться с кем-то тем, что случилось. Может быть, реально станет легче? Хотя я рассказывала эту историю сотни раз психологу, но психолог – это чужой человек, который работает и зарабатывает себе на жизнь своими советами. Не очень я им верила.

Я направилась к машине Марка, но вспомнила, что оставила в кафе бутылку с водой. Решив не нарушать беседу брата и сестры, я заскочила в магазин за углом. Выйдя из магазина и направившись обратно к машине, я увидела, что Марк растерянным взглядом кого-то ищет. Я достала из кармана телефон – приёма не было.

– Ты меня потерял? – тихо спросила я, подойдя к нему ближе, и он, вздрогнув, резко обернулся.

Потом он также молча взял меня за руку, без слов посадил в машину, закрыл дверь и, так ничего и не говоря, сел рядом.

– Мы играем в молчанку? – осторожно спросила я. – Считай, я проиграла.

– Расскажи мне, что случилось с твоей сестрой, – внезапно

но и как-то грубовато спросил он, заводя машину.

Я растерялась.

– Марк, это не тема для обсуждения сейчас, да и вообще это не та тема, которую я хочу обсуждать. Ты услышал всё, чем я готова делиться – моя сестра погибла в самолете. Зачем тебе подробности?

Пока он обдумывал ответ, я посмотрела в окно – мы уже куда-то ехали, а я совсем забыла спросить, куда. Странно. Я боялась рассказать о том, чего уже никогда не вернуть, но не боялась ехать неизвестно куда с человеком, которого толком не знала.

– Мне не подробности нужны, – тихо заговорил он, – но складывается ощущение, что твоя тайна настолько обросла вокруг всякими деталями, что ты сама не можешь двигаться вперёд. Хорошо, ты не летаешь на самолётах, не едешь в командировки, не говоришь о прошлом. Но ты и будущее не строишь!

– Марк, подожди, – остановила его я, – это ведь *не твоё* будущее, – с нажимом сказала я. «*Пока не твоё*». – Почему тебе так важно, что было в прошлом? Если бы я скрывала правду о том, что у меня есть три мужа, десять детей, и я дочка арабского шейха – тогда я бы поняла твоё беспокойство, но какое отношение имеет моя... – я нервно сглотнула, – сестра к нашему первому свиданию?

– Арабский шейх не дал бы своей дочери иметь трёх мужей, – заметил он, – а так как тебе всего двадцать семь лет,

то трижды выйти замуж, развестись и успеть родить десять детей ты бы не смогла. Хотя...

Я не смогла смотреть в его серьёзное лицо и рассмеялась. Кажется, в машине немного потеплело.

– Послушай, мне, конечно, приятно, что после пятнадцати минут общения со мной ты уже строишь будущее и размышляешь о том, как моя травма повлияет на него, но не стоит. Давай просто наслаждаться моментом. Куда мы едем?

Марк понял, что я плавно съехала с темы, но тактично промолчал. Я понимала, что на этом вечер не закончится, но у меня будет время обдумать, как рассказать ему о том, о чём страшно даже вспоминать. Как вообще рассказать человеку, у которого небо – второй дом, об авиакатастрофе?

Марк припарковал машину возле маленького ресторана.

– Я часто бывал здесь, когда летал транзитными рейсами, тут очень вкусно кормят, уютная атмосфера и не шумно.

Он открыл дверь с моей стороны, подал мне руку, и мы вышли из машины. Я не успела сделать шаг вперед, как он меня остановил.

– Подожди, – он достал из машины небольшой свёрток, – я же обещал сувенир из Стамбула. Но привёз кое-что получше.

– Если честно, то я просто пошутила, не зная, как закончить разговор, вот и сказала про магнетик, – я развернула пакет и удивленно посмотрела на него.

– Не говори ничего, у меня свои методы борьбы со стра-

хами, – кивнул он на подарок.

У меня на руках оказался самолёт. Точнее мини-версия аэробуса А320. Очень реалистичная версия и очень красивая. Перед глазами тут же возникли воспоминания о том, как мы с сестрой летали в Турцию, Испанию, Эмираты... да куда мы только ни летали! Я никогда не боялась летать и очень любила ощущения, который дарит самолёт пассажирам при взлёте. Этот невероятный выброс адреналина в момент, когда он начинает разгоняться по взлётной полосе, как отрывается от земли, а тебя вжимает в спинку кресла, и ты машинально закрываешь глаза. Потом смотришь в иллюминатор, чтобы не пропустить эту потрясающую картину – земля становится всё меньше и меньше, постепенно превращаясь в какие-то равномерные узоры. И ты всецело погружаешься в этот момент. А потом...

– Кейт, это всего лишь копия самолета, он не улетит, – где-то рядом раздался уже знакомый голос, и видение отступило. Я поняла, что смотрю на этот маленький самолёт с надеждой, что он сможет исправить то, что исправить было никому не под силу.

– Да, ты прав, – я прогнала воспоминания подальше, – большое спасибо за подарок. Он прекрасен. Мы идём?

Ресторан, действительно, был очень уютным, играла при-

ятная музыка, официанты были весьма обходительны, улыбки. Не зря Марк выбрал именно это место. В тёплой и приятной обстановке беседа шла как-то сама собой.

– Как давно ты стал капитаном? – спросила я его, хотя не очень хотела касаться лётной темы.

– Год назад. Мы летели из Китая домой, в Мюнхен. Погода была ужасная, весь полёт была жуткая турбулентность, пассажиры едва ли могли встать со своих мест. Напитки пришлось раздавать в ёмкостях, потому что они проливались. Бортпроводники постоянно закрывали открывающиеся полки багажных отделений. В общем, все ждали, когда же уже нас встретит земля. Но у неба были другие планы – за час до планируемой посадки у самолёта отказал двигатель, и начала сбоить навигация. Запасной аэропорт был закрыт из-за непогоды, а диспетчеры Мюнхена предупреждали нас о сильном боковом ветре. Даже при работающих двигателях посадка при сильном боковом – очень сложная процедура, а на одном двигателе и практически вслепую – это казалось нереальным. Топливо было на исходе, и времени принимать решения у меня попросту не было. Я посадил самолёт. Общими усилиями со вторым пилотом мы сделали так, что ни один из пассажиров не узнал о том, что тот полёт мог стать их последним. После этой посадки меня пригласили на собрание, на котором объявили, что я заслужил звание капитана воздушного судна.

– И часто ты попадал в такие ситуации? – охрипшим от

волнения голосом спросила я.

– В такие – нет, – честно признался он, – но аварийных посадок было много, в основном из-за неисправности электроники. Пару раз из-за птиц.

– Птиц?

– Да, птицы – самый страшный враг самолёта. Попадёт в двигатель, и всё.

– Что всё? – испуганно спросила я.

– Ты не хочешь ещё кофе? – перевел он тему в более безопасное русло.

– Пожалуй, лучше, вина, за рулем-то ты, – я улыбнулась, – но ты ушёл от темы.

– У меня хороший учитель, – хмыкнул он и подозвал официанта.

– Ты сейчас рассказал про отказ двигателя, возможные проблемы с электроникой, даже про птиц, – вернулась я к теме разговора, – но есть же место и ошибкам пилотов?

– Конечно, есть, – он кивнул, – ты хоть раз ошибалась на работе? Пилот – такой же человек, он тоже может ошибиться. Огромная разница состоит лишь в том, что чаще всего ошибка пилота стоит жизней его и пассажирам, а потому мы проходим колоссальные проверки перед взлётом и после посадки, осматриваем самолёт, по несколько раз проверяя его состояние. Это не исключает вероятности катастрофы, но уменьшает эту вероятность в сотни или тысячи раз.

– И ты не боишься летать?

Марк задумчиво отпил кофе.

– Только дурак не боится летать на самолёте, но есть страх гораздо сильнее этого. Страх, что ты не взлетишь. Или не приземлишься. Пока ты летишь – ты живёшь. Небо не прощает ошибок, поэтому полёт – это не просто жизнь, это тяжёлая работа, это ответственность, это ежесекундная концентрация на себе, своих ощущениях, предчувствиях, на окружающем мире, на словах диспетчеров, экипажа, пилотов.

– Ты очень красиво говоришь про небо, – практически шёпотом сказала я, – но на самом деле отрываться от земли в неизвестность обычному человеку очень страшно. Когда я... – судорожно вздохнув, я продолжила, – провожала свою сестру на её последний рейс, я не думала, что вижу её в последний раз. Я смотрела, как улетает её самолёт, как он набирает высоту, и мне казалось это невероятным зрелищем. А спустя несколько часов нам...

У Марка зазвонил телефон, он выругался, извинился и поднял трубку. Судя по его внезапно изменившемуся лицу, что-то случилось.

– Понял, дай мне час или чуть больше времени, и я буду на месте, – он положил трубку и поднял на меня тяжёлый взгляд.

И судя по этому взгляду случилось не просто что-то, а что-то серьёзное.

– Мне нужно ехать в аэропорт. Самолёт нашей авиакомпании только что совершил аварийную посадку в Берлине. Пи-

лота везут в больницу, меня срочно вызывают на брифинг.

Глава 14. Марк

Я увидел, как растерянно посмотрела на меня Кейт, явно ожидая от меня более детальной информации или каких-то объяснений. И я бы с радостью сказал ей что-нибудь, если бы сам обладал подробностями случившегося. Вопреки минимуму информации, неожиданности звонка – у меня не было чувства растерянности. Я сосредоточенно думал о том, к чему готовится на брифинге. Прекрасно понимая, что меня туда зовут не потому, что соскучились, а потому, что им нужен пилот. Но что случилось с капитаном? Что с самолётом? И вообще сегодня вроде как рейс Алекса, но Алекс летает на боинге...

Голова шла кругом от количества мыслей и от неизвестности. Нужно было дозвониться до Алекса, возможно, он сможет прояснить хотя бы что-то.

– Кейт, – я обратился к ней, неосознанно взяв её за руку, когда мы вышли из ресторана, – мне нужно в аэропорт, и я полагаю... точнее, я уверен, что из Берлина домой я вернусь не на машине. Возьми мою машину и езжай в Мюнхен. Как только я снова окажусь на земле, я заеду за ней.

И за тобой – хотел сказать я, но не осмелился.

Она кивнула молча.

– Извини, что испортил наше свидание, – добавил я после

небольшой паузы.

– Оно ещё не закончено, – грустно улыбнулась она, – впереди ещё путь в аэропорт, а вечерний Берлин – прекрасен. В твоей компании, думаю, ещё прекраснее, – она закусила нижнюю губу, и в этот момент мои мысли тут же перескочили с размышлений о двигателях, аварийных посадках и прочей полётной рутины на её жест. В этот момент хотелось продолжения этой встречи здесь и сейчас. Можно не здесь, но точно сейчас. Где-то на подкорках сознания червячок ответственности грыз мозг – мне были нужны холодная голова и трезвый ум, меня ждали в аэропорту на брифинге. Вот только думал я уже совсем не о брифинге, а о её губах. Интересно, она сделала это специально, чтобы меня подразнить?

– Хорошо, что я не успела выпить вина, – сказала Кейт, когда мы доехали до аэропорта, – ночевать в Берлине я не планировала.

Кстати, очень жаль. Я знал один очень хороший отель, где можно было бы переночевать. И не только переночевать. Чёрт! Как вернуть мысли в приличное направление?

Отрезвил и охладил мой пыл лишь телефонный звонок.

– Том, я уже у аэропорта, хватаю сумку и лечу, – быстро ответил я.

– У тебя с собой всегда сумка с нужными вещами? – спро-

сила Кейт, когда я отключил звонок.

Я кивнул. Это старая привычка – если я ехал куда-то на машине, то всё равно брал с собой все свои лётные документы и форму. Ситуации бывали разные, меня могли выдернуть из отпуска, разбудить среди ночи и попросить срочно долететь вместо кого-то. Поэтому всё нужное всегда было с собой. Времени, чтобы возвращаться домой за документами, никогда не бывало.

– Как только я выясню, куда и как я лечу, я свяжусь с тобой. Спасибо тебе за прекрасный вечер, надеюсь, он не последний, – я посмотрел ей в глаза.

– Не говори так. Пожалуйста, – она вздрогнула и поёжилась, опустив взгляд.

Да, Лея права... с человеком, у которого одна мысль о полётах вызывает мысли о смерти, будет нелегко. Только что она смотрела на меня так, как будто провожала в последний путь. В её глазах были страх, неуверенность и растерянность. Вновь подняв на меня взгляд, она явно хотела сказать что-то ещё, но не успела. Внезапно, возможно, даже как-то резко, я подошёл к ней ближе и притянул её к себе. Я отчаянно хотел почувствовать тепло её тела, своими объятиями закрыть её – эту потерянную в своём прошлом девушку. Она не отстранилась, не оттолкнула меня, несмело отвечая на объятия, но всё же отвечая. От неё исходил приятный тонкий аромат ванили и кофе. Её руки, сомкнувшиеся у меня на спине, были нежными и тёплыми. Я очень любил свою работу, но в этот мо-

мент мне захотелось хотя бы на один день перестать быть командиром воздушного судна, перестать думать о том, каким самолётом я полечу, исправны ли двигатели, что там с метеокарткой. Хотя бы на один день стать обычным человеком, который после скучной работы в офисе идёт домой, проводит вечер со своей второй половинкой, строит планы, которые никто не может нарушить. Это было мимолётное чувство, которое длилось буквально несколько секунд, но успело захватить меня с ног до головы.

– Я позвоню, – нехотя отстранившись, хриплым голосом пообещал я, и пока не переступил ещё существующую между нами черту, быстро пошёл в сторону аэропорта, на ходу набирая номер Алекса.

Алекс не отвечал на звонки, и шестое чувство, что именно он – тот самый пилот, которого везут в больницу, не покидало меня с самого звонка Тома. В голове проносились разные картинки – одна куда страшнее другой. Войдя в аэропорт, предъявив документы, я быстро переоделся в форму, прошёл медкомиссию и набрал номер Тома.

– Марк, – быстро ответил Том, – комната два-девять-восемь, тебя ждут на брифинге.

– Буду там через минуту, – также быстро ответил я, – где Алекс?

– Алекс в больнице, – подтвердил мои опасения Том, – у него тяжёлое отравление. Жить будет, но, к сожалению, лететь сегодня не сможет.

Я выдохнул. Не то, чтобы отравление было ерундой, но это наименьшее из тех зол, которые я себе представлял. Вот только оставался один вопрос...

– Он отравился в рейсе?

Том молчал, и это означало, что мои догадки верны.

– Кто отвечал за питание на этот рейс? Как пропустили без проверки?

Эти и другие вопросы я выплеснул на руководителя авиакомпании, потому что я был в гневе. Да, случаи отравления на борту самолётов бывали, но крайне редко, и обычно они заканчивались благополучно. А за последние годы их не было вообще! И как после этого подниматься на борт, если твои же сотрудники пренебрегают своими обязанностями? А если бы Алекс летел над океаном? Без возможности посадки? За спиной несколько сотен жизней, а тебе свою бы спасти.

– Марк, успокойся, – попросил меня Том, – все виновные уже вызваны на допрос, у нас через полчаса собрание в аэропорту. Тебя это не должно сейчас волновать. Твоя задача – доставить пассажиров туда, куда они направлялись, потом обратным рейсом вернуться в Мюнхен. Нужно успокоить их, большая часть из них, скорее всего, думает, что самолёт неисправен, и будут скандалить. На твоих плечах ответственность за их нервное состояние.

– Том, у меня только один вопрос, – нервное состояние пассажиров сейчас волновало меня меньше всего остального, – Алекс прилетел на боинге?

– Ты справишься, я в тебе уверен, – Том, не ответив на мой вопрос прямо, отключился, а я, закатив глаза, направился в сторону брифинг-комнаты.

Меня там уже ждали. Генри, второй пилот, тут же подскочил ко мне с расспросами, я остановил его молчаливым жестом и попросил всех сесть. Экипаж был мне знаком – раз в два месяца предыдущий руководитель Deutsche Airlines собирал всех сотрудников и проводил внутреннюю проверку, задавал вопросы, оценивал психологические особенности каждого из членов авиакомпании. Это была отличная практика, которую, к сожалению, не продолжил применять Том. Когда ты не в небе, а в спокойной обстановке общаешься со своими коллегами – многие вопросы удавалось решить и избежать спорных моментов на борту самолёта. Кроме того, знать не только свой экипаж порой просто необходимо. Ситуации бывали разные, как, например, сегодняшняя, и тратить время на то, чтобы узнать, кто летит с тобой, не всегда было возможно.

– Приветствую всех собравшихся на предполётном...или правильнее сказать – междуполётном брифинге, – я улыбнулся, – меня, как обычно, зовут Марк Вольфманн, и я возглавлю сегодняшний рейс в Пекин. По моей информации на борту самолёта четыреста девяносто два пассажира, экипаж

– четырнадцать человек, – я окинул взглядом комнату, прикидывая, как они работают на борту Королевы Небес (*Королева Небес – так называют боинг 747 в народе – прим. автора*), – полёт пройдёт на высоте сорок три тысячи футов, ориентировочное время в пути – девять часов. Метеосводка, которую мне только что выдали, говорит о том, что погода нам не очень рада – на всём пути следования густая облачность, кое-где грозовые фронты. Пассажиры на нервах, просьба быть обходительными и вежливыми. Каких-то двадцать часов, и мы снова вернёмся домой. Экипажу готовиться к полёту, Генри, мы задержимся.

Бортпроводницы, улыбаясь то мне, то второму пилоту, не торопясь выходили из брифинг-комнаты, о чём-то переговариваясь. Вот, что значит работа в авиации – час назад они совершили аварийную посадку, их капитан в больнице, а они абсолютно спокойны и улыбкивы.

– Итак, – я посмотрел на второго пилота, – насколько мне известно, ты летаешь в паре с Алексом уже два года?

– В октябре будет три.

Три года и до сих пор второй пилот? Я чуть было не съязвил на этот счёт.

– Отлично, я сегодня лечу на боинге первый раз, – задумчиво начал я.

– В смысле в первый раз? – испуганно посмотрел на меня Генри. – А ты уверен, что сможешь?

– С радостью отправлюсь домой на машине, – ухмыльнул-

ся я, – готов лететь один?

– А другого пилота нет?

– Другого пилота нет, – зло отрезал я, – технически я знаю все особенности боинга, рядом будешь сидеть ты. Взлёт и посадка одинаково сложны на любом самолете. В остальном – у меня есть час, чтобы подготовиться, и будь добр, – я внимательно на него посмотрел, видя, как он нервничает, – умерь свою панику, я не собираюсь убивать себя и пассажиров.

Снова зазвонил телефон.

– Да, Том, слушаю, – спокойно ответил я, хотя за последнее время он жутко мне надоел.

– Марк, всё в норме? Как брифинг?

– Всё отлично, у меня есть ровно час, чтобы понять, как остаться в живых, – саркастически ответил я. Может в следующий раз прежде, чем что-то делать, он всё же подумает?

Том рассмеялся, хотя я отчасти не шутил. Неприятности с погодой, новый самолёт, который я пока освоил только виртуально, неуверенный в себе или во мне второй пилот. Не самая лучшая обстановка.

– Считай, этим полетом убьёшь двух зайцев – пройдёшь реальную проверку боинга и укрепишься в звании лучшего пилота перед членами ИАТА.

– Главное не убить пассажиров, – задумчиво изучая документы, сказал я и услышал, как поперхнулся Том, – всё, свяжусь с тобой, когда окажусь на китайской земле.

– Марк, удачи.

Удача – это то, что мне сегодня пригодится.

Глава 15. Кейт

Тремя годами ранее

– Кейт! – ко мне бежала счастливая сестра. – Мы летим! Мы с Томом летим на Канарские острова, – она помахала билетами у меня перед носом.

– Мои поздравления, – от души сказала я. – А ты не боишься лететь на таком сроке? Всё-таки семь месяцев...

– Да всё пройдёт отлично! – оптимистично улыбнулась Агнесс. – А если рожу на борту самолёта, то будет, что рассказать сыну в будущем, – она рассмеялась.

– Вы надолго? У Тома отпуск?

– Да, наконец-то он будет пассажиром, а не пилотом.

– И как только его отпустили, – ухмыльнулась я, – незаменимый человек.

– И не говори, но я пообещала ему, что выйду за него замуж только, если он возьмёт отпуск.

– Манипуляторша. Кстати! О замужестве. У вас скоро родится ребенок, а вы никак не распишетесь. Родители негодуют, может, уже пора?

– Пора-то пора, – хмыкнула сестра, – но я не хочу выходить замуж с таким большим животом! Я хочу надеть белое красивое платье, высокие каблуки... станцевать свой первый танец, не думая о том, замкнёт у меня спину или руку, или

ногу...

– Надо было об этом думать до того, как ...

– Вот только не начинай! – Агнесс поморщилась. – Ты прекрасно понимаешь, что такое может случиться у любой пары! Мы просто сыграем свадьбу после рождения ребёнка, а не до. Невелика проблема. Пойдём обратным путём.

– Да ладно, не злись, – примирительно сказала я, – я, наверное, просто тебе завидую. Том тебя любит и готов носить на руках. Да я готова поклясться, что и носит! Скоро у вас будет сын, вы летите на Канары... а я... – я грустно вздохнула, злясь на себя за то, что порчу сестре настроение в такой прекрасный день.

– А что ты? Ты же собиралась на свидание с этим... Майк?

– Майкл, – поправила я, – собиралась, да никак не соберусь. Какой-то он не такой.

– Не такой, как что? Или как кто? Или какой не такой? Не такой красивый? Не такой умный? Не такой сексуальный? Не такой высокий? Не такой...

– Остановись, – рассмеялась я, – он просто не такой. С ним что-то не так, он довольно странный. Он звонит каждый час с вопросом, всё ли со мной в порядке. И ладно, если бы я в этот момент карабкалась на Эверест без специальной экипировки, а я всего-навсего сижу в пыльном офисе и пытаюсь придумать, как привлечь ещё больше клиентов через этот дурацкий сайт.

– Возможно, он заботится о тебе и твоём состоянии, – под-

колола меня сестра, – представь, как будет хорошо жить с таким мужчиной, он будет...

– ...он будет звонить мне, когда я иду чистить зубы, с вопросом, не повредилась ли эмаль, – махнула я рукой, – забудь! На меня просто напала хандра. Пройдёт. Неделя была не из лёгких, работой нагрузили, сил никаких не осталось.

– Послушай, – задумчиво начала Агнесс, – а, может, тебе полететь с нами? Снимешь себе номер, оттянешься...погуляешь, поплаваешь...отдохнёшь, в конце концов.

– Третий лишний, – справедливо заметила я, – хотя ход твоих мыслей мне нравится.

Может, мне, правда пора отдохнуть?

– Агнесс, милая, – услышала я голос Тома на пороге, – у меня произошла небольшая накладка. Я не смогу полететь с тобой сегодняшним рейсом, у меня вечером встреча с руководителем авиакомпании. Отменить и перенести эту встречу никак нельзя, а потому у меня есть предложение. Ты полетишь сегодня одна, а я завтрашним утренним рейсом к тебе. Или мы можем поменять билеты на завтра и полететь вместе.

Я увидела, как Агнесс слегка поникла и задумалась. Лететь одной ей явно не хотелось, но и ждать завтра было не лучшей идеей. Я даже знала, почему она не хочет ждать завтра. Зная Тома, завтра могло превратиться и в послезавтра,

и вообще... в никогда.

– Полечу одна, – уверенно ответила Агнесс, – пока ты будешь решать свои вопросы, я уже буду плавать и загорать.

– Не рекомендую загорать на таком сроке, – сказала я, – это опасно.

– Да у тебя всё опасно – загорать, плавать, ходить, дышать. Кейт, всё будет хорошо!

Я кивнула, но почему-то внутри меня затянулся какой-то узелок, нервный узелок. Что-то меня тревожило, но что именно я понять не могла. Том и сестра были счастливы. Что может быть не так?

– Позвони, как долетишь, – поцеловала я сестру в щеку, – я буду скучать! Обещаю, прослежу, чтобы Том отправился как можно скорее. А ты пока налопаешься фруктов, поплаваешь в океане и просто отдохнешь от всех своих мыслей. И будь осторожна! – сказала я ей вслед, видя, как она проходит рамку последнего контроля и скрывается от моих глаз.

Я осталась в аэропорту, ожидая, когда отправится её рейс. Провожая взглядом её самолёт, который медленно набирал высоту, уменьшаясь в размерах, я снова ощутила какой-то страх. Что на меня нашло? Я поехала домой, стараясь не концентрироваться на своих негативных мыслях.

– Кейт Майер? – незнакомый голос обратился ко мне из трубки.

– Да, я вас слушаю, – стало как-то тревожно. Голос был взволнованным. И однозначно чужим.

– Агнесс Майер кем вам приходится?

Я почувствовала, как сознание начинает покидать меня, как подкашиваются ноги. Раз мне звонит чужой человек, значит, что-то случилось. Что-то страшное... в этот момент я совершенно случайно бросила взгляд на телевизор. Показывали сводку погоды, где-то дождь, где-то солнце, а вот внизу... бегущая строка говорила о том, что в аэропорту Мадрида самолёт немецких авиалиний совершил аварийную посадку. По предварительным данным, есть выжившие.

– Агнесс, моя сестра, – монотонно произнесла я, всё ещё сконцентрированная на фразе «есть выжившие».

– Вам необходимо прибыть в аэропорт. Произошла авиакатастрофа, мы ищем родственников тех, кто был на борту рейса номер шесть-пять-один, – абсолютно спокойно говорил чужой голос.

– Какая авиакатастрофа? – я смотрела на бегущую строку, и слушала этот голос сквозь пелену и туман. – Она жива? Моя сестра жива?

– Просьба приехать в аэропорт, по прибытии сообщите свои данные, назовите номер рейса, вас проведут в специаль-

ную комнату, – человек на том конце провода отключился.

Это какая-то злая шутка. Это неправда. Специальная комната. Рейс, на котором летит моя сестра. Авиакатастрофа. В каком-то дурмане я собрала сумку, выскочила из дома, прыгнула в машину и помчалась в аэропорт. Я не стала звонить родителям, краем сознания догадавшись, что раз связались со мной, значит, они пока ничего не знают. Им не дозвонились. Да я сама пока ничего не знаю!

Нарушив все правила дорожного движения, едва не влетев в грузовик, я домчалась до аэропорта раза в три быстрее, чем это вообще было возможно.

Дрожащими руками предъявила документы, назвала номер рейса. Сотрудник аэропорта без единой эмоции объяснил, куда мне нужно проследовать.

Это было помещение для конференций, там уже находилось несколько человек, кто-то судорожно звонил по телефону, кто-то смотрел в телевизор, где крутили одну и ту же информацию о том, что произошла авиакатастрофа. Ни подробностей, ни новой информации.

Какой-то мужчина принес мне кофе, я молча кивнула, по-прежнему находясь в себе и своих мыслях. Почему Агнесс не звонила мне? Если бы она жива, она должна была со мной связаться, сказать, что всё хорошо...но телефон предательски молчал. Постепенно в комнату подтягивались люди, кто-то плакал, кто-то молчал, кто-то ругался. Хотелось закрыть уши, зажмуриться и провалиться в бессознательное состоя-

ние.

– Добрый день, – поздоровался зашедший мужчина. Судя по одежде – сотрудник авиакомпании, – меня зовут Ганс Шульц, я руководитель авиакомпании «Sky Deutsch». Прошу вас всех присесть и внимательно меня выслушать, – устало попросил он, – к сожалению, у меня для вас плохие новости. Самолёт, следовавший рейсом Мюнхен – Тенерифе, совершил аварийную посадку в аэропорту Мадрида. При посадке с неисправным двигателем он выкатился за пределы взлётно-посадочной полосы и загорелся. По предварительным данным, погибло двадцать девять человек. Тридцать восемь человек находится в тяжёлом состоянии. Остальные в состоянии лёгкой степени тяжести. Коллеги из Мадрида передали нам предварительные списки погибших. Для достоверной информации родственники должны будут пройти процедуру опознания. Мы готовим специальный рейс, который доставит вас в Мадрид.

Я молчала, будучи уверена, что это сон. Что мне всё это снится. Или кажется. Где-то далеко зазвонил телефон. Телефон из другой, прошлой жизни. Я понимала, что это мой телефон, но руки уже не слушались. Я посмотрела на имя звонящего – Том. Он тоже нервничает. Он звонит, чтобы услышать от меня информацию. Но у меня её не было. Я нажала отбой, отложив разговор с Томом на потом. Тогда я ещё не знала, что «потом» наступит очень скоро, вот только это будет не разговор, а ссора, длиною в три года.

В зал вошли ещё трое, начали что-то говорить. Отдалённые фразы, не несущие смысловой нагрузки... психологи... помощь... я по-прежнему не могла сосредоточиться.

Лишь после этого они раздали списки погибших. Предварительные списки.

На секунду мне показалось, что фамилии Майер в списке нет, но лишь на секунду. Агнесс Майер была в списке третьей по счету. В списке погибших. Листочек выпал у меня из рук, когда наконец-то сознание сжалилось надо мной. Я почувствовала, как чьи-то руки подхватили меня подмышки, не дав мне упасть, а дальше наступила темнота.

Глава 16. Марк

– Разрешите исполнительный, – говорю диспетчеру в третий раз, – борт семь-три-четыре, разрешите исполнительный взлёт.

– Исполнительный не разрешаю, – в третий раз отвечает мне диспетчер, – плотная облачность, грозовой фронт накрыл Берлин – ждите.

– Чего ждать? – устало спросил я тишину. – Судя по метеосводке погода станет только хуже, они же пропустили уже четыре борта, почему наш стоит?

– Улетели тяжеловесы, – в сотый раз повторял мне Генри, хотя вопрос был риторическим, – встречный боковой ветер тридцать пять узлов. Для нашего судна прилично. Пока не утихнет, нам не взлететь.

Я устало потёр переносицу. Мой заслуженный выходной день!

– Дамы и господа, – обратился я к пассажирам, – наш самолёт готов к взлёту, но вопреки этой готовности природа выражает ярый протест. Мы ожидаем разрешения на взлёт. Просьба оставаться на местах и ждать дальнейшей информации. Ориентировочное время ожидания составит от получаса до часа.

– Зачем ты сказал им время? – удивленно спросил меня

Генри. – Ты же даже не знаешь, сколько мы стоим.

– Не знаю, – подтвердил я, – но пассажиры хотят услышать своего капитана, а не сидеть в неведении в душном салоне. Гораздо лучше, если они услышат от меня всю необходимую информацию, а не будут гадать, почему мы стоим. Для них встречный боковой ветер – это что-то на пилотском языке. А четыре полосы на моей форме – это не только умение управлять самолётом, это гораздо большее.

Я откинулся на спинку кресла и устало прикрыл глаза. Ожидание утомляло гораздо больше самого полета. Неизвестность напрягала. Единственные мысли, которые меня успокаивали – мысли о той, с кем я сегодня провел потрясающий день. Который мог не заканчиваться так быстро! Порой у меня складывалось впечатление, что моё семейное положение – женат. На авиакомпании Deutsche Airlines. Вот только я свои супружеские обязанности исполнял добросовестно, а авиакомпания – нет.

– Борт семь-три-четыре, говорит диспетчер, слышите меня? – в четвёртый раз услышав этот голос за последний час, я мгновенно отозвался.

– Борт семь-три-четыре, на связи Марк Вольфманн, слышу вас. Исполнительный разрешаете?

– Исполнительный разрешаю, – со смешком в голосе от-

ветил диспетчер, начинайте рулёжку, занимайте полосу два-ноль.

– Полоса два-ноль, рулёжка, исполнительный подтверждён, – мгновенно отозвался я с нескрываемой радостью в голосе.

Ну, слава Богу! Погода сделала перерыв, дав мне возможность взлететь.

– Уважаемые пассажиры, – вновь обратился я к ним, – погода сжалилась над нами и дала передышку. Наш самолёт полностью готов к взлёту, ещё раз прошу всех занять свои места, пристегнуть ремни безопасности, перевести спинки кресел в вертикальное положение, выключить все радиоэлектронные приборы на время взлёта. В связи с густой облачностью, грозовым фронтом и боковым ветром, взлёт будет сопровождаться небольшой тряской. Просьба сохранять спокойствие и подчиняться всем требованиям экипажа. Экипаж, подготовиться к взлёту.

Мой второй пилот выглядел так, как будто рядом с ним сидит не командир воздушного судна, налетавший свыше четырёх тысяч часов, а школьник, который не отличит штурвал от игрового джойстика.

Я отклонил РУДы от себя, полоса от сильного ливня скользила, мне показалось, что самолёт рванул с места быстрее, чем обычно.

– Скорость семьдесят узлов... девяносто, сто двадцать, сто сорок узлов, – слышал голос Генри и одновременно погля-

дывал на приборы, – скорость принятия решения.

Полный отрыв. Не самый лёгкий взлёт, но взлетели.

– Шасси убрать, – скомандовал я Генри.

– Шасси убраны, – вторил он мне.

Самолёт знатно трясло, видимость была нулевая, впервые в жизни я взлетал практически «наощупь». Судя по метеокarte, видеть я начну ещё нескоро.

– Борт семь-три-четыре, занимайте эшелон сто десять, набирайте высоту шесть с половиной тысяч футов.

– Борт семь-три-четыре, – живо откликнулся я, – занимаем эшелон сто десять, набираем высоту шесть с половиной тысяч футов. У нас тут невероятная вечеринка со спецэффектами вокруг, – практически прокричал я диспетчеру, наблюдая, как вокруг сверкают молнии.

– Закрылки в положение ноль, – громко скомандовал я второму пилоту, – увеличиваем тягу, надо прорваться сквозь этот адский фронт.

– Я даже не понимаю, где он заканчивается, – напряженно ответил Генри, – закрылки переведены в ноль.

А он вообще заканчивается? Судя по тому, что было на брифинге, мы вообще не увидим землю вплоть до посадки в Пекине. Я очень надеялся, что сегодняшнего полета будет достаточно для членов ИАТА, чтобы доказать свою профпригодность и квалификацию. Главное, долететь.

– Борт семь-три-четыре, говорит Берлин, вы меня слышите?

– Борт семь-три-четыре, вас слышу.

– Борт семь-три-четыре, занимайте эшелон сто восемьдесят, поднимайтесь на высоту девять с половиной тысяч футов.

– Борт семь-три-четыре, занимаем эшелон сто восемьдесят, набираем нужную высоту.

Метеокарта меняла цвет с красного на жёлтый, значит, нас ждала небольшая передышка. Спустя несколько минут самолёт будто вынырнул с огромной глубины на поверхность. Небо стало чище, облака остались внизу, позади – грозовой фронт. Прорвались. Самолёт практически перестало трясти, и я перевел полёт в режим автопилота. До места назначения ещё далеко.

Оставалось чуть более часа до посадки в аэропорту Пекина, я открыл рот, чтобы обратиться к своему второму пилоту, как внезапно в кабине раздался громкий оглушающий сигнал. Приборы замигали, звук не прекращался. Я быстро бросил взгляд на электронику – система регулировки давления. Вот только этого не хватало.

– Свяжись с бортпроводниками, что у них в салоне? – быстро сказал я, отключая автопилот. – Управление беру на себя.

– Борт семь-три-четыре, у нас техническая неисправ-

ность, – воззвал я к диспетчеру. По моим расчётам и навигационной карте мы пролетали Монголию, – разрешите снижение.

– Борт семь-три-четыре, приветствует аэропорт Гурван Сайхан, назовите причину снижения?

– Чрезвычайная ситуация – у нас отказ системы регулирования давления.

– Занимайте эшелон двести сорок, снижайте высоту до тридцати двух тысяч футов, наш аэропорт закрыт из-за непогоды, направляйтесь в Улан-Батор. Передаю вас... – помехи на линии не дали ни дослушать, ни договорить.

Да что ж такое! Если у пилотов и бывают неудачные дни, то сегодня, вероятно, один из них. Я подумал о пассажирах. Что чувствуют они? Для меня сегодня сложный день на работе, один из немногих, а для них? Плановый рейс в отпуск или в командировку прерывается второй раз. Сядут ли они в третий раз на самолёт?

– Марк, в кабине выпали кислородные маски, – отвлек меня Генри, – все пассажиры обеспечены кислородом, на текущий момент никто не пострадал.

Я выдохнул. Пассажиры в порядке, а это самая лучшая новость на сегодня.

– Возьми управление на себя, я свяжусь с пассажирами.

– Управление взял, снижаю самолёт до тридцати двух тысяч футов.

Снова этот противный сигнал.

– Уважаемые дамы и господа! Вновь с вами командир воздушного судна Марк Вольфманн. К сожалению, долететь до Китая сегодня мы не сможем, но побываем в Монголии, – шутить у меня получалось плохо, но и времени было в обрез, – у нас обнаружена техническая неисправность системы регулировки давления. Надеюсь, все из вас надели кислородные маски и слушают требования экипажа. Просьба не поддаваться панике, ни при каких обстоятельствах не снимать кислородные маски, не покидать своих мест без крайней на то необходимости. При малейших проблемах обращаться к любому бортпроводнику. Мы готовимся к аварийной посадке.

– Марк, есть проблема, – позвал меня Генри.

– Ещё одна? – поднял я вопросительно брови. – Что ещё? Отказала навигация, аэропорт исчез?

– Обязательно оценю твоё чувство юмора, когда будем на земле. У нас многовато топлива. При посадке можем...

– Не можем, – перебил я его негативные мысли, – в Улан-Батор большая взлетная полоса, исключим резкое торможение, – тем более, что нас будут встречать с оркестром.

– Ты о чём? – хмуро спросил Генри.

Я закатил глаза. Как он вообще летает, если не знает нашего профессионального языка?

– Борт семь-три-четыре, – раздался голос диспетчера, – говорит Улан-Батор, освободили вам полосу для посадки, готовы принимать ваш борт, – что у вас по технической части?

– Борт семь-три-четыре, говорит командир воздушного судна Марк Вольфманн. У нас отказ системы регулировки давления. Салон обеспечен кислородными масками, давление в салоне снизилось, но из-за неисправности датчиков понять точно насколько – не можем. Рисковать и лететь до Пекина – тоже.

– Борт семь-три-четыре, вас понял, готовим скорые, пожарные, что у вас по топливу?

– Многовато, но попробуем снизить скорость в полете, чтобы не уходить на резкое торможение, – я судорожно вспоминал всё, чему учился все эти годы.

– Снижайтесь до двадцати тысяч футов, мы будем готовы принимать ваш борт, – он отключился, а я повернулся к Генри.

– Вот, что такое оркестр. Чуть позже, будет ещё и пенная вечеринка. Чтобы не допустить возгорания, они поливают полосу и обливают пеной самолёт после посадки.

– Ты сажал самолёт с непустыми баками?

Я тяжело вздохнул. Как Алекс летает с этим паникером? У меня было ощущение, что со мной летит не второй пилот, а просто панически настроенный пассажир. Да, ситуация сегодня была явно не в нашу пользу. Сначала отравление Алекса, аварийная посадка в Берлине, потом бушующая непогода на взлёте. И напоследок – техническая неисправность. Вот только всё случившееся никаким образом не должно было влиять на того, кто сидит в кабине пилотов. Но Генри посто-

янно задавал вопросы, нервничал. Честно говоря, он жутко этим меня раздражал. Обязательно скажу Тому о том, чтобы он провёл психологическую проверку сотрудников авиакомпании.

– Я сажал самолёт с отказавшими двигателями, с пожаром на борту. А теперь уйми свой нервный пыл и продолжай работать. С радостью похвастаюсь своими достижениями после мягкой посадки. Управление беру на себя.

Погода в Монголии оказалась благоприятнее, чем на взлёте в Берлине. Нас, как я и предполагал, встречали со всеми полагающимися спецэффектами.

– Борт семь-три-четыре, что с двигателями?

– Борт семь-три-четыре, снизили обороты, сбрасываем скорость.

А вот и огни взлётно-посадочной полосы, я уже слышал рёв пожарных машин и скорых, слышал, как кричит в трубку Том, выясняя, как мы допустили отказ системы регулировки давления. Слышал, как возмущаются руководители центра полётов. Не слышал я одного – как хлопают пассажиры. Все четыреста девяносто два пассажира. Ни один из находящихся на борту не пострадал при посадке.

– Генри, срочно свяжись с аэропортом, пассажирам нужно организовать трансфер до Пекина. Автобусы или любой

другой наземный вариант.

– Может, пересадить их на другой рейс?

– Не думаю, что твою идею они примут с восторгом, этот самолёт дальше не полетит, а вероятность найти новый борт в ближайшее время близка к нулю. Выполняй приказ, – я ослабил галстук и выдохнул.

Зайдя в аэропорт, я посмотрел туда, где только что стоял боинг. Его уже отбуксировали на аварийную стоянку. Сейчас им займутся техники, будут досконально проверять все системы. Это не моя забота. Моя забота вернуться домой. Я достал из кармана телефон с желанием набрать номер той, от которой я целую вечность назад улетел в Китай, а в итоге оказался в Монголии со сломанным самолётом. Но разве хоть раз за последнее время мне удалось сделать то, чего я желал? Входящий звонок раздался быстрее, чем я успел достать телефон.

– Слушаю, Том, – устало ответил я. Жутко хотелось спать.

– Марк, ты в Пекине? – в отличие от меня, Том был бодр и доволен. Интересно, чем?

Он ничего не знает?

– Я в Монголии, – ответил я, – бесплатная экскурсия за счёт авиакомпании.

– В смысле? – не понял Том.

– В самом прямом, – раздраженно сообщил я, – ты руководитель или я? У нас аварийная посадка, отказ системы регулирования давления.

– А до Пекина дотянуть было нельзя? – поинтересовался Том таким будничным тоном, как будто спрашивал, сколько стоят помидоры.

– Ты в своём уме? – взорвался я. – Пассажиры в кислородных масках, буря на всём пути, новый для меня самолёт, и ты предлагаешь долететь до Пекина? Да я мог и до Токио долететь, вот только четыреста девяносто два трупa на борту, не считая твоего лучшего пилота, ты вряд ли был бы счастлив опознавать.

– Я понял, успокойся, – примирительно сказал Том, – у меня для тебя есть две новости. Одна...

– Начинай сразу с плохой, – перебил я его, – вряд ли сегодня есть хоть что-то, что меня удивит.

– Тот боинг, на котором ты летел, первый в очередь на проверку. Если он исправен, то его нужно отогнать на техническую базу.

Я мысленно простонал. Это не плохая новость, это уже наглость.

– Том, ты вообще в курсе, что у пилотов есть регламент? Есть определенное количество часов, которое они могут работать. После этого требуется перерыв. Я сейчас не полечу ни на техническую базу, ни куда-либо ещё. Только, если в качестве пассажира.

– Полетишь завтра, сейчас тебе самолёт не отдадут техники, нужно понять, исправен он или нет.

– А если он неисправен, то я всё равно полечу на нём? – с сарказмом спросил я. – Это и есть хорошая новость? Избавишься от самолёта и от меня. Двух зайцев одним махом.

– Вернёшься домой, я даю тебе три дня выходных, – проигнорировал Том мой сарказм.

– Такие же три выходных, как сегодня? – решил я на всякий случай уточнить. – Тогда я лучше поработаю.

– Нет, я разрешаю тебе отключить телефон или не отвечать ни на чьи звонки. Даже на мои.

– Премного благодарен, – со смехом сказал я, – до завтра.

Я тут же набрал другой номер, совершенно забыв о разнице во времени. Мне нужно было услышать её голос. И лишь после тихого «привет», раздавшегося из трубки, я смог немного расслабиться. Поймав такси и не заканчивая разговор, я направился в ближайший отель, чтобы немного отдохнуть.

Глава 17. Кейт

Прошло три дня с тех пор, как Марк, приехавший со мной в Берлин на машине, улетел в Пекин. На этот раз обошлось без длительных пауз в общении – он звонил, присылал сообщения, но все подробности обещал рассказать при личной встрече. Из всего этого радовало только одно – скорая встреча. Об остальном я старалась не думать, где-то в глубине души догадываясь, что эти три дня он явно не расслаблялся.

Выходя из дома, я заметила припаркованную машину, на которой я недавно возвращалась домой, а рядом...

– Привет, Марк, – поздоровалась я с лёгкой улыбкой, – ты вернулся.

– Я вернулся, – подтвердил он, – здравствуй, Кейт.

Повисла неловкая пауза, которую не сразу понимаешь, чем наполнить – словами или чем-то ещё. Казалось, что наступил тот самый момент – момент, когда не хочется ничего говорить, не хочется думать. Момент, когда хочется только чувствовать. Почувствовать его руки на своей спине, обнять – как обычно обнимаются друзья, которые давно не виделись. Но мы виделись три дня назад. И мы явно не друзья. Да и судя по тому, каким взглядом он прожигает меня в ответ, шансов стать друзьями у нас маловато.

– Ты рассматриваешь меня так, как будто забыла, как я

выгляжу, – сказал Марк с улыбкой, – подарить тебе моё фото?

Неловкость как рукой сняло, но момент для объятий был упущен.

– Подвезёшь на работу? – просто спросила я, не выдавая своих чувств. – Или снова улетишь в Китай?

– До Китая я так и не долетел, – поморщился он, – зато я успел побывать в Монголии, потом в Сингапуре, потом в Тайланде, Риме, Париже и вот теперь я здесь.

– И это всё за три дня? – я ужаснулась. Я искренне не представляла, как за такой короткий промежуток времени можно столько раз сесть в эту огромную машину и подняться в небо? А потом столько же раз опустить эту машину на землю. Воистину, пилоты – удивительные люди.

– Почти за четыре, я прилетел сегодня ранним утром.

Он прилетел сегодня. Ранним утром. Слова медленно укладывались в голове. Он был в рейсах четыре дня и сразу же приехал ко мне? Не отдохнув?

– Пока ты размышляешь о том, какой я идеальный и как меня отблагодарить, садись в машину, а то опоздаешь на работу, – он открыл мне дверь, намеренно или нет слегка касаясь моей руки, а после того, как я села на пассажирское сидение, наклонился ближе – настолько ближе, что я почувствовала его дыхание на своей шее. Почувствовала, как сердце забилось чаще. Запах его парфюма. В предвкушении того, что должно вот-вот произойти, я посмотрела в его глаза,

потом неосознанно опустила взгляд на его губы. Но это было слишком опасно, слишком близко... Я снова посмотрела в его глаза. Я ещё никогда не видела глаз такого синего цвета. Как будто это линзы. Хотя нет, пилоты не носят линзы, у них идеальное зрение. У него действительно красивые глаза... он был слишком близко, чтобы думать о чём-то другом. Да он был настолько близко, что думать вообще было сложно! Сбоку от меня щёлкнул замок ремня безопасности, Марк быстро отстранился и, невозмутимо обойдя машину, сел рядом в кресло водителя. Чёрт бы его побрал! Что это было? Мои фантазии вышли за пределы его возможностей? Или мне снова показалось?

– Ты меня слушаешь или нет?

Конечно, нет! Я думаю о том, каким парфюмом ты пользуешься, почему у тебя такие синие глаза и почему, чёрт возьми, ты сел рядом вместо того, чтобы вжать меня в это кресло и поцеловать?

– Конечно, слушаю, – не моргнув, соврала я. Мимолетное видение с поцелуем исчезло, я облизала губы, и постаралась сосредоточиться на том, что он говорит.

– Мне сейчас нужно поехать домой и выспаться, потому что я боюсь, что если я ещё раз моргну, то усну, – продолжал говорить Марк, – вечером я жду тебя у себя дома на ужин.

Вот так вот просто. Вечером. Дома. Ужин. Я кивнула, мысли судорожно забегали в голове. После того, что только что произошло, я даже не могла представить, куда заведёт

меня фантазия за ужином у него дома.

Рабочий день тянулся настолько медленно, насколько улитка ползла бы из одного города в другой. Я смотрела на часы каждые десять минут, мысленно заставляя время идти быстрее. Я толком не могла сосредоточиться на новом рекламном проекте, и, судя по тому, что ко мне зашёл Стив, он это заметил.

– Кейт, отпускаю тебя сегодня пораньше. Не знаю, в каких ты сегодня витаешь облаках, но надеюсь, что завтра ты с них спустишься.

Я подумала о том, что с этих облаков мне спускаться не хочется. По крайней мере, не в ближайшее время. А лучше вообще никогда. Поблагодарив Стива и сославшись на головную боль, я поехала домой.

– Мама, я дома! – крикнула я. – Но ненадолго.

Мама спустилась сверху и заключила меня в объятия:

– Ты сегодня рано, куда-то собралась?

– Куда-то собралась, – слегка смущаясь, сказала я. – Я постараюсь вернуться к...

– Постарайся не возвращаться сегодня, – мягко сказала мама, – просто отдыхай и наслаждайся жизнью. Куда бы ты ни шла.

Я кивнула, понимая, что лучше мамы мои чувства нико-

гда никто не понимал.

Поднявшись в свою комнату, я открыла гардероб и задумалась о том, что же выбрать для ужина. Джинсы и футболка? Нет, так на свидания никто не ходит. Короткое платье? Тогда ужина не будет. Длинное платье? В нём неудобно. И не только ужинать. Красное платье! Точно. Я вспомнила про своё счастливое платье. Я его надевала не так часто – слишком яркий цвет не везде был уместен, но каждый раз, когда я была в нём – обязательно происходило что-то хорошее. Сегодняшний вечер непременно должен стать одним из тех, которые можно будет отнести к хорошим, потому что, когда будет следующий – с графиком пилота неизвестно. Зная особенность Марка резко улетать на другой конец мира, а потом возвращаться через несколько дней, я понимала, что каждая минута была на счету.

Кстати о минутах! Марк ждал меня уже через полчаса.

Я добралась до дома Марка по координатам, которые он мне скинул, быстро и легко. Гораздо труднее было успокоить дыхание, выходя из машины, и усмирить нервы. Я задавала себе миллион вопросов – как я выгляжу, не слишком ли яркая помада, не растрепались ли волосы, не испуганный ли у меня взгляд? Я позвонила в дверь, опасаясь, что своими нервами доведу себя до того, что передумаю и убегу.

– Добрый вечер, – Марк, улыбаясь, открыл дверь, – ох, – выдохнул он, – ты выглядишь потрясающе.

– Спасибо, – я подставила щёку для поцелуя и, почувствовав его губы на своей коже, вздрогнула.

– Проходи, – Марк показал направление рукой, – я сейчас вернусь.

Я прошла в комнату, на которую указал мне Марк, и обомлела.

Он не только умеет управлять самолётом, он ещё и готовит. Судя по изысканному аромату, очень вкусно готовит.

– Кейт, – раздался сзади меня мягкий голос, – я хочу сказать тебе спасибо за то, что согласилась поужинать с тем, кто так бесцеремонно бросил тебя в Берлине.

Я обернулась на его голос – он держал в руках букет ярко-красных цветов.

– Тебе очень идёт красный цвет, – сказал он, подходя ближе, – вот только помада...

Я мысленно простонала, едва удержавшись от того, чтобы не стереть её руками.

– А что не так с помадой? – почти шепотом спросила я, второй раз за день почувствовав его дыхание рядом с собой. Кожа покрылась мурашками, а тело перестало слушаться.

– Тебе красного вина или белого? – я услышала его голос дальше, чем секунду назад чувствовала его дыхание.

Этот пилот был невыносим! Сколько можно вот так бесцеремонно меня мучить?

– Красного, – сказала я и тут же задала вопрос, заметив, что на столе один бокал, – ты что, не пьёшь?

– Не пью, – подтвердил Марк, – меня в любой момент могут вызвать на рейс.

– А в отпуске?

– А что такое отпуск?

Я рассмеялась, прекрасно понимая, о чём он говорит. У меня тоже был такой период, когда я работала без отпусков и выходных.

– Где ты научился так вкусно готовить? – поинтересовалась я, пробуя блюда, стоявшие на столе. – Ты же всё время летаешь, у вас наверху есть курсы поваров?

– У нас наверху есть целая жизнь, – сказал Марк, – порой она намного насыщеннее той, что люди ведут на земле. Но готовить я научился уже давно. Когда умерли наши с Леей родители, сестре было пятнадцать лет, я был студентом, она школьницей. Родственников у нас не было, и нужно было как-то выживать.

– Твои родители умерли? Прости, я не хотела ...

Марк покачал головой.

– Почему люди любят извиняться за то, в чём нет их вины? Не извиняйся, люди умирают каждый день. И близкие тоже умирают. И либо мы живём дальше, либо умираем с ними. Я выбрал жизнь и ничуть не жалею. Где бы я был сейчас, если бы не продолжил учиться, не помог бы своей сестре встать на ноги и тоже выучиться? Честно говоря, я даже не знаю

ответ на этот вопрос. Но времени на долгие переживания у меня не было. Я был нужен младшей сестре, нам нужны были деньги. Поэтому я учился, параллельно работал в аэропорту по ночам. И вот сейчас я здесь. Ещё вина?

Я не понимала, как он так легко говорит о смерти. Как вообще о ней можно говорить? Это не разговор о погоде или море, не разговор о политике. Это разговор о чем-то страшном, неизвестном. О том, о чём не то, что говорить, думать не хочется.

– Я могу отойти? – спросила я.

– Конечно, – кивнул Марк.

Мне срочно нужно было остаться одной хотя бы на минуту. Все эти разговоры о родителях, смерти, о том, как справиться с горем снова напомнили мне о том, что я с этим горем не справилась до сих пор. Даже мои родители, потерявшие в тот страшный день свою вторую дочь, продолжают жить. Летать. А я застряла где-то посередине между тем днём и следующим. Я намочила руки холодной водой и слегка брызнула на лицо. Щёки горели то ли от вина, то ли от воспоминаний, то ли от того, что я впервые за несколько лет находилась рядом с человеком, который так красиво говорил, так рассуждал... и так смотрел на меня. Без жалости, без постоянного сочувствия. От него исходила уверенность, сила и надёжность. Мне даже себе было сложно объяснить, что в нём привлекало так сильно – его внешность, манеры, необходимость? Всё вместе?

Я вернулась в комнату, но Марка в ней не было. От выпитого вина я немного осмелела и решила осмотреться. Рядом с высоким окном стоял высокий стеллаж, полностью забитый книгами – авиация, детективы, фантастика, классика – много, очень много книг. Когда он успевает читать? На некоторых полках стояли сувениры – миниатюра Эйфелевой башни, миниатюра Биг Бена. И самолеты. Много самолётов – разные по размеру, цвету, очевидно, и по моделям тоже. Я взяла один с полки и засмотрелась. Он был почти таким же, как у меня. Красивый. Даже не верилось, что его огромная копия может за один миг покалечить столько судеб.

Внезапно я почувствовала на своих плечах тёплые руки и положила на них свои. Медленно развернувшись, я хотела сказать Марку, что своими разговорами он заставил меня задуматься о том, насколько скоротечна жизнь, и как хочется наслаждаться каждой секундой. Но слова застряли в горле. Потерялись, не найдя выхода. Марк смотрел на меня так, как не смотрел никто другой. В этой комнате с приглушённым светом его глаза казались темнее, чем они были на самом деле. Я почувствовала, как его руки прижимают меня ближе. Расстояние между нами сократилось до минимума, я закрыла глаза, и...

– Мне нужно тебе кое-что сказать, – прошептал он возле моих губ.

Глава 18. Марк

Кейт открыла глаза, её взгляд был слегка мутным и весьма разочарованным.

– Что ты хочешь мне сказать? – сказала она, пытаясь вернуться из моих рук, но безуспешно. – Что ты никогда не целовался?

Я рассмеялся. И демонстративно начал загибать пальцы на руках – один, второй, третий, после седьмого поднял на неё взгляд с вопросом:

– Стюардесс не считать?

Она легонько шлёпнула меня по плечу, и я перехватил её руку.

– Кейт, закрой глаза.

Она недоверчиво посмотрела на меня.

– Что ты хочешь со мной сделать?

Если бы она только знала, что я хотел с ней сделать, она бы не торопилась задавать такие вопросы.

– Просто закрой глаза, помолчи и послушай, – попросил я.

Она ещё раз с удивлением посмотрела на меня, и молча сделала то, о чём я просил. Так говорить намного легче.

– До твоей личной трагедии ты летала на самолётах, и я уверен, что ты помнишь это чувство. Представь, как ты ле-
тишь на самолёте ночью. Самолёт должен вот-вот совершить

посадку, давление в салоне повышается, двигатели ревут, за окном – огни города, в котором вот-вот ты окажешься, сердце учащённо бьётся. И вдруг самолёт вместо снижения резко начинает набирать высоту, уходя на второй круг. Ты испуганно смотришь в иллюминатор, пытаешься понять, что произошло, почему город, в котором ты так хочешь оказаться, оказывается всё дальше и дальше? Сердце постепенно успокаивается, самолёт поднимается выше, потом снова снижается. Как будто полётные качели. И вот огни города снова рядом, тебя снова накрывает это чувство – учащённое сердцебиение, ожидание посадки, ты прикрываешь глаза, ожидая стука шасси о взлётно-посадочную полосу, кажется, что остаётся ещё немного...но самолёт вновь поднимается вверх, набирая высоту. И снова очередной круг...

Я сделал паузу, ожидая, когда Кейт откроет глаза. Кажется, она с удивлением обнаружила, что мы не на самолёте, а всё ещё у меня дома.

– Зачем ты всё это мне рассказываешь? – посмотрев мне в глаза, мягко спросила она.

– Затем, что это именно те чувства, которые ты испытываешь сегодня с самого утра. И сейчас твой самолёт совершит посадку, – закончил я и наклонился к ней, накрыв её губы своими. Чем томительнее ожидание, тем ярче развязка. Я почувствовал, как её руки поднимаются выше, притягивая меня ближе, как податливо раскрываются её губы. Нежность сменялась страстью, страсть – жадностью. Где-то вда-

леке звонил телефон. Мой или её – было неважно. Важно было чувствовать вкус её губ, её тёплые руки, которые то спускались ниже по спине, то поднимались выше – вызывая этим гамму чувств. Я почувствовал, что если сейчас не останюсь, то рубеж прерванного взлёта будет пройден, и станет слишком поздно.

Я слегка отстранился от неё, почувствовав, что лишился тепла, которым был окутан последние несколько минут.

Кейт смущенно убрала руки и слегка отодвинулась от меня.

– У меня никогда не было такой мягкой и долгожданной посадки, – сказала она.

Хотелось пошутить про взлёт или про турбулентность, но слова застряли в горле. Сейчас не хотелось ни шуток, ни сарказма.

– Хочешь, прокатимся по ночному Мюнхену? – предложил я. – Или...

Что «или» я не придумал, потому что заканчивать этот день мне не хотелось, а предлагать остаться на ночь... Зачем я вообще об этом подумал?

– С одним условием, – загадочно сказала она, – пусть это будет не последняя посадка на сегодня, – она улыбнулась, закусив нижнюю губу.

Том не солгал – у меня было три потрясающих выходных. Именно таких выходных, о которых мечтает любой человек. Я просыпался тогда, когда хотел. Шёл туда, куда хотел. Единственное, чего не хватало в этих выходных – это Кейт. Она работала, и мы виделись только по вечерам. Этих часов было мало, катастрофически мало. Настолько мало, насколько может быть мало топлива, когда тебе ещё лететь несколько часов, а под тобой океан. Все три вечера, провожая её до дома, я хотел предложить ей вернуться ко мне или поехать куда-то ещё, но каждый раз меня что-то тормозило. Этим чем-то была дурацкая совесть. Впервые в жизни захотелось по-настоящему серьёзных отношений, захотелось, чтобы отношения развивались плавно и медленно. Хотя, кого я хотел обмануть? Хотелось получить всё и немедленно, и желатель-но не один раз, но правильное было ждать.

В понедельник утром перед брифингом, я заехал к ней домой. Не хотелось улетать, не увидев её.

– Доброе утро, – поздоровался я, заходя к ней в дом.

– И тебе доброе утро, – она подошла ближе, – у тебя есть шанс сделать его ещё добрее.

Дважды просить не пришлось, я ловко притянул её за талию и в сотый раз за эти дни ощутил её губы на своих. Спустя мгновение я почувствовал, как её руки аккуратно пробираются под рубашку и касаются моей обнажённой спины. Рубашку захотелось снять, а брифинг отменить. Или хотя бы перенести на несколько часов.

– Родители уехали в командировку, – прошептала она, – ты пройдёшь?

Я с нежеланием отстранился, переводя дух и мысленно принимая холодный душ.

– У меня через два часа рейс в Париж, оттуда в Лондон... – я не знаю, где было больше разочарования – в моём голосе или её взгляде.

– А после Лондона ты вернёшься домой? – в её глазах был всё тот же страх, вот только теперь он смешивался с чем-то ещё.

Я вздохнул и облокотился на стену возле двери. Как же мне хотелось уверенно ответить «да», но я не знал, что меня ждёт дальше. Графики полётов менялись настолько быстро, что вероятность оказаться сегодня в Сиднее вместо Парижа была невероятно высока. А сказать «нет» я просто не мог, потому что тогда я снова верну бы ей те страхи, о которых она немного начала забывать.

– Только, если ты будешь меня ждать, – сказал я, и в ответ получил очередной поцелуй.

– А ты всё ещё сомневаешься?

– А разве я вообще сомневался? – сказал я, выходя из её дома. – Позвоню тебе, – послав ей воздушный поцелуй, я бросил беглый взгляд на часы и поехал в аэропорт.

– Приветствую вас, дорогие коллеги! Мы летим в Париж. Время в пути – один час тридцать минут. Высота полета – тридцать восемь тысяч футов. На борту триста девятнадцать пассажиров, погода солнечная, штиль. Желаю всем прекрасной работы и спокойных пассажиров. Увидимся во Франции!

Я хотел сказать что-то ещё, но в брифинг-комнату вошёл Том. Это был плохой знак. Если он появляется здесь, значит...

– Доброе утро! – окинул он взглядом комнату. – Желаю всем прекрасного полёта. – Марк, – повернулся он ко мне, – сегодня с тобой полетит инспектор, который...

– Который хочет узнать, умею ли я управлять самолётом или получил это место, потому что переспал с...?

– Ты когда-нибудь слушаешь до конца? – буркнул Том. Странно, но после того, как мы согласовали с ним график полётов, убрав эти пятиминутные перерывы, он стал более адекватным. Или он просто привык к моей манере общения?

– Я весь внимание, – в упор смотря на него, ответил я.

– Итак, сегодня на рейсе долгожданная аттестационная проверка. С тобой полетит инспектор. Будь осторожен.

– Ну да, обычно-то я сажусь мимо полосы и лечу не в своём эшелоне наперегонки с другими бортами.

– Ты прекрасно понял, о чём я. Пожалуйста, не нарывайся, делай всё по инструкции. И перестать хамить второму пилоту.

Я закатил глаза.

– Перестань ставить мне на рейс в пару психически неуравновешенных людей, для которых воздушная яма – это повод писать завещание.

Париж встретил нас золотым солнцем, Лондон – серым туманом. Полёты в Лондон я не любил. При посадке чаще всего возникало ощущение, что ты прилетел из небесной глади в какую-то серую глушь. Хотя вроде как это Лондон, и глушь – не его синоним. В Лондоне у нас был отдых, забронировав номера в гостинице, мы с экипажем отсыпались после перелётов. Рейс Лондон-Мюнхен был лишь на следующий день, и можно было бы выйти, прогуляться, пройтись по магазинам, купить чего-то специфического, британского. Однако сон пересилил все остальные желания. Как только я очутился в номере и принял душ, а голова коснулась подушки, я моментально отключился.

Проснулся я от звонка Тома. Конечно, кто бы ещё мог мне звонить? Иногда мне казалось, что ему настолько скучно, что он ищет любой повод, чтобы снова позвонить мне. Мутные вопросы, предложения одно хуже другого.

– Том, ты даже в Лондоне не оставляешь меня в покое, – я посмотрел на часы, было восемь утра, – что опять стряслось? Нужно ехать спасать крокодилов в Африку? Перевез-

ти бегемота в московский зоопарк?

– Шутишь – значит, ты в хорошем настроении, – Том, как обычно, не слушал меня, – во сколько ты возвращаешься?

Он издевается? Он сам лично составлял расписание, сам лично ставил мне рейсы и сам отслеживал каждый из них, в теперь спрашивает меня, когда я вернусь?

– Ты лучше меня знаешь, – хмыкнул я, – не у тебя ли моё расписание полётов?

– У меня, – подтвердил он, – но разговор надо начать с чего-то нейтрального.

– Опять разговор? Том, когда мы будем просто выполнять свою работу и без лишних обсуждений лететь из точки А в точку Б?

– Тогда, когда члены ИАТА будут довольны.

Я вздохнул. Члены ИАТА никогда не бывают и не будут довольны. То им цвет лака не тот, то при посадке двигатели работают громче, чем надо, то мы взлетели не так, как они хотели. И даже, если всё прошло идеально, и цвет помады стюардессы совпадет с цветом чемоданов у пассажиров, то они найдут к чему ещё придраться. Угодать членам ИАТА – задача из разряда невыполнимых.

– Так что там за разговор?

– Завтра утром у нас собрание, я забронировал конференц-зал, твой экипаж возвращается сегодня, ещё два экипажа – ночью. К утру соберутся все, кто мне нужен. У нас небольшие изменения, и нужно обсудить их лично.

Небольшие изменения...обычно, по мнению Тома, небольшие изменения – это примерно, как переезд в Торонто на машине по воде.

Мюнхен встретил нас непогодой. Сильный ливень и гроза заставили нас дважды уходить на дополнительный круг. Часть бортов были перенаправлены в Берлин и Дюссельдорф, часть – в Зальцбург.

– Шасси выпущены, – сказал Леманн, мой второй пилот.

Полоса была мокрой, я чувствовал, как коснувшиеся её шасси, проскальзывают по ней – казалось, что самолёт не тормозит и вновь идёт на разгон.

– Реверс, – скомандовал я второму пилоту. Двигатели уже не ревели, самолёт не летел, а, значительно замедлившись, ехал по полосе, направляясь к нужному терминалу.

– Завтра собрание, – напомнил я Леманну, – попрошу Тома поставить тебя в мой экипаж.

Он с благодарностью кивнул, хотя я был благодарен ему намного больше за последние рейсы. Том постоянно подсовывал мне разных пилотов, большая часть из которых, судя по всему, самолёт видели впервые. Леманн, надо отдать ему должное, совершая свой второй полёт, отработал его на все сто. Такому второму пилоту можно доверить управление самолётом, не боясь, что он перепутает эшелон или впадёт в

истерику при виде грозы.

Послеполётный брифинг прошёл быстро, все торопились домой, зная, что завтра их ждёт Том со своими сложными разговорами. Я тоже торопился, вот только отнюдь не домой. Я набрал номер Кейт, но она не ответила. Посмотрев на часы, убедившись, что для визита ещё не поздно, я вызвал такси и направился к её дому. Хотел устроить ей сюрприз. По пути я попросил таксиста притормозить у цветочного магазина. Купив букет, я вышел из магазина и бросил взгляд на кафе, стоящее рядом. Странно, мне показалось, что...

Нет, мне не показалось. В кафе была Кейт. И была не одна. С ней рядом был Том. И он держал её за руку.

Глава 19. Кейт

Три года назад

Одно из самых страшных и разрушительных чувств в этом мире – это чувство невосполнимой потери. Пока в твоей жизни не происходит ничего подобного, глобальной проблемой может стать порвавшаяся юбка, испорченный маникюр, опоздание на работу и прочие мелочи, которые не имеют никакого значения в тот момент, когда тебе сообщают о гибели близкого тебе человека.

После того, как я увидела в списке погибших имя своей сестры, я погрузилась в беспамятство, потеряв счёт времени. Кто-то привёл меня в чувство, и я помню, как кто-то кричал, может быть, это был мой крик? Помню, как мне приносили воду, как приехали родители. Помню, как на автопилоте села в самолёт, чтобы полететь на опознание. Помню, как рядом со мной в самолёте сидел мужчина, который потерял на том злосчастном рейсе всю свою семью. На протяжении всего полёта он держал в руках фотографию, на которой были запечатлены женщина и трое детей.

А после того как самолёт совершил посадку, и мы прошли все необходимые процедуры, мне предстояло посмотреть в глаза смерти. Я до последней секунды надеялась, что всё это – ошибка, что моя сестра жива. Что кто-то перепутал фами-

лии. Но телефон молчал, она не звонила. Потому что мёртвые не могут звонить. И не могут вернуться.

Родители достаточно стойко перенесли тот ужас, в который нас загнало это происшествие. Подтвердив тот факт, что в списке погибших была именно моя сестра, сдав необходимые тесты, мы вернулись домой. Я не общалась ни с кем – ни с родителями, ни с друзьями. Я запиралась в комнате сестры, смотрела фотографии, слушала музыку, которую слушала она. Смотрела её любимые фильмы. Я пыталась жить её жизнью.

За день до похорон родители куда-то уехали, и, оставшись одна, я вновь погрузилась в мысли, от которых становилось хуже, но справиться с горем я не могла.

В дверь позвонили. Раз. Два. Кто-то был очень настойчив. Я спустилась вниз и открыла незваному гостю дверь.

– Ты? – мне казалось, что это первое слово, которое я сказала за последние дни.

Передо мной стоял Том. Выглядел он, мягко говоря, не очень. На меня внезапно накатила такая волна гнева, ненависти и разочарования, которая со всей силой обрушилась на Тома.

– Ты...как ты посмел сюда явиться? – задохнулась я от возмущения. – Из-за тебя погибла моя сестра!! Ты пришёл, чтобы сказать, как тебе жаль? Зачем ты здесь? Уходи, тебе нечего здесь делать! – я попыталась закрыть дверь, но Том предусмотрительно подставил ногу.

– Успокойся, – попросил Том, – успокойся, пожалуйста.

– Успокоиться? Ты говоришь это мне? – сорвалась я на крик. – Может быть, ты предложишь мне ещё повеселиться? Сходить на дискотеку? Развеешься? – я стучала кулаками по его груди, надеясь, что он исчезнет и заберёт с собой ту боль, которая не собиралась отступать.

Он обнял меня и крепко прижал к себе, сжав меня так, чтобы я не могла ни двигаться, ни вырваться, ни драться.

Я плакала, кричала, снова плакала, ругала его, снова кричала. По всей видимости, из меня постепенно выходил весь накопленный гнев и вся обида. Все те чувства, которые копились во мне эти дни, вырвались наружу – как цунами, накрывающее город, как извержение вулкана... Как огромный торнадо, сметающий всё на своём пути. Но любой ураган, уничтожив всё вокруг себя, постепенно начинает слабеть. Оставляя после себя разруху, страх, покалеченные жизни – он уходит и, возможно, никогда не вернётся. Наступает штиль. Но разрушения, которые оставляет он после себя, отзываются в памяти людей ещё очень долго.

Почувствовав, что я немного успокоилась, Том аккуратно отстранился. Он смотрел мне в глаза, и его взгляд был тяжёлым, наполненным болью и страхом.

– Мы можем поговорить? – спросил он.

Я вымученно кивнула и молча прошла на кухню, чтобы сварить нам кофе. Жестом я пригласила Тома присесть.

– Кейт, послушай меня, пожалуйста. Я не виноват в том,

что случилось. Я переживаю не меньше, чем переживаешь ты, и мне невероятно больно от того, что ты думаешь иначе.

– Ты должен был лететь с ней, – коротко бросила я.

– И что бы это изменило? – спокойно спросил он. – Я погиб бы с ней. От этого стало бы кому-то легче?

– Ты бы спас её, спас самолёт... ты же пилот! Капитан! И ты...

– ... и я не имел никакого отношения к той авиакомпании, на которой мы... точнее Агнесс летела в наше путешествие.

– Где ты был все эти дни? Почему ты пришёл только сейчас? – резко сменила я тему.

– А ты бы пустила меня раньше? – грустно усмехнулся он. – Я каждый день звонил твоим родителям, я помог с организацией похорон, я помог им избавиться от чувства вины. Я не ходил по барам и ресторанам. Я не развлекался и не гулял. Ты не замечала меня, потому что не хотела замечать. Ты была погружена в свои мысли, но я был рядом. Незримо для тебя, да, но был.

– Я потеряла сестру, Том, – я почувствовала, как вновь накатывают слезы, – её больше нет.

– Я потерял любимую женщину и сына, которого ещё даже не успел увидеть, – тихо ответил он.

Я отвернулась, чтобы не заплакать снова. Мне по-прежнему казалось, что всё это лишь дурной сон. Том был потерян, я это видела, но я продолжала злиться на него. Наверное, так проще – винить кого-то в трагедии, чтобы было куда выплес-

нать эмоции. Эгоистично – да. Но проще. Умом я понимала, что Тому сейчас не легче, для пилота авиакатастрофа – это не просто происшествие, это осознание того, насколько его работа граничит со смертью. Одна ошибка – и несколько сотен загубленных жизней.

– Кейт, – позвал меня Том, – мне очень жаль. Я любил твою сестру, я строил планы на будущее, я хотел, чтобы мы... чтобы я...

– Так любил, что не сделал ей предложение? – язвительно перебила его я.

Он удивленно на меня посмотрел.

– Я делал ей предложение, дважды. Оба раза я получил отказ. Первый раз она была не готова, второй – беременна. По её словам, быть беременной на свадьбе – это не то, о чём она мечтала.

Том достал из кармана брюк маленькую коробочку.

– Вот кольцо, которое я ношу с собой постоянно уже больше года. Я надеялся, что третья попытка будет удачной. Что третий раз она не откажет... вот только...

– Вот только третьего раза не будет, – закончила я фразу за него.

Мы ещё долго говорили о прошлом и несуществующем будущем для моей сестры. За это время успели вернуться мои родители, которые обсуждали похороны. Отец позвал Тома, и они долго о чём-то говорили. Мама накрыла на стол, пригласив нас поужинать, но есть совсем не хотелось. Я не

могла вырвать из своего сознания те кадры, которые ещё недавно открылись моему взгляду – сначала список с фамилией и именем сестры, потом её мёртвый и безжизненный взгляд. Впереди были похороны, к которым я была не готова.

– Как ты? – спросил меня Том после того, как последний аккорд похоронной музыки прозвучал на кладбище, и люди постепенно стали расходиться.

Я пожалала плечами. Как я? А как я могу быть? Накаченная успокоительными лекарствами, я стойко перенесла похороны самого близкого мне человека. Мне казалось, что я так и не осознала, что произошло. Как вообще можно осознать, что твоей любимой сестры, с которой ты делилась тайнами, обсуждала парней, друзей, подруг... что этого человека больше нет? Нет – не в том плане, что вы поссорились, разъехались в разные страны. Нет – в том плане, что больше не будет. Никогда.

– Я в порядке, – неуверенно ответила я и поёжилась. – Самое страшное уже позади.

Страшное позади. А что впереди? Мне казалось, что больше ничего. Темнота и безысходность.

– Кейт, мне нужно с тобой поговорить, – снова обратился ко мне Том.

Я кивнула.

– Отойдём?

Я снова кивнула.

Наверное, отходить в сторону, когда ты на кладбище – не лучшая идея, но мне было уже всё равно.

– Кейт, я хочу сказать, что твоя сестра была для меня всегда самым близким человеком. Я строил будущее, в котором непременно была она. Я мечтал о детях. Узнав, что она ждёт ребенка, что это сын...я был счастлив. Я жил этими мыслями. Я хотел жениться, хотел семью, а сейчас я не знаю, как мне жить дальше, понимаешь? Завтра у меня рейс. И не один. Послезавтра тоже. Я буду каждый день подниматься по трапу самолёта, заходить в кабину пилотов, поднимать самолёт в воздух. Потом сажать его в разных аэропортах мира. Спускаться по трапу. Снова подниматься. Это моя работа. Я живу ей, я люблю самолёты, люблю небо. Возможно, тебе покажется, что я люблю и любил их больше, чем твою сестру...Но это не так. К сожалению, твоей сестры, – он сделал недолгую паузу, – её больше нет. А небо есть. И только там я смогу жить дальше. Ради неё. Ради сына, который сейчас где-то там. Я смогу быть ближе к ним, каждый раз поднимаясь в небо. И я прошу тебя – живи. Просто живи. Постарайся жить дальше. Любить, дружить, улыбаться, общаться и заводить новых друзей. Пусть не сразу, не сегодня и не завтра – возможно, через год или больше. Я не знаю. Но помни, что ты жива. И пожалуйста, продолжай жить.

Я молчала, не зная, что ему ответить. Злость на него не

прошла. Я по-прежнему винила его в том, что произошло, хоть и осознавая, что я не права. Но самое трудное в общении с ним – это просто видеть его. Видеть того, кого на протяжении многих лет я видела рядом с сестрой. И сейчас её тень будет рядом с ним. Всегда. Я не смогу смотреть на него и не вспоминать сестру. Он забудет. Я уверена. Не потому, что он плохой, не потому, что он мужчина. А потому, что он будет работать, встречать людей, общаться с теми, кто будет дарить ему новые эмоции, вытесняющие негатив. А я... нет. Я не смогу. Всё, что здесь есть – всё напоминает о сестре.

– Том, я буду жить. Но не здесь. Я попросила руководство снять мне квартиру в Австрии. Я переезжаю туда. Вернусь я или нет – не знаю. Но сейчас я не могу и не хочу быть здесь. Я желаю тебе удачи. Будь счастлив.

Я обняла его на прощание. Мне казалось, что я обнимаю Агнесс вместо него, что мы просто расстаёмся перед очередной командировкой или отпуском. Что мы скоро встретимся, и всё будет как раньше.

Я смахнула слезы с глаз и, не оборачиваясь, ушла, оставив позади себя то, что я надеялась больше никогда не вспоминать.

Глава 20. Марк

Как командиру воздушного судна мне свойственна невероятная стрессоустойчивость и холодный разум в критических ситуациях, но для человека, который видит, как чужой мужчина касается его женщины – вышеперечисленное уходит на второй план. Я снова набрал номер Кейт и увидел, как она, не смотря на экран телефона, сбрасывает вызов. Это разозлило меня ещё больше. Стараясь сохранять внешнее спокойствие и собрать остатки разума и терпения, я зашёл внутрь и быстрым шагом направился к столику, за которым сидели те, кого сейчас мне видеть очень не хотелось.

– Я надеюсь, я вам не помешал? – спросил я из-за спины Кейт. На удивление мой голос оставался спокойным.

Услышав знакомый голос, она вздрогнула и резко выдернула свои руки из рук Тома, обернувшись. В её глазах читались испуг и неожиданность.

– Марк, это не то, что ты подумал, мы...

– Тебе лучше не знать, что я подумал, – холодно ответил ей я, не глядя на неё, – это тебе, – я протянул ей букет и сел рядом.

Тишина давила с ужасающей силой, но никто не мог проронить ни слова. За эти несколько секунд молчания я успел успокоиться, чтобы не натворить глупостей, которые потом

пришлось бы долго и мучительно исправлять.

– Ну? – я вопросительно посмотрел на Тома.

– Что ну? – отозвался он, ничуть не смутившись.

Если бы он не был моим руководителем, если бы я не так отчаянно любил свою работу, я бы не сдержался, и был бы уволен уже в эту минуту.

– Судя по тому, что вы молчите, я прервал весьма интересную беседу, которую в моем присутствии вы продолжать не хотите. Пожалуй, мне стоит уйти, – сказал я, медленно вставая.

– Марк, подожди, – остановила меня Кейт, – мы с Томом просто...

– Я надеюсь, что в последний раз услышал от тебя словосочетание «мы с Томом», – заметил я, – что, чёрт возьми, здесь происходит? – я устало сел обратно. Не на такой вечер я рассчитывал.

– Моя жена беременна, – сказал Том, – и я позвал Кейт, чтобы...

– Чтобы объяснить ей, что ваши с ней отношения были ошибкой?

Том беззлобно ухмыльнулся, а вот мне было не до смеха. Эти двое явно были в лучших отношениях, чем представляла мне Кейт.

– Да, Марк, ты отлично управляешь самолётом, но управлять своими чувствами ты не научился, – Том встал, – я позвоню тебе, Кейт, – просто сказал он, поцеловал её в щёку,

вызвав у меня в очередной раз сильное желание познакомиться мой кулак с его скулой, и обернулся ко мне, – жду завтра на собрании.

Он издевается?

Подошёл официант, и я попросил бокал вина.

– Ты же не пьёшь, – Кейт нарушила молчание, – или...

– Без «или», – устало сказал я, – у меня был тяжёлый день, и сегодня точно никаких рейсов. Ты не хочешь объяснить мне, что у тебя с этим человеком?

– Этот человек, – с нажимом на слово «человек» начала Кейт, – твой руководитель и мой давний друг, долгое время состоявший в отношениях с моей сестрой.

– Я помню эту историю, – поморщился я, – и что, он решил, что раз одной сестры нет в живых, то подойдёт и вторая?

Слова вырвались раньше, чем я подумал о том, как они звучат. Кейт побледнела.

– Извини, – сказал я, – я не хотел.

Хотя нет, хотел.

– У меня никогда ничего не было и не может быть с Томом, – после недолгой паузы начала говорить Кейт, – мы познакомились с ним, когда улетали с сестрой на отдых с родителями. Как потом оказалось, он проходил стажировку или что-то такое в аэропорту – не знаю, как у вас это называется. Моя сестра не сразу обратила на него внимание, а вот он – заметил её с первой секунды и, видимо, поставил цель – влю-

бить её в себя. Уж не знаю как, но он нашёл мой номер телефона и зашёл с другой стороны – он стал мне другом. Именно таким другом, о котором мечтают многие девушки. Постепенно, общаясь со мной, он каким-то чудесным образом умудрялся завоёвывать расположение Агнесс – моей сестры. На моём месте любая другая девушка уже влюбилась бы в своего, так сказать, друга, но только не я. Я видела его глаза, когда он смотрел на мою сестру, видела, что намечается роман. Хотя, что я понимала в романах? Мне было чуть больше шестнадцати лет, и про романы я знала только из книг или фильмов. Том был весьма терпелив и медленными шагами добивался её внимания. В конечном итоге, моя сестра сдалась под его напором, и они стали встречаться. Он тогда был пилотом, постоянно находился в разлётах, а она сначала ждала его, потом летала с ним в качестве пассажира. Иногда брала и меня с собой.

Кейт замолчала, сделала глоток воды и посмотрела на меня.

– Марк, я рассказываю тебе эту историю, потому что не хочу, чтобы ты считал меня неуравновешенной, заиклившей на прошлом. Потому что ты должен знать, с кем ты ... – она запнулась, – точнее, как ты и я...или...

– Продолжай, – мягко сказал я, – я слушаю.

И она рассказала мне всю историю от начала и до конца. Рассказала о том, как узнала, что у неё скоро родится племянник, о том, как Агнесс переживала, отправляя Тома в

очередной рейс, потому что часто летать, будучи беременной, она боялась. О том, как она улыбалась, заходя в самолёт, который так и не вернул её на землю живой. Кейт рассказала и о том, как была на опознании. Она говорила много, сумбурно, порой прерываясь и переводя дух.

– Том попросил меня встретиться с ним сегодня, потому что у него будет ребёнок. Он потерял однажды ребенка, с которым не успел познакомиться. Он потерял не только мою сестру, но и сына. Он потерял в тот день и меня, свою подругу, но продолжил жить дальше, а когда я вернулась сюда и случайно с ним столкнулась, он переживал, что я снова буду винить его, ругаться, вспоминая прошлое. Но, знаешь, Марк, я рада за него. Рада, что он смог двигаться дальше. Рада, что его жизнь не закончилась в тот день, когда закончилась жизнь его любимой. И моя.

– Твоя жизнь не закончилась со смертью сестры, – я поднял на неё тяжёлый взгляд, увидев в её глазах всю ту боль, которую она копила несколько лет, – и прекрати считать иначе. Почему ты в свои двадцать семь лет хоронишь себя живо? Да, у тебя умерла сестра, но люди умирают каждый день! К сожалению, порой умирают близкие люди. А ты вопреки всему продолжаешь жить. И не надо говорить мне, что я тебя не понимаю. Я похоронил родителей и отлично знаю значение слова «потеря». И каждый день, поднимая многотонный самолёт в небо, я молюсь Богу, чтобы благополучно приземлиться, чтобы не потерять всех этих людей и себя. А ты за-

циклилась на своём горе. Такое ощущение, что тебе нравится жить в этом негативном облаке эмоций, и выбираться из него ты не планируешь.

– Нравится? – переспросила она. – Нравится? Ты серьёзно? Ты считаешь, что это может нравиться? Ты понимаешь, что ты говори...?

Мне надоело слушать одно и то же, я рывком отодвинул стул, подойдя к ней вплотную, взяв за подбородок, и со злостью поцеловал её. Она пыталась отстраниться, оттолкнуть меня, но что стоят усилия хрупкой девушки против того, кто может поднимать в воздух большой самолёт?

Не сразу, но она всё же сдалась под моим напором, я почувствовал её руки у себя на пояснице, я почувствовал солёный вкус – она плакала, и это было однозначно лучше, чем полное отсутствие эмоций. Я забыл, что мы находимся в публичном месте, что на нас смотрят люди. Какое дело мне до чужих людей? Пусть смотрят. Если единственный способ заставить Кейт не думать о прошлом – это затыкать её рот поцелуями, то я готов делать это постоянно.

– Может быть, мы найдём менее публичное место? – спросила она, глядя на меня мутными глазами, облизывая губы. – Я не готова продолжать этот разговор здесь и сейчас.

– Здесь и сейчас? – хрипло спросил я. – Или только здесь?

– Не задавай лишних вопросов и закажи нам такси.

Повторного приглашения не потребовалось.

То ли такси ехало слишком медленно, то ли желания затмевали разум, но мне казалось, что если пройдёт ещё пару минут, то в машине произойдёт взрыв – эмоциональный, психологический и физический. Накопленная усталость, постоянные недосказанности и недомолвки, возвраты к прошлой жизни – всё это как будто закончилось в том самом кафе. Как будто ты долго читал какую-то книгу, возвращаясь постоянно назад, не понимая, о чём же шла речь. И пока ты не понял, что же было там, на предыдущих страницах, ты не мог двинуться дальше. Не мог перевернуть страницу. А сейчас я почувствовал, что эту страницу я всё же перевернул. И очень надеялся, что и Кейт перевернула свою страницу, на которой она провела слишком много времени.

Открывая дверь и слушая лай собаки за ней, я старался не думать ни о чём, потому что непрошенные мысли мешали, отвлекали, вообще были не нужны сейчас. Я щёлкнул выключателем, включая свет, который сейчас тоже был не нужен.

Кейт робко стояла на пороге, как будто боясь пройти дальше, как будто боясь того, что может произойти.

– Проходи, – я откашлялся, – я сейчас вернусь.

Честно говоря, я не знал, зачем я её оставил одну, зачем заставлял ждать, но та яркая вспышка эмоций и чувств, накрывшая нас в кафе, ослабла, и меня снова начал грызть червячок сомнения – а стоит ли? Для однодневных отноше-

ний Кейт не подходила. А для постоянных...она меня пугала. Призрак её сестры стоял рядом с ней всегда – когда она работала, устраивала личную жизнь, общалась. Я не знал её сестру, но она незримо присутствовала во всех наших диалогах. Страшно летать – виновата сестра. Пошла на авиатренажёр – из-за сестры. Встреча с Томом – он бывший сестры. Едет в Берлин – тоже виновата сестра. Потому что едет, а не летит. Всё было так сложно, что одновременно и пугало, и раздражало.

Я зашёл в ванную, умылся холодной водой и посмотрел на часы. Через девять часов у меня собрание. Больше всего на свете я хотел лечь спать и ни о чём не думать, но меня ждала та, из-за которой сердце по-прежнему билось чаще, чем должно. Да и сколько бы я не пытался убедить себя в том, стоит или не стоит начинать отношения с Кейт, тело реагировало на неё, не оставляя никаких сомнений. Я выключил воду и направился обратно.

Кейт стояла там, где я её оставил. Стояла и молча разглядывала стены. Стены, на которых были фотографии самолётов. Всех тех самолётов, на которых я учился и когда-либо летал.

– Кейт, – позвал я её и увидел, как она вздрогнула.

– Мне...мне, наверное, лучше уйти, – заикаясь, заговорила она, – это неправильно, это...

Мне захотелось рассмеяться, но не над ней, а над тем, о чём я только что думал. Она мне нравилась, правда, нрави-

лась. Она была красивой, привлекательной. И, если и был шанс заставить её жить, то этот шанс принадлежал мне. *Здесь и сейчас*. И я был уверен, что всё, что происходит сейчас – это как раз правильно.

Я подошёл ближе и рывком притянул её к себе, заставив охнуть. Я нагнулся к её губам и, не дав ей заговорить, прижался к ним с таким отчаянием, с каким обычно отклоняешь на себя РУДы, когда тебе срочно нужно остановить самолёт.

Я чувствовал, как сильно она была напряжена, чувствовал, как она дрожала, как хотела оттолкнуть меня, что-то сказать, но я не позволил. Внутри меня словно взорвался шарик, шарик терпения. Сейчас я не хотел слушать ни про её сестру, ни про смерть, ни тем более про Тома. Я вообще не хотел слушать ничего.

– Марк... – в голосе Кейт слышалось странное волнение, – есть небольшая проблема.

Глава 21. Кейт

– Есть небольшая проблема, – сказала я Марку.

– Насколько небольшая? – я нехотя оторвался от её губ и расцепил руки. – Я надеюсь, мы с ней справимся.

– Насчёт себя не уверена, – она расслаблено засмеялась.

– А у тебя, полагаю, есть корм для твоей голодной собаки? Иначе, боюсь, что она съест меня.

Марк посмотрел в сторону собаки таким взглядом, как будто он вообще забыл о её существовании. Хотя, чему я удивлялась? Ему, как и мне, было явно не до домашних животных. Но любой посторонний шум отвлекал меня и не давал сосредоточиться на ощущениях.

Пока Марк суетился на кухне, я смотрела на него каким-то новым взглядом. Если бы не собака, то мы бы... Чёрт. Момент, который в кафе казался самым подходящим, как-то перестал казаться таковым сейчас. Порой надо делать что-то бездумно, потому что, как только начинаешь задумываться – начинаешь сомневаться. Начинаешь сомневаться – появляются вопросы. А на некоторые из них ответа нет.

– Всё, небольшая проблема решена, и мы...на чём мы остановились?

На чём мы остановились... на очередных непонятных разговорах и лишних взглядах.

– Кажется, мы остановились на этом, – я сама удивилась, насколько я решительно подошла к нему вплотную и коснулась его губ своими. Ответом мне был судорожный вздох и его руки на моей талии. Я отстранилась, но лишь затем, чтобы дотянуться до пуговиц его рубашки. Пальцы не слушались, а пуговицы не поддавались. И пока мне в голову не пришли очередные ненужные мысли о том, что это знак, что пора остановиться, я дёрнула его рубашку за полы в разные стороны. Его ухмылка, стук пуговиц по полу, тяжёлое дыхание рядом, тянущее чувство внизу живота. Наконец-то. Не было никаких лишних слов. Сознание и логика отключились, уступая место чему-то другому. То был тот самый момент, когда остаются только лишь прикосновения, ощущения, чувства. Я чувствовала горячие руки Марка руки на моей обнажённой спине. Футболка оказалась где-то там же, где и пуговицы его рубашки.

Его горячая кожа под моими руками, звук пряжки ремня. Мои губы на его губах. Или его на моих. И целая ночь впереди. Ночь, которая принадлежала только нам двоим. Ночь, в которой не было места сомнениям и переживаниям.

Утро встретило меня ароматным кофе и завтраком в постель. Марк был уже одет, а я инстинктивно натянуло одеяло повыше, убеждаясь, что всё, что нужно – прикрыто.

– Доброе утро, – он нагнулся и оставил поцелуй у меня на щеке, – у меня собрание через час, когда вернусь – не знаю. Если у тебя никаких планов нет, то можешь подождать меня здесь.

– Планы были, – ответила я слегка сонным голосом, улыбаясь, – но ты уже оделся.

Марк бросил быстрый взгляд на часы и быстро расстегнул пуговицы на рубашке.

Кофе подождёт, как и завтрак. Как и собрание, как и всё остальное. Всё, кроме его рук, губ, горячего тела и дыхания возле моей шеи.

Мне показалось, что Марк уехал целую вечность назад, хотя прошло от силы часа три. Находиться в чужом доме без его хозяина было очень странно. Мы не были в статусе пары. Официально не были. Хотя, что считать за официальный статус? Первое свидание? Первый поцелуй? Секс? По этим параметрам мы прошли. А что ещё нужно? Официальное признание... глупо, в нашем-то возрасте. Кстати, я даже не знала, сколько Марку лет. От сумбурных мыслей меня отвлекли лай собаки и стук входной двери. Марк уже вернулся?

– Кейт? – окликнул меня женский голос, и я спустилась вниз.

На пороге стояла его сестра.

– Я звонила Марку, но он сбросил вызов и написал, что ты у него дома. Я тебе не помешаю?

Я помотала головой и спохватилась.

– Конечно, нет, это же дом твоего брата. Это я тебе, наверное, помешаю.

– Вряд ли, если только ты не будешь играть на барабанах и громко петь – я жутко хочу спать. Как я вижу, вы уже живёте вместе? – Лея была как всегда прямолинейна.

Я растерялась от такого неожиданного вопроса. Вроде нет. Или да? Опять же, официального приглашения не было, да и вообще это просто наша первая совместная ночь. Возможно, для него это ничего не значит. Хотя зачем я себе вру? Значит, и немало. Кажется, что у него, в отличие от меня, сомнений не было.

– Нет, – я смутилась, – мы просто засиделись вчера допоздна, и я не стала возвращаться домой, – мне показалось, что у меня щёки горят.

– Можешь не объяснять, – улыбнулась сестра, – я знаю, каким может быть мой брат.

– Каким? – я вопросительно посмотрела на неё. – Соблазнительным?

– Убедительным. – Она хмыкнула. – Послушай, Кейт, – Лея с трудом сдержала зевок, – если ты ждёшь, что я расскажу тебе о Марке что-то, чего ты не хочешь или боишься услышать, то нет, не расскажу. У него нет страшных тайн,

бывших жён и внебрачных детей. По крайней мере, я об этом не знаю. А, если уж не знаю я... Я хочу сказать, что Марк красив, умен, настойчив, добивается цели, которая перед ним стоит, он получает то, что он хочет. И делает это настолько красиво и естественно, что меня это порой пугает. В отличие от меня и моей работы, он не лезет в корзину за грязным бельем и уж тем более в нём не копается. Если он любит, значит любит. Если нет – значит, нет. Без всяких но. Он вспыльчив, иногда может сгоряча ляпнуть что-то, не подумав. Потом сразу же извиниться. Он не обманет, будет всегда говорить прямо, даже, если правда нелицеприятная. Но как у любого человека, у него тоже есть недостатки.

– И какие же? – я нервно сглотнула. – То, что ты описала, звучит как идеал.

– Твой?

– Да почему сразу мой? – пожала я плечами. – Вообще. Мужской идеал. Но так не бывает, даже в сказках.

– Ты права, – кивнула она, – имей в виду, что Марк помешан на небе. Он никогда не бросит летать. Он всегда, запомни – всегда, будет выбирать работу. Его чувство гиперответственности и маниакальное желание управлять самолётом не дают ему возможности сделать выбор не в пользу работы. И, если ваши отношения будут развиваться и дальше, то выбор придется сделать тебе – либо летать с ним, либо жить без него. Потому что он свой выбор сделал уже давно.

– Всё может измениться, – тихо сказала я, в глубине души

понимая, что она во многом права. Я уже однажды видела, как выглядит жизнь пилота и человека, не связанного с авиацией – видела, как жила сестра с Томом – большая часть их совместной жизни проходила в небе. Только тогда всё было по-другому. Сейчас же я понимала, что на стадии зарождения отношений расставания и расстояния укрепляют их, но через год или два... постоянные перелёты будут лишь отдалять нас друг от друга, пока не разлучат совсем.

– Измениться может всё, – подтвердила Лея, – кроме Марка.

И кроме меня, – подумала я.

Смогу ли я ради любви сесть в самолёт? На этот вопрос у меня был ответ, и он был отрицательным. Страх был сильнее остальных чувств. Лея, как и её брат, говорила прямо то, что думает, не возводя розовых замков из слов, не давая ложной надежды, и это мне в ней нравилось. Но не ей решать, что будет дальше. Моя сестра строила планы и собиралась родить ребенка. Судьба распорядилась иначе. Так имеет ли смысл углубляться в переживания о том, что может быть лишь в перспективе, а может и не быть вовсе?

Дни, проведённые с Марком, были наполнены счастьем, нежностью и любовью. Не было ничего, чтобы могло сейчас сбить меня с нужного курса. Летаю я или нет – это неважно. По крайней мере, сейчас неважно. Что будет дальше – не знает никто – ни Марк, ни я, ни Лея. Да и какая разница, что будет дальше? Марк научил меня наслаждаться моментом, и

я им наслаждалась.

Лея ушла спать, а я осталась наедине со своими мыслями. И эти мысли впервые за долгое время были далеки от негативных.

Хлопнула дверь, и я услышала, как с кем-то ругаясь по телефону, вошёл Марк. Увидев меня, его взгляд потеплел, и он, не прерывая разговор, поцеловал меня в макушку, слегка приобняв за талию.

– Он загубит эту авиакомпанию и людей, которые в ней работают...это не график... неадекватные требования... кризис... – эти и другие обрывки фраз доносились до меня, пока Марк ходил по дому туда-обратно.

– Прости, Кейт, – Марк вошёл в комнату, выключая телефон, – но твой...близкий друг, кажется, не в себе.

– Какой близкий друг? – я не сразу поняла, о ком он говорит.

– Том. А у тебя здесь много близких друзей?

В целом, немало, но сейчас не это главное.

– У вас что-то случилось?

– С момента, как в компанию пришёл Том, у нас постоянно что-то случается. Он притягивает беды.

Я даже побледнела от этой фразы.

Марк тем временем продолжил говорить, а потом, внезап-

но посмотрев на меня, резко прервал свой монолог.

– А что с тобой? – он изучающе оценивал меня, а я судорожно пыталась понять, что же со мной не так? – Я так понимаю, что пока меня не было, Лея добралась до тебя со своими нравами?

Я кивнула, сразу догадавшись, что обманывать его смысла нет.

– Так, и что она сказала на этот раз? Что я женат на авиакомпании, и в моём сердце больше ни для кого и ни для чего нет места?

Снова кивок. Как пронизательно.

Марк взъерошил волосы и задумался.

Как мне хотелось сейчас услышать от него, что его сестра ошибается. Что если в его жизни встанет выбор между работой и личной жизнью, он отдаст предпочтение второй. Что в его сердце есть место не только карьере, но и чему-то ещё. Кому-то ещё. И пусть прошло ещё мало времени, и рано думать о глобальном будущем, но хотелось, чтобы была надежда. Я смотрела в его глаза и наконец-то поняла, что я в них вижу. Небо. Его глаза были цвета неба.

Молчание затянулось, и я захотела его нарушить, сказав, что не жду ответа и ничего не требую от него взамен, что сейчас я впервые хочу жить одним моментом, не концентрируясь ни на прошлом, ни на будущем. Вот только слова застряли в горле, потому что первым заговорил Марк. И он сказал то, чего я боялась услышать.

Глава 22. Марк

Несколькими часами ранее

– Том, – обратился я к своему руководителю, – ты понимаешь, что тот график, который мы так долго согласовывали несколько дней назад, в разы адекватнее того, что ты предлагаешь нам сейчас?

– Марк, я всё понимаю, но в авиакомпании кризис, штат сокращают, и летать придётся чаще и больше.

– Я тоже это понимаю, – в сотый раз повторял ему я, – я готов летать хоть каждый день по десять раз, но есть порядок, который нужно соблюдать. Есть режим сна и отдыха. Да, бывают чрезвычайные ситуации, но ни один экипаж не может летать без отдыха двое суток подряд. Ты же был командиром воздушного судна, ты же помнишь, какая нагрузка в небе!

– Я помню, какая нагрузка в небе, – грубо осадил меня Том, – но не думай, что здесь на земле мы ничего не делаем. Я разрываюсь между международными требованиями и реальностью, в которой сейчас находимся мы. И мне нужно найти баланс, который устроит всех.

– Да так не бывает! – я от злости стукнул кулаком по столу. – В итоге ты потеряешь не только работников, но и авиакомпанию. Если членам ИАТА приспичило разорить нашу авиа-

компанию, то они это сделают, как ты ни крути. Подожди, я договорю, – я остановил его жестом, – а вот ты можешь донести до них тот факт, что они стали забывать о безопасности, выводя на первый план свои финансы и заработок. Том, ну посмотри внимательно в расписание! – взмолился я в отчаянии. – Ты ставишь меня завтра на рейс в Монако. Через час – возвратный рейс в Мюнхен, а через сорок пять минут рейс в Сингапур. До Сингапура двенадцать часов лета. И это всё без учета задержек в аэропорту и других возможных проблем! Из Сингапура по расписанию я возвращаюсь в Мюнхен, и там у меня перерыв...восемь часов? – я вопросительно на него посмотрел. – Спасибо, что не два!

Том вздохнул и придвинул расписание к себе, хмуря брови.

– Хорошо. Мы можем поставить Алекса на рейс в Сингапур, а ты тогда полетишь в Москву.

– У Алекса рейс в Шанхай, предлагаешь заскочить ему между делом в Сингапур? А пассажиров куда? В багажный отсек? Новая услуга от авиакомпании? Вы летите без багажа, вы сами будете багажом?

Я услышал смешки вокруг.

– Том, если ты не можешь согласовать расписание с вышестоящими лицами, пригласи их к нам, мы составим график вместо тебя, но то, что сейчас ты тут нарисовал – выглядит как попытка самоубийства. Или массового убийства граждан. Если только это не тайный план по сокращению на-

селения... Да, кстати, об этом, завтра я в принципе не могу никуда лететь, у меня экзамен в лётной школе.

– Точно, – Том хлопнул себя по лбу, – я забыл.

Да я и сам забыл, признаться честно. Но курс изучения боинга подошёл к концу, и пора было подтвердить это официально и документально.

– А как теперь будут летать вторые пилоты? Мы закреплены за определённым командиром или нас будут менять? – раздался знакомый мне голос слева.

Тот самый паникёр – напарник Алекса.

– Вы будете летать так, как летали всегда, с определённым командиром. Однако в виду того, что численность авиакомпаний приказано сокращать, то кадровых изменений не избежать. Марк, по твоей же просьбе с тобой будет летать Леманн. Генри остаётся в экипаже с Алексом. Арнольд – с тобой будет летать Карл, старшие бортпроводники, которые...

Я отключился от распределения. Всё, что было нужно мне – я услышал. Пока Том тасовал коллектив, я попытался сам отредактировать расписание. Господи, я даже не думал, что это так сложно! Рейсы пересекались, самолеты ставили разные, то боинг, то аэробус, то летит туда, то не летит туда. Кошмар! Я в ужасе отодвинул расписание подальше, решив, что это точно не моя забота. В конце концов, я устал от этих передрыг в компании. Вместо того, чтобы выполнять свою работу, буквально через день приходится думать о том, как выполнить чужую.

– Расписание я сегодня буду корректировать, завтрашние рейсы все остаются неизменными, после того как будет понимание об оставшихся рейсах – я с вами свяжусь, – услышал я голос Тома.

И зачем вообще было нас собирать? Сказать, что всё плохо, снова предложить расписание для самоубийц и снова отправиться его корректировать. Складывалось ощущение, что у вышестоящих лиц есть хобби – постоянно менять расписание полётов.

– Марк, – обратился ко мне Том, – задержись ненадолго, пожалуйста.

– Ты всё-таки хочешь предложить мне показывать фокусы в воздухе, тем самым увеличив доход авиакомпании?

– Если поможет, то будем и фокусы показывать, – сказал он, – но сегодня я по другому делу.

Мы подождали, пока разойдутся коллеги, и лишь, когда Том закрыл дверь за последним ушедшим, я с любопытством уставился на него, ожидая, какое же дело у него ко мне.

– Что у тебя с Кейт? – обернулся он ко мне с вопросом.

Я поднял брови. Вот это поворот.

– А что у тебя с ней, раз тебя волнует этот вопрос? – спокойно ответил я.

– У меня ничего, – задумчиво сказал он, – но...

– Но тебе зачем-то нужно знать, что у меня с ней? Если у тебя с ней ничего, то, извини, но эта тема тебя не касается, – я хотел было встать, но он остановил меня.

– Подожди. Ты же знаешь, что у Кейт была сестра...

– Да, – коротко ответил я, – знаю. Но не понимаю, какое отношение к её сестре, *погибшей сестре*, имеют наши отношения?

– Значит, у вас есть отношения?

Я закатил глаза. Что за допрос? Какое ему дело до того, что у меня за отношения и с кем? Не с его женой – это главное. Остальное его не должно волновать. В правилах авиакомпании не прописано, с кем и когда я могу заводить отношения. Всё, что происходит за пределами полётов и предполётных подготовок, сугубо моя личная жизнь.

– Допустим, у нас отношения, – осторожно начал я, – какие у тебя с этим проблемы?

– Если тебе нравится эта девушка, то ты должен понимать, что после того, что случилось с её сестрой, она не сможет связывать свою жизнь с тобой. Она не будет повторять судьбу своей сестры.

– Конечно, не будет, – я кивнул, – я никогда не допущу, чтобы она беременная села одна в самолёт, чтобы полететь на отдых, на который мы собирались вместе.

Том, не говоря ничего, сверлил меня взглядом, явно разозлившись от моих слов. А что он хотел? Чтобы я сказал ему, что я с ним согласен и убежал в поисках другой женщины? Да кем он вообще себя возомнил?

– Ты же не знаешь всей ситуации, ты же не понимаешь, что...

– Мне не нужно знать всю ситуацию. Я знаю ровно то, что должен. И не понимаю, как вы все, включая тебя, допустили, что девушка, потерявшая сестру, уехала чёрт знает куда, одна! И прожив три года в своих переживаниях, зациклилась на том, что все те, кто летают на самолётах – обязательно погибают. И если ты хотя бы намекнёшь ей на то, что со мной опасно связываться, скажешь ей что-то про смерть, я выберу самый дальний рейс и устрою забастовку над океаном. А ты будешь сидеть и гадать, долетим я и мои пять сотен пассажиров до места назначения или нет.

– Ух ты, – присвистнул он, – ты так серьёзно к ней относишься?

– Это тоже не твоё дело, – грубо ответил я, – как и к кому я отношусь, с кем я сплю, а с кем не успеваю. Не путай меня со своим другом, мы лишь работаем в одной авиакомпании и волей случая знаем одного и того же человека. И если моя личная жизнь каким-то образом помешает моей работе, вот тогда можешь вызвать меня на разговор. А до тех пор, пока мои пассажиры живы и здоровы, а я в качестве командира воздушного судна сижу за штурвалом, а не в туалете предаюсь интимным утехам, разговор о моей личной жизни предлагаю закрыть. Том, мы взрослые люди, давай просто выполнять свою работу. Обещаю, на свадьбу я тебя приглашу, – я подмигнул ему и встал, пытаясь закончить разговор на позитивной ноте.

– А что на счёт ужина? Может быть, нам поужинать?

– То есть с Кейт мне встречаться опасно, а ужин наедине с тобой ты считаешь отличной идеей? – рассмеялся я. – Прости, но я предпочитаю женщин. А вот Марии надо бы задуматься.

– Ты меня не так понял.

– Слава Богу! А то я начал сомневаться, там ли я работаю. Что там с ужином?

– Может быть, вы с Кейт придёте к нам на ужин?

– Я поговорю с ней и дам тебе знать. Спасибо.

Я быстро вышел, потому что разговор мне нравился всё меньше и меньше. Если быть честным, разговор мне не нравился вообще. Сначала эти непонятки с расписанием и требованиями, потом этот внезапный разговор о Кейт. А потом резкое предложение ужина. Чего хотел Том, я до конца не понимал.

Зачем ему знать какие у нас с Кейт отношения? Кстати, об отношениях. Я впервые за эти дни задумался об этом. Каких-то официальных статусов мы друг другу не приписывали, но ещё с первой встречи было ясно, что между нами что-то есть. И нет, это была не химия, о которой все вокруг говорят. Это было что-то проще, но выглядело это надёжнее, чем внезапная вспышка чувств. Потому что то, что резко вспыхивало, также быстро и гасло. А тут всё как-то не так, как обычно. Я сам не знал как. Если бы я был обычным человеком, не влюблённым в небо, я бы уже строил глобальные планы...но я влюблён в небо, а она его боится. А вот влюб-

лён ли я в неё? Кажется, у меня только сейчас появился ответ на этот вопрос. Я сел в машину и поехал домой.

Глава 23. Кейт

Мне показалось, что я ослышалась. Потому что Марк не мог этого сказать. Точнее мог, но это было так странно, так...

– Кейт? – тихо позвал меня он. – Ты в порядке?

Нет, не совсем. Я размышляла над тем, как ему ответить. И нужно ли вообще отвечать? А если не отвечать, то тогда что делать? Подойти? Убежать?

– Успокойся, – раздался мягкий голос где-то над ухом, и я почувствовала его тёплые руки, – знаешь, чем прекрасно небо? Там жизнь проще. На высоте сорок тысяч футов ты совсем по-другому относишься к тому, что происходит внизу. Ты молишься, боишься, а когда боишься – говоришь то, что никогда бы не сказал без страха. Потом что-то забывается, а что-то остается в памяти. И не только в памяти. Что-то сказанное становится первым маленьким шажочком в счастливую будущую жизнь. Кейт, я не могу вписать тебя в свою небесную жизнь, ты к этому не готова, – Марк снова повторил эти слова. Слова, которые будто ножом разрезали меня напополам. Я была не готова к этим словам. К этой правде.

– Но я могу вписать тебя в свою земную жизнь, – тут же продолжил он, увидев мой испуг, – и в глубине души надеяться, что однажды ты вместе со мной поднимешься по трапу самолёта, и я, обращаясь к пассажирам, буду знать, что

обращаюсь ещё и к тебе. А ты будешь спокойна, потому что за штурвалом буду я.

Я почувствовала его ещё ближе и поняла, что он не ждёт ответа. Точнее ждёт, но слова для этого были не нужны. Я потянула его на себя, почувствовав, как он прижимает меня к стене, как его руки пробираются под мою футболку, подушечки пальцев касаются обнажённой спины. Как его губы находят мои.

– Предлагаю продолжить в более удобном месте, – прошептал он мне на ухо. Отвечать я была не в состоянии, просто молча кивнув, по пути в его спальню снимая с него рубашку.

Марк толкнул дверь своей спальни спиной, не отрывая от меня ни рук, ни губ. Внезапно я почувствовала, как он отстранился, и открыла глаза, чтобы возмутиться, но секундная пауза была нужна ему лишь для того, чтобы сравнить счёт – моя футболка очутилась на полу, горячее дыхание обожгло шею.

– Твоя сестра просила не шуметь, – простонала я в ответ на его ласки, но Марк меня не слышал, продолжая снимать с меня лишние предметы одежды, оставляя на каждом обнажённом участке тела поцелуи.

К чёрту его сестру, к чёрту всё что, она говорила. Всё, что важно было сейчас – это чувствовать рядом того, без кого теперь я не представляла свою жизнь. Того, кто смог вырвать меня из ужаса, в котором я жила более трёх лет. Того, кто

наконец-то заставил меня забыть о прошлом и наслаждаться настоящим. Того, чьи губы сейчас так бесцеремонно изучали моё тело, заставляя меня выгибаться и закусывать губу, чтобы сдерживать стоны.

В этот раз всё было не так, как в первый. Не так спонтанно, не так быстро, не так непонятно. Появилось ощущение, что в этом мире есть только я и он, и больше никого вокруг. Ни его сестры, ни самолётов, ни прошлого, никаких тайн, никого и ничего. Эти чувства накрывают обычно ненадолго, потому что реальность вытесняет их своей силой, подминает под себя, напоминает о том, что всё это – мимолётно. Но это те чувства, которые нужны, пусть даже и мимолётно. Это те чувства, без которых никогда не почувствуешь себя живой, нужной и любимой. Это жизнь. И, кажется, что я только сейчас поняла, как именно её нужно жить.

– Ты укрываешься одеялом, пряча от меня всё то, что я только что видел, – заметил Марк, натягивая штаны, – и не прочь взглянуть ещё раз.

Я почувствовала, что краснею. Странное ощущение. В порыве чувств, страсти и желаний я даже не задумывалась о том, что на меня смотрят и, возможно, оценивают. Но как только тело слегка остывает, сердце успокаивается, на смену приходит другие чувства – чувства стеснения и неуверенно-

сти в себе.

– Я просто замёрзла, – попыталась я оправдаться, зная, как это глупо звучит.

– Тогда я снимаю штаны обратно? – Марк потянулся к пуговице на джинсах, заставив меня рассмеяться.

– Боюсь, что шаги, которые я только что слышала, принадлежат твоей сестре, а я не хочу, чтобы она слышала, что мы...

– Что мы... что? Думаешь, она считает, что мы здесь изучаем основы геометрии?

– Нет, – я снова рассмеялась, – но это не повод, чтобы..., – я слегка смутилась, – в общем, отвернись, я оденусь.

– Вот ещё! Пропустить такое зрелище? Я, пожалуй, откажусь и посмотрю.

Я закатила глаза и, пытаясь одной рукой удержать одеяло, а второй дотянуться до одежды, запуталась и чуть не упала. Сильные руки Марка поймали меня, и я почувствовала, что одеяло я уже не держу. Стало жарко, захотелось остаться в этой комнате ещё ненадолго, чтобы...

– Марк! Кейт! – раздался голос Леи. – Вы где?

– Я же говорила, – я улыбнулась, – нужно идти к ней.

– Как скажешь. Но я тебя умоляю, не слушай её нравоучения. Не её дело, с кем я живу, что я делаю, и что происходит за дверью моей комнаты. Я очень люблю свою сестру, но моя личная жизнь касается только меня. Ну, теперь она касается и тебя, – Марк подмигнул мне, – жду тебя в столовой, – он

вышел и закрыл дверь.

Я привела себя в порядок и спустилась вниз. Краем уха я слышала, как Марк с сестрой о чём-то спорят, и взмолилась, чтобы спор не касался моих отношений с Марком.

– Как спала? – спросила я у Леи, подходя ближе к Марку и целуя его в щёку. – Удалось отдохнуть?

– Да, я настолько устала, что как только голова коснулась подушки, отключилась.

– Кстати, когда ты вернёшься домой и заберёшь своего волкодава? – поинтересовался Марк.

– Завтра, – Лея отвернулась к холодильнику, – как ты вообще живёшь? У тебя в холодильнике практически ничего нет.

– Я редко успеваю поесть дома, – заметил Марк, а я тут же вспомнила тот шикарный ужин, который он устроил для меня, – ты же знаешь, что я живу в небе.

– Кейт, – внезапно обратилась ко мне Лея, и я внутренне сжалась, приготовившись к провокационным вопросам, – ты ещё не готова разделить с Марком небесную жизнь?

– Лея! – прикрикнул Марк. – Я же просил тебя.

– Молчу-молчу, – она снова занялась своими делами, а я почувствовала себя третьей лишней. Между братом и сестрой явно состоялся какой-то разговор, касающийся меня. И я догадывалась, что тема вновь касалась неба, моих страхов и того, что если я не буду летать, то Марку нечего со мной делать. Но это не её дело. Это дело только Марка и моё. И

мы сами в состоянии разобраться с тем, как нам жить и где.

– Марк, я, пожалуй, поеду домой, я обещала родителям, что...

– Я отвезу тебя, – мгновенно отозвался он, – заодно спрошу тебя кое о чём. Лея, я тебя очень люблю, но убедительно прошу тебя – забирай свою собаку и езжай домой. Я своего решения не изменю.

О каком, интересно, решении он говорит? Что он решил и что он хочет мне сказать?

Я села в машину Марка уже как-то привычно, как в свою. Марк завёл двигатель и, не тронувшись с места, повернулся ко мне. Пронзительный взгляд его синих глаз говорил мне о том, что то, что хочет сказать мне Марк – это что-то серьёзное.

– Кейт, я хочу, чтобы ты переехала ко мне. Я хочу после рейса возвращаться домой, зная, что меня там ждёшь ты. Если я не буду проводить ночь в небе с сотнями пассажиров, я хочу проводить эту ночь только с тобой. Просыпаться утром в одной постели, вечером в ней же засыпать. Вместе завтракать. Ездить по магазинам. Возможно, тебе покажется, что всё быстро и внезапно, но я не хочу терять драгоценные минуты, проводя их без тебя.

– Я могу подумать? – его взгляд был настолько обжигающим, что думать было, в общем-то, не о чем.

– Можешь, – кивнул он, – у тебя есть пятнадцать минут, пока мы едем до твоего дома, – он тронулся с места, – или,

добившись цели и сняв с меня рубашку, ты уже думаешь, как поскорее сбежать?

Я рассмеялась.

– Да, были такие планы, – хитро улыбнулась я, – теперь придётся строить новые.

– А они тоже включают в себя отсутствие рубашки или ты решила зайти дальше? – его глаза улыбались, и я расслабленно прикрыла глаза.

– Я согласна.

– С чем? – невозмутимо спросил меня Марк. – С тем, что я буду без рубашки? Ну, так я не удивлён, потому что я весь-ма неплохо сложен, и судя по тому, как ты сегодня утром...

– Прекрати, – со смехом взмолилась я, – ты меня смущаешь! Я согласна переехать к тебе. Согласна ждать тебя из рейсов, согласна засыпать с тобой в одной постели, согласна просыпаться вместе и спускаться к завтраку. Только, пожалуйста, возвращайся. Всегда возвращайся. Пусть твой самолёт всегда будет возвращаться на землю.

– Я обещаю, – тихо сказал Марк, – я обещаю, что всегда буду возвращаться на землю.

– Я забыл тебе сказать, что Том со своей женой пригласили нас на ужин, – сообщил мне Марк, когда мы вышли из машины.

– И зачем ему это? – поморщилась я.

– Не знаю, но, предполагаю, что отказываться мы не имеем права.

Я пожала плечами. Ужин так ужин. С Марком – куда угодно.

– И когда они нас ждут?

– Дату мы ещё не обсудили.

– Обсудим Тома позже, – сказала я, – сейчас я не хочу о нём говорить.

– Как скажешь, – он нагнулся, чтобы поцеловать меня, а потом также резко отстранился, – но я хочу, чтобы ты знала ещё кое-что.

Глава 24. Марк

Я сам не ожидал, что скажу ей это сегодня. Что скажу это сейчас. Что я вообще скажу это так быстро, но это было именно то, что я чувствовал. То, о чём нельзя молчать. Когда я только начинал свою лётную карьеру, у меня был инструктор, который однажды сказал мне, что самая романтичная профессия – профессия пилота. И дело было не только в том, что пилоты были ближе к небу, что из их кабины открывался потрясающий вид на весь мир, который оставался под ногами. Когда ты каждый день поднимаешь в небо тяжёлый самолёт, за твоей спиной – не просто груз, а живые люди – каждый со своей судьбой, своим характером, своими желаниями, ты чувствуешь себя не только ответственным за их жизни. Ты чувствуешь, насколько эта жизнь скоротечна. Вот самолёт оторвался от земли, набрал высоту, летит. И вдруг отказ двигателя. И у тебя есть два варианта – выжить или нет. И, безусловно, выбранный вариант зависит от твоих умений, от того, насколько ты собран и умён. Но ещё зависит от решения неба. Если оно согласно помочь – оно поможет. Если нет – увы. И такого рода размышления делают из пилотов романтиков.

– Что ты сказал? – тихо спросила Кейт. – Повтори ещё раз.

– Я люблю тебя, – повторил я по её просьбе, улыбаясь, –

готов повторять это много раз.

Я, правда, был готов. Сказать эти слова было сложно лишь в первый раз. Сомневаешься, а не торопишься ли, а точно ли любишь? А что вообще такое любовь? А когда слова произнесены, когда их слышит та, кому они принадлежат, падает камень с души. И ты готов повторять это снова и снова.

От мыслей меня отвлекли её руки, которые мягко притянули меня за затылок, нежно целуя в губы. Я хотел ей сказать, что не требую никаких признаний взамен. В конце концов, я выразил свои чувства, а это не значило, что она должна чувствовать то же, что и я. Я не собирался торопить её или заставлять отвечать мне тем же. Но она посмотрела мне в глаза, а в них было то же небо, которое она видела в моих. С одной лишь разницей – в моих глазах это небо было надеждой, в её – страхом.

И в этот момент, когда ответ не прозвучал, хоть и был для меня очевиден, открылась дверь её дома. Кейт вздрогнула и сделала шаг назад, смущаясь, как будто была школьницей, которую застукали за курением.

– Кейт? И... полагаю, Марк? – обратился ко мне невысокий мужчина, по всей видимости, отец Кейт.

– Марк, очень приятно, – я пожал ему руку, не отводя взгляда, – у вас потрясающая дочь.

– Пап, ты куда-то собрался? – вмешалась Кейт в разговор.

– Я поеду встречать маму, она сегодня задерживается на работе, скоро вернёмся. Марк, – ещё раз обратился ко мне

её отец, – если вы не против, оставайтесь на ужин.

Я внимательно посмотрел на Кейт, будто спрашивая её разрешения. Уверена ли она в том, что это хорошая идея?

Она кивнула и пригласила меня в дом. Кстати, до приезда её родителей у нас был целый час, и я знал, на что его потратить.

– Итак, Марк, – начал разговор Герберт, отец Кейт, – вы, как я понимаю, тот самый пилот, в которого влюблена моя дочь?

– Пап! – возмутилась Кейт и тут же отвела от меня взгляд.

– Что? Ты же сама говорила, что...

– И что же она говорила? – с любопытством спросил я её отца. – Потому что мне она ещё ничего не сказала, – я хитро улыбнулся.

Кейт закатила глаза и намеренно продолжала избегать моего взгляда.

– Герберт, не мучай ты дочь, – мягко сказала Хелен, мать Кейт, на которую та была похожа как две капли воды, – не смущай её своим напором.

– Я вовсе не смущаюсь, – пробурчала Кейт себе под нос.

– Марк, – отец снова повернулся ко мне, – вы же в курсе той трагедии, которая случилась с нашей дочерью Агнесс?

Я осторожно кивнул. К чему он клонит?

– Я хочу предупредить вас, что повторной трагедии мы не хотим, а вы – пилот, вы тоже...

– Тоже что, пап? – внезапно заговорила Кейт, перетягивая внимание на себя. – Тоже летает? Тоже живёт? Тоже ходит?

– Тоже подвергает себя опасности. И заодно тебя.

– Ваша дочь Кейт, – обратился я сразу к обоим её родителям, – не летает на самолётах с той самой трагедии. И я не собираюсь тащить её туда силой. Если она решит, что готова – я буду рад приветствовать её в качестве своей пассажирки. Если нет – значит, всегда буду возвращаться к ней. Сюда, на землю. Тот факт, что я летаю, не делает из меня потенциального трупа. Я понимаю, что в вашем небольшом мирке – мирке вашей семьи – произошедшая трагедия огромна. Лично для вашей семьи то, что случилось – это потеря одного из четверых членов семьи. А в мировом масштабе – это один из восьми миллиардов людей, живущих на земле. И авиакатастрофы случаются очень редко. К сожалению, одна из них ведёт к гибели сразу сотен человек – это факт. Но за один день умирает гораздо больше людей от рака, от других болезней. Погибают в авариях, из-за несчастных случаев. И для их семей – это такая же огромная трагедия, как и для вас случившееся. Но все продолжают ездить на машинах, ходить в торговые центры, питаться не так полезно, как необходимо. Я не подвергаю опасности ни себя, ни Кейт. Самолёт – это такой же офис для меня, вот только находится он в небе. Это просто моя работа. И я выполняю её добросовестно. И,

поверьте, не собираюсь заканчивать ни свою жизнь, ни жизни тысяч людей, поднимающихся ко мне на борт.

Я произносил свою речь на одном дыхании – так, как будто защищал диплом. Но мне было важно, чтобы эти люди, родители той, кого я люблю, осознали, что слова «пилот», «самолёт», «небо» не должны стать запрещёнными. Не надо говорить «никогда», потому что «никогда» очень часто превращается в «почему бы и нет?».

– Я полностью согласна с Марком, – сказала Хелен.

Я чуть не подавился соком. Что она сказала?

– Прошу прощения, – откашлялся я, – вы со мной согласны?

– Да, – кивнула она, – я давно говорила Кейт, что запираяться в страхе нельзя. Я потеряла дочь, потеряла одну из двух своих любимых девочек. И это та боль, которая будет сопровождать меня всю жизнь. И каждый раз, когда я лечу на самолёте, я чувствую себя ненамного, но всё же ближе к ней. К той, которую потеряла.

Вот это да! Её мать летает. Я-то был уверен, что они все даже подходить к самолёту боятся.

– Марк, я прошу вас только об одном. Берегите мою дочь, она стала очень ранимой с тех пор, как... как потеряла сестру. И я уже однажды видел роман своей дочери с пилотом, который на земле бывал крайне редко. Порой мы даже забывали, как он выглядит. Агнесс скучала, а потом стала летать с ним. По возможности, конечно. Не каждый раз. И вы зна-

ете, чем это закончилось...

– Да, знаю, – тихо сказал я, – но её избранник не был капитаном воздушного судна в тот день, и то, что случилось – воля случая. Судьба. Трагичная, но судьба. А Том – он отличный пилот.

– Вы знакомы с Томом? – Герберт был крайне удивлён. – Откуда?

– Так получилось, – я пожал плечами, – он руководитель авиакомпании, на самолётах которой я летаю.

Так, за разговорами о Томе, самолётах и страхах, я не заметил, как Кейт вышла из дома. Увлечённый беседой с родителями, я не сразу спохватился, что кого-то не хватает. Извинившись перед ними, я сказал, что выйду ненадолго.

Открыв входную дверь, набирая попутно её номер и думая о том, что она сбежала, чтобы не слышать наши разговоры про полёты, я сразу же нашёл её взглядом. Она была во дворе, стояла и молча смотрела на небо. Я подошёл к ней ближе и аккуратно положил ей руки на талию.

– Марк? – спросила она, не оборачиваясь.

– А ты ждёшь кого-то другого?

– Я уже дождалась того, кого нужно, – тихо ответила она, так и не поворачиваясь, – посмотри какое сегодня красивое небо.

Я поднял взгляд, рассматривая тёмную синеву небесной глади, слегка разбавленную цветами заката. Кое-где уже были видны звёзды, просматривалась молодая растущая луна.

Я любил небо с любого расстояния и с любыми красками.

– Знаешь, какое красивое небо из кабины пилота?

– Не знаю, – помотала она головой, – и никогда не узнаю.

– Почему же, – пожал я плечами, – я могу показать тебе открывающийся мир из кабины пилота.

– Марк, я...

– Молчи, – развернул я её к себе, – не говори, что ты никогда не сядешь в самолёт. Впереди долгая жизнь, и в ней возможно всё. И если ты захочешь посмотреть на небо, облака, рельеф земли с высоты сорок тысяч футов, ты знаешь, к кому обратиться.

– Спасибо, – её глаза блестели.

– За что? За то, что говорю то, что думаю? Или за то, что не тащу тебя силой в самолёт? И не потащу, это твой выбор, и ты должна сама захотеть его сделать. Я могу лишь помочь, но решать за тебя я не вправе.

– Я люблю тебя.

– Что? – переспросил я, ошарашенный такой резкой переменной темы.

– Что? – невинно улыбнулась она. – Ты что-то говорил про ужин у Тома и его жены?

Я кивнул, думая, слышалось мне или нет? Нет, слышаться не могло. Или могло? Возможно, подсознательно я всё же хотел услышать эти слова. Больше, чем сам того осознавал.

– Марк? – Кейт щелкнула пальцами у меня перед лицом.

– Ты ещё со мной?

Я снова кивнул и взял её за подбородок. Пронзительный взгляд голубых глаз, в которых больше не было страха. Я смотрел на Кейт, находя в её взгляде то, чего не было до сих пор – искорки счастья, удовольствия. Радости. То, чего ей так не хватало.

– Я хочу услышать это ещё раз.

– Про ужин? – намеренно дразня меня, спросила она. Её руки поднимались по моим плечам, касались шеи. Большие пальцы касались скул, играя на моих чувствах и ощущениях. Сейчас очень хотелось оказаться не на ужине с её родителями, а где-нибудь подальше от людских глаз, наедине.

Я приблизился к ней, едва ли касаясь своими губами её.

– К чёрту ужин, – выдохнул я ей в открытые губы, – я люблю тебя.

– Я люблю тебя, – ответила она, и прижалась к моим губам.

Глава 25. Кейт

Несколько месяцев спустя

– Доброе утро, любимая, – я услышала ставший невероятно родным за это время голос. Марк вернулся! Я вскочила с кровати, едва не упав, и бросилась ему в объятия.

– Не удуши меня, – рассмеялся он, уворачиваясь от очередной порции объятий и поцелуев, – я планировал ещё пожить и завести кучу детишек.

– Тебя не было четыре дня! – притворно топнула ногой я. – Я соскучилась!

– А как же работа и встречи с Марией?

К нашему общему удивлению, после того, как мы провели вечер в компании Тома и Марии, они стали нам друзьями. Марк, конечно, был настроен скептически – поддерживать дружбу с сумасшедшим руководителем, по его словам, он не был готов. Но общение с ними пошло на пользу, как Марку, так и самому Тому. Он перестал цепляться к нему на работе по поводу и без него, перестал мучить его неадекватным графиком и, по возможности, давал ему время, чтобы провести его со мной. Сложно сказать, что повлияло на это решение – возможно, неудавшееся прошлое с моей сестрой и понимание того, как сложно жить в постоянных ожиданиях. А, возможно, его налаживающаяся личная жизнь – у Ма-

рии уже появился хорошо заметный животик, и оба светились от радости. А Марк... Марк, как обычно, шутил, подкалывал Тома, меня, но смирился с тем, что теперь мы видимся не только в рабочее время. С Марией я очень быстро нашла общий язык. Прекрасная девушка, которая работала врачом в одной из местных клиник. Будучи беременной, она была немного забывчивой, растерянной, порой уставшей и лишённой сил. Очень было заметно, что ей не хватало друзей. Она переехала сюда относительно недавно, из Испании, и вела практически затворнический образ жизни.

Но теперь, пока Марк увеличивал количество часов налёта, мы стали проводить время вместе – обсуждать дела авиакомпании, обсуждать мужчин, родителей – дружба, выросшая из ничего, обещала стать крепкой.

– Ты прав, – улыбнулась хитро я, – с ними настолько хорошо, что я подумала переехать к ним, оставив тебя одного.

– Даже так? – Марк вопросительно изогнул брови, подойдя ко мне ближе и оставляя поцелуй на шее. – Уверена?

– Почти, – прикрывая глаза, ответила я.

Поцелуи то спускались ниже и становились горячее, то снова поднимались выше и превращались в дразнящие. Избавляясь от рубашки и галстука, Марк повалил меня на кровать. Разговоры были отложены на потом, хотелось лишь наслаждаться друг другом. Каждый раз, когда он возвращался из одного рейса или после нескольких рейсов подряд, мне отчаянно хотелось попросить его бросить эту работу, найти

что-то более земное и не оставлять меня одну на такой долгий срок. Я перестала думать о том, что его самолёт может разбиться, перестала читать статистику авиапроисшествий. Но ожидание было всегда мучительным, я не выпускала телефон из рук, гипнотизируя экран, мечтая поскорее услышать звонок или получить сообщение с коротким «я долетел». Я ждала фотографий, звонков. Я постоянно жила в этих ожиданиях. Но сказать об этом Марку – это значит поставить его перед выбором – небо или я. И, возможно, я была уверена в том, что выберет он меня. Но заставлять его делать этот выбор я не имела права.

– Ты сегодня опять задумчивая, – заметил Марк, поглаживая меня по плечам, – не моя сестра, случаем, постаралась?

– Нет, – я рассмеялась, – я давно её не видела.

– О чём тогда задумалась? – серьёзно спросил Марк.

– О том, что я просто соскучилась, – лежать у него на груди было приятно и тепло, и мысли о том, что что-то может случиться, сами отступали на задний план, – ты когда в очередной рейс? Сегодня дома?

Марк вздохнул, и это означало лишь одно – он тут ненадолго.

– У меня ночной рейс в Катар, потом обратным рейсом сюда, и больше, чем на двадцать четыре часа я весь твой.

– Я надеюсь, что новогоднюю ночь ты проведёшь на земле, а не над Атлантическим океаном.

– Новогоднюю ночь я проведу с тобой – на земле, над оке-

аном или где угодно. Но с тобой.

– И Том согласился? – улыбнулась я.

– Разве он может согласиться с чем-то? Его уговорила Мария, сказав, что если он испортит новогоднюю романтическую ночь нам с тобой, она испортит ему всю оставшуюся жизнь. Не подскажешь, чья работа?

– Моя, – удовлетворённо кивнула я, – я очень долго жаловалась Марии на то, что я тебя совсем не вижу, что мне одиноко... ну, видимо, она сдалась под моим напором, правда, я пообещала ей...

– Что? Что наша романтическая ночь будет вместе с ними? Или что они переедут к нам?

– Уйми свою фантазию, – я подавилась смехом, – никаких третьих лиц в нашем доме.

В нашем доме. Я впервые сказала это вслух. Несмотря на то, что мы с Марком съехались уже давно, я никак не могла назвать это место «нашим». Был его дом, мой дом. Теперь появился наш дом.

– Я очень надеюсь, что третьи лица в нашем доме всё же появятся, желательно даже двое или трое, но позже.

– Сделала вид, что тебя не слышала после слова «двое», – улыбнулась я, наслаждаясь моментом безграничного счастья. Было очень приятно лежать рядом, чувствовать тепло его тела, запах его парфюма, его руки на своём теле. Ни самолётов, ни командировок, ничего и никого лишнего.

– Так что ты там пообещала Марии с Томом? – вырвал

меня Марк из сладких ощущений.

– Что ты станешь крёстным его сына.

– Что? – Марк, кажется, чуть не подскочил на кровати.–

Ты шутишь?

– Почему же шучу? Это прекрасная идея. Вы перестанете ругаться, будете близки друг другу, и...

– ...мой крестник будет ненавидеть меня за то, что я издеваюсь над его отцом.

– Марк, ну прекрати, – мягко попросила я, – ты же сам осознаёшь, насколько близко нас сталкивает судьба.

– Осознаю, – простонал Марк, – и ненавижу эти столкновения. Я вообще не планировал, что вы будете продолжать общение.

– И не планируй, – сказала я, – я сама разберусь.

– Но...

– Никаких но, – остановила я его, – закрыли тему.

На удивление Марк не стал возражать и спорить со мной.

– У тебя завтра выходной?

– Нет, к сожалению, мне завтра нужно в офис. Стив попросил помочь с проектом, – моментально отозвалась я, ненавидя себя за эту ложь. Но сказать Марку, куда и зачем я собралась, я не могла. Пока – не могла. Сначала нужно было понять, получится у меня или нет.

– А кто будет готовить новогодний ужин?

– А зачем нам ужин? – хитро улыбнулась я, намеренно дразня его.

Мне показалось, что я даже услышала, как Марк мысленно простонал, пытаясь унять свою фантазию.

– Поддерживаю твою идею, но хотя бы шампанское будет?

– Ты же не пьёшь, – удивлённо вскинула я брови, – или снова исключение?

– Оно самое.

– А вдруг тебя вызовут в рейс?

– Не вызовут, – уверенно сказал он.

– Ну, значит, будет и шампанское.

Проводив Марка в очередной рейс, я убедилась, что он уехал, собрала сумку и села в машину. Впервые за много лет я делала то, чего и хотела, и боялась одновременно. Боялась себя, боялась, что узнает Марк. Но остановить то, что я начала, я не могла. Пока Марк был в рейсах, это был единственный шанс. И я его использовала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.